ЗОНА СМЕРТИ

Андрей Ливадный

ТОЧКА РАЗЛОМА

Annotation

Плечом к плечу они пробивались к цели сквозь все опасности отчужденных пространств. Их встречали огнем фанатики Пламенного Креста и егеря Ковчега, неистово атаковали механоиды, подстерегали многочисленные ловушки. А впереди их ожидал мифический Светлый Тоннель, избавляющий инфицированного от скоргов, и загадочный скоргиум, способный изменить соотношение сил в бесконечном противостоянии с чудовищными порождениями технохауса. По мрачной иронии Судьбы, именно им предстояло спасти от мгновенной гибели всех сталкеров Пятизонья.

Андрей Ливадный Точка разлома

Пролог

За внешней границей Барьера.

Карантинная зона Соснового Бора…

Дорога уводила во тьму.

Свет фар выхватывал из мрака стелющиеся под колеса трещины в давно не ремонтированном дорожном покрытии, выцветшую разметку, на обочинах – пожухлый кустарник да вырванные с корнем, почерневшие под дождями поваленные деревья.

В салоне царила напряженная тишина, нарушаемая лишь сонным шелестом вентилятора системы отопления и нервным периодичным писком устройства спутниковой навигации.

Маркер на дисплее бортового компьютера медленно, но неуклонно приближался к границе заштрихованной красным цветом окружности, в центре которой таилось тревожащее воображение название «Сосновый Бор».

– Всё, приехали, – неожиданно произнес водитель, сверившись с известными только ему ориентирами.

Машина мягко свернула к обочине, под колесами скрипнул гравий.

– Но мы же договаривались до блокпоста! – начал протестовать один из пассажиров.

– До блокпоста и довез, теперь пешком идите. – Пожилой таксист включил дальний свет фар, выхватив из тьмы побитую ржавчиной табличку, болтающуюся на обрывке колючей проволоки:

Стой! Запретная зона! Огонь открывается без предупреждения!

– Далеко до Соснового Бора? – недовольно осведомился молодой парень лет девятнадцати, сидевший рядом с водителем.

– А сам прикинь. – Фары погасли, тьма как будто ринулась со всех сторон, облепила старенький автомобиль. Ни луны, ни звезд, лишь впереди в ночной мгле вдруг проявилось неяркое, мертвенно-бледное, играющее сполохами зарево.

– Это Барьер? – сдавленно спросил один из парней.

– Он самый. Мой вам совет – поворачивали бы обратно, – ворчливо произнес таксист. – Там военные патрули, вертушки, боевые машины, да и народец, прямо скажу, лихой. В лучшем случае – несколько суток в каком-нибудь сыром бункере продержат, до выяснения, а то ведь и убить могут.

– Не, дед. Мы не слабонервные. Справимся. – Парень протянул ему

обещанные деньги. – Всё, выгружаемся. – Он первым вышел из машины, подавая пример двум своим спутникам.

Таксист молча коснулся кнопки открывания багажника, затем вновь включил фары, осветив покосившийся столб с обрывками колючей проволоки.

– Тут раньше блокпост был, – сказал он, опустив боковое стекло. – Уж пару лет, как его перенесли на границу руин. Метров через пятьсот от дороги проселок отходит. Вы по нему попробуйте.

– Спасибо, дед. Разберемся. – Парни забрали рюкзаки со снаряжением, отошли на несколько метров от машины, о чем-то переговариваясь.

Таксист понял: разубеждать их бесполезно.

Зона тотальных разрушений, вплотную примыкающая к мутному куполу гравитационной аномалии, будто магнит, притягивала искателей острых ощущений. Спустя годы после потрясшей мир Катастрофы уже мало кто задумывался над трагедией этих мест. За семь лет успело сформироваться целое поколение, для которого отчужденные пространства – данность, а окружающие их руины мегаполисов – зона экстремального туризма.

Он все же сделал еще одну попытку, жестом подозвав старшего из троих парней.

– Мы вроде расплатились? – нетерпеливо спросил тот.

– Я минут двадцать подожду. На тот случай, если передумаете.

– Ты что, дед? Мы ведь не в отчужденные пространства идем. Ну, побродим по руинам, поднимемся на уцелевшую высотку, на фоне Барьера снимки сделаем…

– Послушай, сынок, там ведь люди погибли. Руины – что братская могила. А вы фотографироваться лезете.

– Вот только не надо меня воспитывать! – Парень зло сверкнул глазами. – Не маленькие. Сами разберемся.

Пожилой таксист лишь сокрушенно покачал головой, глядя, как три фигуры растворяются во тьме.

Многих он привозил сюда. А что делать? Жить-то надо. Всякого насмотрелся и наслушался. «Урбанисты», «псевдосталкеры», «диггеры», «черные археологи» – раньше он и слов-то таких не знал.

Большинство искателей острых ощущений доходили до границы руин и поворачивали обратно. Военные специально перенесли блокпосты в глубину запретной зоны, оставив окраинные здания вроде как без присмотра. На самом деле всё находилось под контролем следящих систем.

Туристов, побродивших по этажам полуразрушенных зданий и повернувших обратно, как правило, не трогали. Ну а если пересек незримый рубеж – пеняй на себя. Хорошо, если военные возьмут.

На подступах к Барьеру настоящую опасность представляли не только их патрули. В пятикилометровом пространстве, между кольцом внешнего периметра и мутным куполом гравитационной аномалии, орудовали различные силы: наемники, перекупщики техноартефактов, проводники, торговцы-нелегалы, да и просто откровенные бандиты, для которых ограбить и убить – раз плюнуть.

* * *

Трое молодых ребят быстро добрались до проселка, свернули по нему в чащу мертвого, почерневшего, осклизлого от моросящего дождя кустарника.

Старая грунтовая дорога, разбитая тяжелой бронетехникой, через пару сотен метров начала петлять меж заросших бурьяном полей, постепенно сворачивая в сторону зловещего холодного зарева, на фоне которого в ночной мгле проступили мрачные очертания руин мегаполиса.

Они шли, почти не разговаривая друг с другом, напряженно вслушиваясь в зловещую, звенящую тишину, невольно поеживаясь, но уже не от промозглого ноябрьского холода.

Постепенно со стороны городских руин начали долетать отдельные звуки: басовитый гул вертолетных двигателей, заунывный вой ветра, редкие, глухие, отдаленные выстрелы.

Парень, что недавно разговаривал с таксистом, остановился, поставил увесистый рюкзак на сухой бугорок.

– Экипируемся.

На ближайший куст легла тончайшая маскировочная сеть – продукт высоких технологий. Тусклый свет фонарика осветил пятачок влажной почвы, из рюкзаков появились три комплекта камуфлированной экипировки, прошитой тончайшими нитями антисканирующих комплексов.

Переодевшись, парни переглянулись.

– Что дальше, Тим? – спросил один из них, нервно сглотнув. – Ты уверен, что нас не засекут?

– Уверен. Под Новосибирском пацаны с такой защитой на сто метров к Барьеру подобрались. Проверено, Пашка, главное не суетись и не вздумай бегать по руинам. Двигаться нужно медленно, только тогда маскировка нормально работает.

– Холодно, – стуча зубами, пожаловался третий.

– Это у тебя не от холода, а от страха. На, Алекс, глотни, полегчает. – Тим протянул ему флягу. – Значит, так, – он активировал нанокомп, – вот тут, у слияния двух проспектов, наша цель – уцелевший небоскреб. Бывший жилой комплекс «Династия». Добраться туда нужно затемно. Восхождение начнем с рассветом.

– А если на патруль нарвемся? – Алекс сделал глоток из фляги, поперхнулся, закашлялся.

– Я же сказал, экипировка проверенная. Увидел кого, застынь, лучше присядь и не шевелись, сойдешь за камень, – нервно хохотнул Тим. – Единственная опасность – собаки. Вот от них маскировка не спасет.

– А состав этот вонючий? – спросил Паша, указывая на один из тюбиков, упакованных в рюкзаке вместе с другим снаряжением.

– Не знаю, – пожал плечами Тим. – Говорят, нюх он собакам отшибает, но сам не проверял. В общем, действуем по ситуации. Адреналин гарантирую. Включаем камеры на запись и пошли. Вернемся, видео в сеть выложим, пусть новосибирские сталкеры нос не задирают. Мы круче!..

* * *

Город поглотил их.

За отдельными фрагментами жутковатой реальности не воспринималось целое. Пограничные здания, между которыми виднелись порванные проволочные заграждения старого периметра, выглядели пустынными, заброшенными, неохраняемыми. На самом деле сотни разнообразных датчиков процеживали тьму, передавая данные сканирования на опорные наблюдательные пункты изоляционных сил.

Тим бесшумно крался вдоль стены полуразрушенного здания. За его плечами лежал опыт покорения многих техногенных объектов, он знал, как нужно передвигаться, чтобы не стать легкой добычей для систем слежения. «Главное – пройти электронный рубеж. Дальше станет легче», – твердил себе он, чувствуя, как капли пота выступили по всему телу.

Призрачная стена мертвенного света озаряла руины нереальными, мятущимися сполохами.

Барьер царил над разрушенными квартами мегаполиса, будто исполинский, тускло сияющий нарыв, его вид подавлял рассудок, заставляя сердце замирать и сжиматься от каждого шороха.

Труднее всего – не поддаться инстинктивному желанию бежать, рывком преодолеть расстояние до ближайшего укрытия. Нервы натянуты в струну, во рту комок слюны, его не сглотнуть, каждый выступ руин кажется зловещей фигурой, притаившейся во тьме, от перенапряжения начинает

кружиться голова, по мышцам гуляет озноб…

Десять шагов… Двадцать… Пятьдесят… Сто…

В нагрудном кармане экипировки завибрировал нанокомп.

Неужели все? Сеть сканеров пройдена?

Тим на секунду расслабился и тут же обмяк, чувствуя, что ноги вдруг стали ватными.

Тридцать минут медленного вязкого продвижения не оставили иных впечатлений, кроме ощущения дикого, гложущего страха. Он поймал себя на мысли, что не запомнил ни одной детали, да и не заметил среди руин окраинных домов ничего необычного. Тогда почему накатывает ужас, а нервы, кажется, готовы лопнуть от напряжения? Что же такого жуткого в ночной тьме да в иззубренных громоздящихся повсюду сумеречных контурах разрушенных построек?

Барьер.

От его мертвенного сияния восприятие реальности незаметно трансформировалось, все ощущения стали острее, словно, ступив в зону руин, Тим перешагнул незримую черту и вдруг оказался на зыбкой грани миров, в сюрреалистичном, неподвластном рассудку пространстве.

Он кое-как справился с дрожью, медленно обернулся, пытаясь отыскать взглядом неприметные на фоне тьмы фигуры идущих следом, и вдруг…

Ему показалось, что сердце сейчас выпрыгнет из груди.

Свет и звук внезапно ворвались в теснину улицы. Тим с ужасом понял, что небольших размеров беспилотный вертолет все время таился где-то поблизости, а сейчас, зафиксировав цель, вдруг обнаружил себя: ослепительные лучи прожекторов вспороли мрак, метнулись по стенам, скользнули по осыпям бетона и кирпича, покачнулись, на миг застыли на уровне второго этажа и вдруг скрестились, поймав сгорбленную человеческую фигуру.

Ни окриков, ни предупреждений Тим не услышал, все произошло стремительно, беспощадно: с глухим рокотом заработали вертолетные пушки, четыре хоботка пламени затрепетали в ночи, по кромке руин, сметая кубометры кладки, оставляя огромные дымящиеся дыры в препятствиях, ударили строчки оранжево-черных разрывов, оглушительный грохот поглотил реальность, по стене здания прыснули трещины. Тим сжался, его накрыло мгновенно всклубившимся пылевым облаком, осыпало крошевом кирпича и бетона, он только успел подумать – всё… как выстрелы стихли, лишь внутри изрешеченной снарядами постройки с протяжным скрежетом медленно проседал потерявший опору

фрагмент железобетонного перекрытия.

Пространство улицы заволокло клубами едкой пыли, меж огрызками стен еще стыл чей-то жуткий вопль, а боевая машина уже исчезла, тьма вновь поглотила все сущее, остались лишь солоноватый привкус крови на прокушенных губах да дрожь, ознобом гуляющая по телу.

Смерть пронеслась мимо, над самой головой: только сейчас Тим понял, что стреляли не по нему.

Сзади раздался хриплый стон. Он стряхнул оцепление, сгорбившись, на ощупь прокрался вдоль стены и увидел Алекса с Пашкой, – оба сидели, выпучив глаза, зажимая руками рты, содрогаясь от подступивших к горлу спазмов.

В пространство улицы вновь вернулся ослепительный свет.

Они инстинктивно вжались в каменную осыпь, беспилотная машина пронеслась над самыми головами, скручивая пылевое облако тугими смерчами, и… растворилась в ночи.

Тим приподнял голову.

Где-то далеко сухо и неравномерно рассыпались звуки беспорядочной перестрелки.

Контуры зданий казались чудовищами, их омывало тусклое свечение, исходящее от Барьера, а два километра намеченного заранее маршрута воспринимались сейчас как неодолимое расстояние.

«Нет. Мы прошли электронный рубеж. Нас не заметил беспилотный вертолет. Маскировка работает, она спасла нас от смерти. Мы дойдем…»

Было в этом стремлении что-то иррациональное, противоречащее здравому смыслу, и, поймав полубезумные взгляды Пашки и Алекса, Тим хрипло спросил:

– Возвращаемся?

– Тимоха, ты чего?! – сиплый шепот Пашки звучал прерывисто. – Я снял это… Ты представляешь?! Снял атаку вертушки… И Барьер…

Тим покосился на Алекса.

Тот полубезумным взглядом уставился во тьму, не шевелился, не реагировал на вопросы, лишь пальцы его рук мелко дрожали.

– Алекс, ты как? Живой?

Тот с усилием кивнул, медленно повернул голову, осмотрелся, словно хотел спросить: ребята, где мы?

– Алекс, ты с нами? – настойчиво переспросил Тим.

Тот снова не шевелился.

– Ну, чего ты к стене прилип? Встать сможешь? Решили дальше идти, так нечего тут время терять!..

– Не… я потихоньку… назад… без меня идите.

– Во дает… – презрительно прошипел Пашка. – Струсил?

– Думайте как хотите. Я пас. Дальше не пойду…

– Жалеть потом будешь.

Алекс мучительно посмотрел на него, представил, как Тим и Пашка будут хвастаться съемкой, сделанной с верхних этажей небоскреба, перед самым Барьером. «Мне же прохода не дадут…» – тоскливо подумал он. Жуткий страх сковывал движения, хотелось уползти назад, затеряться в стылом рассвете, среди заброшенных полей и пожухлых кустарников, но он все же пересилил себя.

– Ладно… Я с вами…

– Руку давай. – Тим помог ему встать.

Глава 1

Бледный рассвет пробился стылой полоской зари.

Зловещие проявления ночной жизни постепенно стихли, и в настороженной утренней тишине каждый шорох теперь звучал как выстрел.

По лабиринту каменных джунглей, омывая контуры небоскребов, медленно сочилась туманная мгла.

Вокруг простирались руины мегаполиса. Ободранные железобетонные остовы сверхвысотных зданий царили над вздыбленным ландшафтом. В мрачных ущельях улиц, обрамленных фрагментами стен, гнездилась тьма. В утренней мгле, на фоне призрачного сияния Барьера, остовы уцелевших небоскребов выглядели жутковатыми, фантастическими изваяниями, устремленными в небеса.

Сталкер, затаившийся среди руин, напряженно наблюдал за пространством прилегающей улицы. Он явно ожидал какого-то события, изредка поглядывая на экран нанокомпа, закрепленного на запястье.

Утреннее затишье давило на нервы. Расширитель сознания и метаболический имплант не работали, – за границей Барьера воздействие Узла практически не ощущалось, и колонии наномашин, оставшись без подпитки аномальной энергией, отключились.

«Пять утра. Где же тебя носит?» – неприязненно думал он, всматриваясь во мглу.

Впереди простирался перекресток, над ним господствовали контуры трех близко расположенных высотных зданий, окруженных осыпями обломков. Мгла, клубящаяся в лабиринте улиц, ограничивала видимость, к утреннему туману примешивались ядовитые испарения: истекая из скрытых под руинами тектонических трещин, они просачивались сквозь нагромождения обломков струйками желтоватого дыма, смешивались с утренним туманом, отравляя лабиринты улиц; изредка зловещий багрянец подземного огня озарял окрестности, придавая сумеркам тускло-оранжевый оттенок.

Все затихло, будто перед грозой, лишь легкий ветерок, несущий частицы едкой пыли, слегка раскачивал ржавую, чудом сохранившуюся вывеску какого-то учреждения.

«До импульса уже не успею», – подумал сталкер, продолжая внимательно изучать окрестности.

Он не любил вылазки во Внешний Мир. Наваливались тяжелые воспоминания, от которых порой щемило сердце. Когда-то он жил тут. В глубине порядком очерствевшей души все еще не потускнела память мальчонки, он помнил, как, просыпаясь по ночам, подходил к окну и подолгу стоял, глядя на великолепие мегаполиса, сияющего каскадами архитектурной подсветки высотных зданий, на реки огней, что текли по многоуровневым автомагистралям, на феерические всплески голографической рекламы, вычерченной лазерами на фоне облаков.

Мир неузнаваемо изменился с тех пор, но даже сейчас его взгляд без труда находил знакомые очертания некоторых сохранившихся небоскребов.

Каменные джунгли обожгло, исковеркало и проредило сокрушительным ударом взрывной волны, микрорайон Соснового Бора отсекло мутным куполом Барьера, отдельные высотки, устоявшие под чудовищным порывом, щерились пробоинами в стенах, ветер гулял по опустевшим квартирам и офисам, глухо завывая там, где раньше струился уютный свет миллионов окон.

Постепенно пространство руин вновь начало наполняться звуками: скрежетал по нервам лист оторванного железа, в глубинах зданий зародился протяжный вибрирующий гул – это несущие конструкции небоскребов упрямо сопротивлялись напору усилившегося ветра.

Через улицу, сторонясь ядовитых испарений, перебежало несколько крыс.

Он взглянул на экран нанокомпа, затем отключил его, как и активные системы экипировки. Каждое утро в карантинной зоне, примыкающей к внешней границе Барьера, начиналось с удара генераторов электромагнитного импульса, – военные, опасаясь случайного прорыва техноса, на всякий случай зачищали местность[1].

…Сзади внезапно послышался шорох осыпающегося гравия.

Сталкер моментально отреагировал, перекатился, вскинул старенький «калашников», целясь на звук.

В сумерках возникла фигура, закованная в боевую броню.

За границей Барьера не работает мью-фонная связь, мгновенная идентификация с помощью привычных средств сталкерской сети тут попросту невозможна, и любая неожиданная встреча грозит непредсказуемыми последствиями.

Незнакомец замер, затем, сориентировавшись, глухо, полуутвердительно произнес:

– Монгол? Не дури!

На скуластом лице сталкера не дрогнул ни один мускул, лишь указательный палец машинально выбрал люфт спускового крючка.

– Да свой я! Прекрати! Меня же Славка прислал!

Ствол автомата даже не дрогнул. Те, кто не знал Монгола, часто недооценивали его, в основном из-за выбора оружия. В условиях отчужденных пространств морально устаревший автомат Калашникова выглядел анахронизмом, безопасной игрушкой… если бы не пластиковые капсулы с фричем[2], которыми сталкер снаряжал самодельные боеприпасы. Технологию их изготовления Монгол держал в строгой тайне, поговаривали, что сам приор Глеб когда-то научил его секрету, как начинить обычную пулю капелькой аномальной субстанции.

– Ну серьезно, меня Славка-Сухостой прислал! – Сталкер демонстративно закинул за спину короткоствольный «Шторм», коснулся сенсора на запястье, поднимая забрало боевого шлема.

– Мы должны были встретиться час назад! – сквозь зубы произнес Монгол.

– Ну извини. Задержался.

– Электронику вырубай. И не маячь как столб!

Дождавшись, пока тот подчинится, Монгол опустил оружие.

– Что-то я тебя не припомню.

– Гонта. Из вольных, – отрекомендовался сталкер.

– Имя или позывной?

– Два в одном. – Гонта присел, опасливо озираясь. – А что тебе моя электроника вдруг далась? И так с бронекостюмом намаялся. Выключу – опять время потеряем. Придется ждать, пока система перезагрузится.

Монгол с подозрением взглянул на него. «Не знает, что с минуты на минуту военные шарахнут электромагнитным импульсом?»

– Зачем за Барьер ушел? – настороженно спросил он.

Вопрос был задан не из праздного любопытства. Редко кто из обитателей отчужденных пространств решался выйти за границы Барьера. Для этого нужно обладать не только особыми способностями, но и серьезной психологической подготовкой. При отключенном метаболическом импланте и неработающем расширителе сознания мир трансформируется, границы восприятия резко сужаются, пропадает мьюфонная связь, большинство элементарных приемов выживания становятся недоступными, а опыт, приобретенный в отчужденных пространствах, – практически бесполезным.

Здесь – Внешний Мир, который для большинства обитателей

Пятизонья – коварная terra incognita.

– Так, говорят, эпидемия снова! – Гонта зло сплюнул. – Хотел очередную пульсацию за Барьером переждать. Едва не загнулся. Твои питерские меня в руинах подобрали…

В принципе, такое объяснение снимало большинство вопросов. После внезапной, опустошающей «Технореволюции», неистовой атаки морских исчадий техноса и загадочной эпидемии, унесшей жизни многих сталкеров[3], в отчужденных пространствах наступило зыбкое затишье. Поредевшие группировки, потеряв большинство бойцов, утратили былое влияние, часть сталкеров, опасаясь новых вспышек загадочной болезни, временно ушли за Барьер, скрываясь в руинах, на удалении одного-двух километров от внешнего периметра гравитационной аномалии. На таком расстоянии скорги хоть и впадали в «энергосберегающий режим», но их колонии разрушались не сразу, давая имплантированным людям возможность переждать очередную пульсацию Узла за границами Пятизонья.

– Почему опоздал?

– Да говорю же – бронекостюм, будь он неладен, энергии слишком много жрет! На половине пути пришлось энергоблок менять.

– Ладно. Чип давай. – Монгол опустил оружие.

У них со Славкой-Сухостоем существовали свои правила, коды опознания и договоренности.

Когда-то они вместе беспризорничали в руинах разрушенного мегаполиса, – прежде чем попасть в отчужденные пространства и стать сталкерами, оба пацана хлебнули немало горя, в одну ночь потеряв всё: дома, родителей, детство. Привычный мир рухнул, обернувшись воем сирен, военными патрулями, мародерами, спасателями, обезумевшими людьми, стойким запахом разложения, исходящим из-под руин, отчаяньем и безысходностью.

Всякое бывало. И голодали, и замерзали, дрались насмерть с одичавшими собаками и сверстниками за банку консервов, глоток воды, прятались от патрулей, сбегали из эвакуационных пунктов, – инстинктивно оба рвались назад, в зону тотальных разрушений.

Через год они со Славкой прибились к группировке «питерских» – в основном таких же подростков, которыми руководил некто Крамор. Работали проводниками, подземными путями переправляя через Барьер желающих попасть в отчужденное пространство Соснового Бора, затем, во время одной из вылазок, они со Славкой попали под удар пульсации…

Многое изменилось с тех пор. Оба стали сталкерами, прошли через имплантирование, повзрослели, их пути разошлись, – Славка теперь руководил «питерскими», Монгол же остался в Пятизонье, – но старой дружбы они не забывали, поддерживали связь, частенько выручая друг друга.

Мысли промелькнули, пока информация, записанная в чип, считывалась через особое устройство.

– Порядок.

Гонта, внимательно изучавший перекресток, обернулся.

– И к чему такая конспирация?

– Не конспирация, а предосторожность. – Монгол, ловко взобравшись на гору мусора, лег на живот. – Я кого попало за Барьер не вожу.

Гонта медленно и неуклюже взобрался на возвышенность. Двигаться при отключенной сервомускулатуре – удовольствие ниже среднего.

Впереди, метрах в трехстах за перекрестком, мутной непроницаемой стеной возвышался купол Барьера.

Разлом улицы упирался в дрожащую, клубящуюся серую субстанцию и исчезал в ней, но внимание Гонты привлек не Барьер, а крысы, перебегавшие от здания к зданию.

– Надо же… Живые. – Он подался вперед, стараясь вытянуть шею, но тяжелая экипировка не позволила.

Монгол вновь с подозрением покосился на него.

– Крыс никогда не видел?

– Видел, конечно, да уж и забыл, как эти милашки выглядят. – Гонта продолжал наблюдать. – До Катастрофы я диггером был. Жил в Новосибирске, все городские подземелья излазил.

– Зачем? – сухо осведомился Монгол.

– Адреналин, – охотно пояснил Гонта. – Кроме метро под Новосибирском много всяких подземелий. Некоторые по пять-шесть уровней насчитывают. Их еще в прошлом веке, во время войны построили. Чего там только нет! Склады военные, резервные командные пункты, убежища, в одном тоннеле даже техника боевая стоит. На случай войны. Интересно было. Городские коллекторы, «кабельники», подземные речки, заброшенные бункера, – драйв, в общем…

Монгол лишь хмыкнул в ответ.

Мир ласкового солнца, живых растений воспринимался в тускнеющих с годами воспоминаниях, как потерянный Эдем, врата которого захлопнула за спиной Катастрофа. Он откровенно не понимал, зачем спускаться во влажный стылый мрак, бродить в нечистотах, какой в этом толк? Что за

удовольствие – уходить от солнца в мрачные, полуразрушенные временем бункера?

– Разные мы с тобой, – буркнул Гонта, словно прочел его мысли. – Меня в пятьдесят первом заживо похоронило. Я с тех пор только металлизированных тварей и видел… А ты зачем за Барьер подался? Жил бы себе…

Монгол уже не слушал его. Беспилотник, круживший в небе, резко ушел на посадку.

– Затихни!

В этот миг бледное зарево полыхнуло над руинами.

Гонта умолк на полуслове, Монгол болезненно поморщился: удар электромагнитного импульса вызвал вспышку острой боли – его импланты отреагировали на электромагнитный разряд, а вот Гонта даже не вздрогнул.

Через пару секунд помутившееся сознание прояснилось.

– Перезагружай системы, – поторопил сталкер своего попутчика. – И так из-за тебя целый час потеряли!

* * *

Пока Гонта возился с бронекостюмом, реактивируя управление сервомускулатурой, Монгол возобновил пристальное изучение подступов к Барьеру.

Его внимание привлекло одно из полуразрушенных зданий, возвышающихся над перекрестком.

На высоте шестого этажа, где оползень бетонных обломков вплотную примыкал к стенам высотки, за безобразной пробоиной внезапно проступили слабые, мятущиеся отсветы. Минуту назад, до удара электромагнитных излучателей, в проломе царил плотный сумрак.

Костер? Скуластое, широкое лицо Монгола помрачнело. Похоже, импульс разрушил чью-то маскировку, но какой идиот станет разводить огонь в руинах?

Гонта пошевелился, перехватил автомат, жестом давая понять, что готов двигаться дальше.

– Замри. – Монгол выглядел раздосадованным.

После удара ЭМИ-излучателей прошла всего минута, но в небе уже появились беспилотные боевые машины, а со стороны Барьера послышался лай собак. Военные времени не теряли.

Оценив примерную расстановку сил, сталкер принял решение: затаиться и переждать, пока пройдут патрули.

– Чего ждем? – просипел Гонта.

– Свет костра видишь? Какие-то туристы в руинах. А точка входа в подземелья как раз за тем зданием. Военные отсвет уже наверняка заметили. Сунемся туда – нарвемся на патруль.

– И долго нам ждать?

– По обстановке.

Досадуя на неожиданное обстоятельство, способное серьезно осложнить дальнейшее продвижение, Монгол отложил автомат, достал бинокль. При неработающем расширителе сознания приходилось пользоваться примитивными приборами.

Через минуту он понял, что отсветы, мятущиеся в руинах, – только половина проблем. В узком разломе улицы на подступах к перекрестку наблюдалось смутное, едва различимое движение. Скорее всего – караван контрабандистов. Движется в тени зданий, сквозь марево ядовитых испарений, зная, что военные без особой необходимости не станут приближаться к линии тектонических разломов.

Расчет верный, но проводнику каравана не виден свет костерка, разведенного в здании. А вот патрули его уже заметили, дежурное звено беспилотных роботов, ловко перебирая механическими конечностями, подбиралось к полуразрушенному небоскребу со стороны проплешины бывшего парка.

Каравану с ними уже точно не разминуться.

Монгол убрал бинокль, вскинул автомат, приник к оптическому прицелу, повел стволом, осматривая пролом в стене здания.

«Точно – туристы…» – неприязненно подумал он, заметив троих парней в новенькой камуфлированной экипировке. Они не подозревали, что их маскировка разрушена. Двое сидели у костерка, третий, стянув дыхательную маску, курил, стоя у покосившегося оконного проема. В глубине этажа горкой свалено снаряжение, видимо, искатели острых ощущений собирались «покорить» очередной небоскреб, сфотографироваться на фоне разрушенного мегаполиса и мутного купола Барьера.

Лай собак приближался. Со стороны проплешины старого парка к зданию целеустремленно двигалось звено «ОРПов»[4].

…Один из сидевших у костра услышал шум осыпающихся камней, вскинул голову, отгоняя свинцовую усталость. Шутка ли – пройти три километра по руинам?

– Ну, чего там? – обеспокоенно осведомился он.

Тот, что курил у оконного проема, обернулся.

– Да вроде тихо все. Светает. Алекс, у меня просто башню сносит. Смотрю и даже не верится… Дай камеру, тут проспекты как на ладони, и две высотки, у самого Барьера…

Сталкер переместил прицел. Караван остановился – видимо, проводник все же заподозрил неладное. Боевое охранение, получив приказ, рассыпалось по прилегающим руинам, занимая позиции. Эти шутить не станут. С военными контрабандисты либо договариваются заранее, либо бьются насмерть.

Сталкер внимательнее присмотрелся к проводнику, возглавляющему караван.

Да это же Молох! Правая рука Дьякона![5]

С фанатиками Пламенного Креста у военных особые отношения. Тут даже за деньги ничего не изменишь. Слишком много кровавых долгов числится за Дьяконом в Сосновом Бору.

Значит, Молох ведет караван на свой страх и риск, полагаясь на опыт, удачу и наемников, сопровождающих груз.

– Гонта, у нас проблемы, – оценив ситуацию, сухо сообщил Монгол. – Нужно перебираться на другую сторону улицы. Видишь огрызок лестницы в глубине руин?

– Вижу.

– Пойдешь первым, я прикрою. Только не тормози, понял? У нас пара минут, не больше.

– А что случилось-то?

– Пошел! В темпе! – вместо ответа прикрикнул Монгол.

Гонта лишь скрипнул зубами, но ослушаться не посмел. Привстав, он неуклюже перевалился через огрызок стены и начал быстро спускаться по осыпи обломков в затянутый желтоватым туманом разлом улицы.

* * *

Фигура сталкера исчезла в оранжевом сумраке.

Монгол ждал его появления на противоположной стороне обрамляющих улицу руин, но, видимо, что-то стряслось в границах принесенного ветром облака ядовитых испарений, на минуту закрывшего видимость. Шли драгоценные секунды, но Гонта так и не появился на заранее намеченном рубеже.

«Проклятье…» – мысленно выругался Монгол.

Хрупкая утренняя тишина внезапно брызнула звуками: сопровождавшие караван наемники заметили приближение «ОРПов» и тут же открыли ураганный огонь. Из руин зданий сипло зачастили очереди

импульсных автоматов, со стороны перекрестка внезапно полыхнул всплеск пламени, глухо ударил взрыв, парень, беспечно куривший у окна, испуганно присел, озираясь по сторонам, не понимая, что происходит.

Яростная перестрелка, вспыхнувшая в руинах, мгновенно охватила целый квартал.

Подбитый «ОРП» чадно вспыхнул, остановившись на середине перекрестка, с соседних «высоток», где располагались наблюдательные пункты военных, взахлеб ударили крупнокалиберные импульсные пулеметы, в зданиях, что казались покинутыми, вдруг обозначились стремительно перемещающиеся силуэты человеческих фигур. Кто они – сталкеры, рискнувшие выйти за границу Барьера, очередная группа экстремалов или просто бродяги, обитающие в руинах, уже не важно. Без боя через перекресток теперь не пройдешь. И Гонта, как назло, куда-то исчез, будто сквозь землю провалился!..

Монголу совершенно не хотелось ввязываться в перестрелку между военными и фанатиками Пламенного Креста. Пустая трата времени и боеприпасов.

А какие варианты? Квартал уже наверняка оцеплен.

Привстав, Монгол приготовился к рывку через улицу, боковым зрением заметив поджарые, стремительные силуэты собак, спущенных с поводков. Псы рвались к перекрестку, лавируя среди оплывших гор строительного мусора.

Что с караваном? Он бегло оценивал обстановку. Наемники, сопровождавшие груз, засели в окрестных зданиях, сдерживая военных на дальних подступах, в то время как носильщики, подгоняемые Молохом, поспешно преодолевали опасный участок, стремясь добраться до перекрестка и укрыться в спасительных подземельях.

Не успели.

Над перекрестком всколыхнулся жуткий протяжный вой. Вырвавшиеся вперед псы, натасканные на убийство, внезапно сами стали жертвами, – Молох, прикрывая носильщиков, припал на одно колено за выступом бетонной плиты, поставил ИПК[6] на сошки и резал длинными очередями, – пространство перекрестка вспарывало фонтанами гравия, по стенам барабанили осколки, тела собак разносило влажными клочьями плоти…

Руины постепенно начало затягивать пылью, и Монгол рванулся вперед, но не пробежал и пяти шагов, как в бой вступили новые силы. К месту внезапно вскипевшей схватки подтянулось несколько десантных

машин – звонкий лай их автоматических пушек сложно спутать с другими звуками. Огненные трассы вспороли сумрак, снаряды начисто сносили укрытия, разрывы, словно титанические жернова, прошлись по руинам, сметая позиции наемников, вдоль земли начало расползаться еще одно облако гари, лишь редкие светлячки рикошетов вырывались из черно-оранжевой, кипящей клоаки, бессильно взмывая в небеса. Со всех сторон доносились бессвязные крики, два беспилотных вертолета внезапно пронеслись в теснине улицы, тугие очереди их курсовых орудий хлестнули по перекрестку, расшвыривая тела носильщиков, уничтожая груз, взрывая фасады близлежащих построек фонтанами дымящихся обломков.

Желтый туман свивало рваным кружевом. Монгол нырнул под прикрытие эфемерной завесы, пробежал еще несколько шагов и едва не споткнулся о распластавшуюся в неглубокой воронке фигуру, закованную в тяжелую броню.

Монголу бы пробежать мимо, нырнуть в спасительный пролом, а дальше – вниз по изувеченным лестничным маршам, во мрак подземелий, к трещинам и тоннелям, ведущим в нужном направлении, но… слабый стон и полный невысказанной муки взгляд остановили его.

– Гонта? – Он резко присел. – Живой?

В ответ раздалась лишь бессвязная ругань.

– Идти сможешь? – Не дождавшись вразумительных пояснений, Монгол принялся осматривать экипировку сталкера, пытаясь найти повреждения брони, но Гонта слабым движением руки вцепился в его запястье.

– Там… – Взгляд указал на подсумок. – Резервный энергоблок… Торговца убью… – хрипел он.

Монгол мгновенно понял, что случилось. Этому придурку подсунули бракованный энергоблок, а семьдесят килограммов брони при неработающих сервоусилителях – просто груда металлолома. Вот что остановило Гонту. Заранее надо экипировку готовить, а не на честность торговцев уповать!

Сноровисто заменив источник питания бронекостюма, Монгол протянул руку.

– Хочешь жить – вставай!

Неподалеку уже отчетливо слышался зловещий равномерный гул. Перестрелка не утихала, но теперь к звукам автоматического огня добавились глухие разрывы гранат и хруст бетонного гравия, крошащегося под гусеницами многотонной боевой машины.

Гонта тяжело поднялся, слепо нашарил оружие, но вдруг над краем

неглубокой воронки, выдавливаясь из сумрака, появился приземистый силуэт роботизированного артиллерийского комплекса.

Сталкер не растерялся, лишь подался назад, пытаясь вырвать из подсумка плазменную гранату, но его опередил Монгол.

Орудия роботизированного комплекса резко дернулись, взвизгнув сервомоторами, доворачиваясь на цель, но Монгол оказался проворнее. Он не слышал вскрика Гонты, не видел его оцепенелого взгляда, в котором читалось немое изумление: ты псих – с древним автоматом против бронированной машины?!

Короткая оглушительная очередь разорвала сумрак. Пули ударили в лобовой скат брони, но не ушли в рикошет, а испятнали камуфлированную поверхность зеленовато-белесыми пятнами, от которых во все стороны внезапно прыснули трещины, словно броня роботизированного комплекса превратилась в покрытое инеем хрупкое стекло.

Монгол дал еще одну очередь, и двигатель машины захлебнулся, заглох, поврежденная воздействием аномальной субстанции броня брызнула мелкими осколками, курсовые орудия выломало из гофрированных гнезд, и они, ударившись о землю, разлетелись звонким крошевом.

– Фрич – он и в Африке фрич? – ошалело просипел Гонта.

– Рванули! – Монгол вскарабкался по скату воронки, проскользнул мимо поверженного исполина, припал на колено, контролируя ближайшие руины и одновременно прикрывая Гонту.

Сбоку резанула очередь ИПК, угол здания внезапно подернулся белесой пылью и начал с треском разламываться на куски.

– Резче! – Монгол огрызнулся несколькими одиночными выстрелами, в дымном сумраке раздался чей-то вскрик, глухо ударил гранатный разрыв.

Гонта с трудом протиснулся в узкий разлом, оказавшись внутри обширного помещения с продавленным потолком.

– Вниз! – Появившийся рядом проводник указал на огрызок бетонного лестничного марша.

Через минуту спасительный мрак подземелий поглотил фигуры сталкеров.

* * *

Бой на перекрестке постепенно стих. Разросшееся дымопылевое облако затянуло окрестности, снижая видимость, военные в этой ситуации не решились на повторную атаку, и сейчас звуки перестрелки рассыпались в отдалении, где-то в соседних кварталах.

К Молоху подтянулись уцелевшие наемники, но, похоже, судьба каравана была предрешена, – тела носильщиков разбросало взрывами, груз разметало в радиусе нескольких сот метров.

– Держать позицию! – хрипло проорал Молох. Обернувшись, он метнулся к одному из тюков, проверил содержимое, затем, что-то прорычав, огляделся вокруг.

Те из носильщиков, что уцелели под огнем, побросали товар и бежали, пока он в одиночку сдерживал натиск военных.

Трусливые твари!

Что же делать? Как доставить груз?

– Каждый схватил по тюку! – обернувшись, приказал он наемникам. – Тащите их внутрь здания! В темпе! Собираем всё!

Наемники нехотя подчинились. Работать носильщиками они не станут, Молох прекрасно понимал ситуацию. Максимум, что он может сделать сейчас, это собрать с их помощью груз и спрятать его, чтобы вернуться позже.

Из сумрака появились еще двое боевиков секты. Уже неплохо. Хоть эти уцелели.

– Что с остальными?

– Погибли.

На зубах скрипела пыль. Молох сплюнул и направился внутрь здания. Наемники уже выполнили приказ – большинство тюков, те, что не разворотило попаданиями, были свалены в груду у спуска в подземные тоннели.

– А это кто? – Молох остановился, глядя на бледного тощего парня, испуганно вжавшегося в стену.

– Турист. Прятался на этаже.

Молох ожег парня пристальным взглядом, затем обернулся.

– Хлыст, на два слова.

Командир наемников кивнул, жестом указал бойцам – занять позиции наблюдения, затем хмуро спросил:

– Ну, чего еще?

– Нужно доставить груз. Плачу вдвое.

– Не вариант. Мы налегке. Без сервоусилителей и спецброни через зону повышенной гравитации не пойдем.

– Я же сказал, заплачу!

Командир наемников отрицательно покачал головой.

– Мы свой контракт отработали. Вот спуск в тоннели, вот твой груз. Остальное – не мои проблемы.

– Не хочешь заработать? – Скрипнув зубами, Молох с трудом сдержал рвущуюся наружу ярость.

– Бесполезный разговор, – уперся Хлыст. – Ты в броне, мы нет. Что такое тройная гравитация Барьера, я знаю. С тюками на плечах мы и половины пути не выдержим. Максимум на что можешь рассчитывать – минут десять мы еще в здании продержимся. Пока ты груз в тоннели спускаешь.

– Ладно… – хищно оскалился Молох. «С тобой, тварь, я еще поквитаюсь!» – яростно подумал он, затем стрельнул взглядом по сторонам, вспомнив о парне, что так и стоял, прижавшись к стене. – Ты кто такой?

– Тим… – сдавленно выдавил тот. – Я случайно… Мы не хотели…

– Заткнись! – Молох жестом указал на груз. – Схватил тюк и понес! Живо, иначе пристрелю!

За границей Барьера.

Отчужденное пространство Соснового Бора

Лаз, ведущий на поверхность, находился на склоне поросшего металлической растительностью холма.

Монгол первым выбрался наружу, осмотрелся, сделал знак Гонте: можешь подниматься.

Тайный выход из подземелий был оборудован по всем правилам: оба сталкера оказались в подготовленном укрытии, у вершины господствующей над прилегающей местностью высоты. Отсюда легко заметить опасность, избежать засады.

Гонта присел, осматриваясь.

Когда-то здесь высились «каменные джунгли» одного из микрорайонов мегаполиса, но постепенно от этой части города-гиганта остались лишь оплывшие холмы, заросшие металлорастениями, да невысокие огрызки руин, над которыми теперь царила архитектура техноса: футуристические сооружения, сплетенные из автонов, рвались ввысь, переплетались между собой, образуя сложные, абстрактные, загадочные формы.

Постройки скоргов закрывали небо, под сенью исполинских конструкций царил багряный сумрак. Трещины, образовавшиеся в земной коре еще во время Катастрофы пятьдесят первого года, здесь были намного шире, они источали красноватое сияние, из недр исходил жар, ядовитые испарения лениво истекали из разломов, зловещую мглу часто пронзали электрические разряды, в распадках между холмами пузырились

зеленоватые лужи фрича.

Новая реальность, среда обитания эволюционировавших машин, – худшее место для человека, где каждый квадратный сантиметр пропитан токсинами, на каждом шагу встречаются обломки былого величия цивилизации людей, но они – уже прошлое.

Если Гонта созерцал окрестности с несвойственным сталкеру всевозрастающим напряжением, то Монгол наконец почувствовал себя как дома. Имплантированное «Сердце зверя» постепенно заряжалось, заработал главный метаболический имплант, вслед за ним подключился расширитель сознания.

Окружающая реальность давно не вызывала у него дрожи. Здесь все выглядело привычно, знакомо, – он был одним из тех, кто принял новую среду обитания, приспособился к ней, выучил правила выживания, написанные кровью сотен сталкеров.

Монгол устало прикрыл глаза, не утратив при этом способность воспринимать окружающее.

Исковерканное пространство не выглядело для него мертвым. В сознании сталкера термин «природа» давно заместило понятие «техносфера», или, если выражаться короче, лаконичнее – «технос».

Сотни разновидностей механоидов обитали под сенью металлических джунглей.

Миллиарды скоргов таились во мгле, образуя многочисленные колонии, десятки разновидностей металлорастений образовывали настоящие заросли, которые могли убить, а могли и спасти жизнь, в зависимости от того, обладал ли человек, дерзнувший выжить в царстве машин, достаточными знаниями об окружающем мире, имел ли он мужество принять новую данность и следовать ее законам.

– Расслабься. Тут безопасно. Минут десять можно передохнуть.

Гонта кивнул, сполз на дно укрытия. Он был измотан долгим переходом через зону повышенной гравитации.

Монгол же, напротив, преобразился, ожил, словно слабые эманации таинственных энергий Узла придавали ему сил, возвращали к жизни, изгоняя усталость, меняя настроение к лучшему.

Импланты уже заработали на полную мощность, и в сознание тут же вкралась тревожная нотка.

Мысленно разобравшись с источником неприятного ощущения, Монгол вскрыл тайник и начал переодеваться. Экипировку, предназначенную для выхода за пределы аномальных пространств, он быстро и аккуратно упаковал в защитный пластиковый контейнер, на смену

ей достал облегченный вариант полевой брони, на девяносто процентов состоящий из легких, но чрезвычайно прочных, стойких к агрессивным средам композитных материалов.

Движения сталкера были уверенными, сноровистыми. Единственным, но беспощадным учителем для него стали отчужденные пространства, об усвоенных уроках говорили рубцы и шрамы на теле, а также десятки имплантов, сформированных мастерами-мнемотехниками в местах, где организм был инфицирован дикими колониями скоргов.

Сменив экипировку, он достал из тайника СВК[7].

Гонта по-прежнему сидел, прикрыв глаза, наслаждаясь минутами покоя.

Монгол не стал его тревожить. Просьбу Славки он выполнил и теперь волен заняться собственными делами. Хотя Гонта вызывал в нем чувство подсознательного недоверия. «Надо бы «пробить» его по базам данных сталкерской сети…» – подумал Монгол, перемещаясь в замаскированную стрелковую ячейку, оборудованную в комплексе с укрытием.

Заняв позицию, он припал к оптическому прицелу. В багряной полумгле действительно что-то двигалось, подтверждая данные, полученные от имплантов.

Внезапным порывом налетел ветер, принеся с собой нудную морось кислотного дождя. Мельчайшие капли агрессивных химических соединений, соприкасаясь с толстыми ветвями древовидных автонов, тут же «вскипали», оставляя в серебристом материале мельчайшие оспинки, выделяя ядовитые испарения, и вскоре в багряном сумраке появились клочья желтоватого тумана.

В оптическом прицеле, продавливаясь сквозь желтоватую муть, возникли четыре фигуры.

Трое боевиков группировки Пламенный Крест, облаченных в легко узнаваемую экипировку секты, двигались по пространству бывшей городской улицы, пробираясь между завалами бетонных обломков, нагромождений старой техники, настолько проржавевшей и деформированной, что на нее уже не позарится ни один скорг. Во главе группы двигался Молох. «Живучий», – расстроился Монгол. Фанатиков Пламенного Креста он откровенно не любил, в основном за их ничем не оправданную жестокость. Группу сильно потрепали военные, от каравана теперь осталось одно название.

Молох потерял в схватке часть брони, в том числе и боевой шлем, – его лицо скрывала сейчас лишь дыхательная маска, лысина сталкера

поблескивала от влаги. Он ловко и бесшумно перебегал от укрытия к укрытию, останавливаясь лишь на мгновенья, чтобы окинуть сканирующим излучением имплантов ближайшие руины, склоны холмов да предстоящий отрезок пути.

Следом за Молохом двигались двое высоких, худых фанатиков, сгорбившихся под тяжестью объемистых тюков, за ними, пошатываясь, брел высокий, худощавый парень в изодранной одежде.

Монгол коснулся сенсора. Прирученная колония скоргов, живущая в стареньком оптическом прицеле, отреагировала на серию импульсов, увеличивая и детализируя изображение. Точно. Зрительная память не подвела – это был именно тот парень, которого он видел у оконного проема многоэтажки перед самым началом схватки.

Ситуация ясна как день. Лишившись носильщиков, Молох захватил незадачливого экстремала, навьючил его и погнал через Барьер.

Парень едва переставлял ноги. Его участь была предрешена: если не рухнет замертво по дороге, то станет добычей скоргов. Фанатики его попросту пристрелят, это в лучшем случае.

Для большинства сталкеров подобная ситуация не стала бы дилеммой. Кто решится связываться с Молохом из-за какого-то «мотылька»[8], случайно попавшего в отчужденные пространства? Врагов себе наживать – дураков нет, да и что возьмешь с незадачливого экстремала? Назад через Барьер его тащить?

* * *

Гонта постепенно пришел в себя после долгого изнурительного перехода через Барьер.

Артефактный накопитель исправно заработал, накапливая заряд, теперь энергии для работы систем бронекостюма достаточно, можно не беспокоиться о сменных блоках питания – «Сердце зверя» постоянно подзаряжалось от многочисленных энергополей, излучение которых пронизывает все аномальные пространства.

Он задействовал расширитель сознания, осмотрелся.

Мутный купол Барьера сканировался примерно в трех километрах. Укрытие проводника располагалось на склоне одного из оплывших, заросших исполинскими автонами холмов, в которые превратились городские здания. Здесь, в границах отчужденного пространства, разрушения носили избирательный, прихотливый характер. Невдалеке темной глыбой виднелся целый микрорайон, практически не пострадавший в момент Катастрофы, но серьезно потрепанный пульсациями Узла, правее,

километрах в двух от точки сканирования, множественные энергетические всплески отмечали границы военной базы, расположившейся на расчищенных от металлической растительности территориях.

Такой смешанный ландшафт, где цепочки холмов господствовали над разветвленными оврагами, соседствуя с кварталами руин, был характерен для Соснового Бора.

Монгол вывел его в достаточно дикую область, изобилующую убежищами. Каждая из многочисленных возвышенностей на самом деле являлась оплывшими руинами здания, внутри, под панцирем спрессованного строительного мусора, таилось множество различных помещений, как исследованных сталкерами, так и не тронутых со времен Катастрофы.

Несмотря на близкое соседство военной базы, места дикие, нехоженые.

Надо выбираться отсюда. До тамбура еще топать и топать.

«Непонятно, куда подевался Монгол? – Гонта мысленно переключился на ближнее сканирование. – Ага, у него тут еще и стрелковая ячейка оборудована. И с кем же ты воевать собрался, дружище?»

Гонта увеличил радиус сканирования. Обобщенная расширителем сознания картина происходящего ему вовсе не понравилась. По оврагу между холмами двигались жалкие остатки каравана фанатиков Пламенного Креста, вслед за ними, укрываясь в зарослях металлорастений, словно стая шакалов, крались десятка два неимплантированных сталкеров, но что самое удивительное – вольные старатели, рассчитывающие на легкую поживу, не подозревали, что за ближайшим поворотом оврага накапливается группа сталтехов, – механическая нежить предчувствовала скорую схватку, надеясь поживиться трупами фанатиков и «мотыльков».

«Пищевая цепочка…» – проскользнула полная злой иронии мысль.

Монгол, судя по всему, собрался выставить Молоху смертельный счет, иначе зачем ему понадобилась в дополнение к автомату еще и снайперская винтовка?

«Ладно, – подумал Гонта, мысленно наметив маршрут, – ты тут забавляйся, а я пошел».

Он незаметно покинул укрытие и, отыскав тропу, проложенную механоидами в чаще металлокустарников, направился в противоположную от Барьера сторону.

У него даже не возникла мысль предупредить Монгола о приближающейся опасности.

* * *

У каждого обитателя отчужденных пространств своя жизненная философия.

Немногие способны выжить среди эволюционной борьбы техноса, но те, кому это удалось, сформировавшихся взглядов уже не меняют.

– Молох! – сухо произнес Монгол, активировав чип мью-фона.

Сталкер, двигавшийся во главе группы, тут же остановился, резко присел, двое фанатиков, тащивших тяжеленные тюки, метнулись в укрытия, бросив драгоценное имущество, лишь захваченный в плен парнишка остался стоять, отупевший от невыносимой пытки перехода через гравитационный Барьер, уже успевший отчаяться и потому безучастный к окружающему.

– Кто тут?! – яростно прохрипел Молох. Прижавшись спиной к угловатому обломку гранитной глыбы с позеленевшей бронзовой табличкой, он несколько секунд безуспешно пытался обнаружить позицию сталкера, затем взглянул на миниатюрный дисплей нанокомпа, но не увидел на карте местности ничего нового. Пеленг сигнала мью-фонной связи отсутствовал.

Молох грязно выругался. «Метаморф, будь он неладен. Закрылся искажением реальности, тварь…»

– Ты у меня на прицеле. Не дергайся. Поговорим?

– Чего надо? – Молох плотнее прижался спиной к гранитному обломку какого-то постамента, принесенного сюда одной из пульсаций. Монгол видел его оружие, правую руку, плечо и часть головы. ИПК Молоха, изготовленный к бою, сталкера не впечатлил.

– Не дури. Все равно не успеешь, – спокойно произнес он.

– Чего надо? – хрипло переспросил Молох. – Кто ты? Назовись!

– Парня оставь в покое. А сам можешь убираться.

– Не наглей! Он – наша добыча!

– Предпочитаешь пулю? – холодно спросил Монгол. – Даю тебе десять секунд!

Молох был взбешен, но не настолько, чтобы рискнуть головой из-за какого-то «мотылька», вконец обессилевшего, медленно и безучастно осевшего на землю под непомерной тяжестью груза.

Монгол терпеливо ждал. Ситуация для фанатиков складывалась безвыходная. Обнаружить укрытие снайпера, замаскированное плотными зарослями металлического кустарника, им не под силу.

– Ладно… – секунду подумав, хрипло ответил Молох. – Но учти,

гаденыш, я тебя вычислю!

– Забирай свои тюки и проваливай, – холодно ответил Монгол. Он по-прежнему держал боевика секты на прицеле, зная, что тот способен на любую пакость, и не ошибся. Подойдя к обессилевшему парнишке, Молох, делая вид, что намеревается забрать груз, внезапно выхватил «страйк»!

Сухо ударил одиночный выстрел. Молох, получив пулю в плечо, дико взвыл, крутанувшись на одном месте, упал, зажимая рукой кровоточащую рану, и тут же начал отползать, стремясь укрыться за обломком гранитного постамента.

– Огонь! – хрипло проорал он.

Двое рядовых боевиков секты замешкались, пытаясь определить позицию снайпера, но металлические заросли глухо молчали, надежно блокируя сканирующее излучение имплантов.

Молох, привалившись спиной к гранитной глыбе, вновь яростно заорал:

– Стреляйте, твари!

По склону холма наугад хлестнули очереди двух «штормов», игольчатые пули с визгом срубали металлические ветви, вспарывали землю, крошили камень.

Монгол пристально наблюдал за боевиками через оптический прицел. В надежно оборудованном укрытии ему ничего не угрожало, так есть ли смысл плодить сталтехов?

Терпение сталкера лопнуло, когда боец секты, разрядив автоматный магазин, рванул из подсумка плазменную гранату.

Упреждая роковой бросок, дважды ударила СВК, фанатик безвольно ткнулся лицом в землю, не успев активировать взрыватель, второй, которому пуля лишь повредила боевой шлем, конвульсивно вскочил; дезориентированный ошеломляющим ударом, он продолжал давить на сенсор огня, и длинная, бесконтрольная автоматная очередь щедро полоснула по склонам окрестных возвышенностей.

Среди зарослей автонов раздался чей-то болезненный вскрик.

* * *

Тим уже отчаялся выжить. Лежал, придавленный грузом, изможденный переходом через зону повышенной гравитации, тупо и безучастно глядя в хмурое небо.

Он бы не сдался так просто, но силы закончились. Сталкер, что безжалостно гнал его по подземным переходам, грозя пристрелить, как только Тим спотыкался, куда-то исчез. После внезапной перестрелки Тим с

надеждой подумал: «Военные». Он уже давно потерял ориентацию в пространстве и времени, но стоило чуть приподнять голову, осмотреться, как чувство обреченности вернулось с прежней остротой – он находился в границах отчужденного пространства, об этом немо свидетельствовали гигантские металлизированные деревья, что вздымались из руин, смыкаясь над головой жутким шатром ртутно поблескивающих крон.

Руки и ноги казались ватными. В ушах шумело, слабые попытки выбраться из-под тюка с непонятным грузом вызывали резкие приступы головокружения. Но хуже физического недомогания был страх. Ему казалось, что по телу уже семенят тонкие металлизированные лапки, участки кожи внезапно охватывал нестерпимый зуд, такой сильный, что хотелось впиться ногтями и рвать пораженные участки плоти, невзирая на боль.

Тим не понимал, что это всего лишь капли ледяного пота скатываются под одеждой, щекотливо пробегая по коже.

* * *

Сталкеры, что уже четверть часа пробирались сквозь заросли автонов, следуя за потрепанным караваном, не были постоянными обитателями отчужденных пространств.

Подобных групп в последнее время появилось множество. После опустошений, вызванных попыткой техноса взять под контроль отчужденные пространства, спрос на техноартефакты резко вырос. Корпорациям Внешнего Мира, жестко конкурирующим между собой в новом витке гонки технологий, постоянно требовались все новые и новые образцы видоизмененных скоргами устройств.

Казалось бы, какой прок способны извлечь многочисленные исследовательские центры из нефункциональных фрагментов «изделий техноса»? Любой техноартефакт, покидая границы аномальных пространств, превращался в муляж: колонии наномашин, лишившись источника энергии, застывали в стасисе.

Ответ был прост. Во-первых, некоторые достаточно редкие виды металлических растений состояли из уникальных сплавов. Получить их аналоги пока не удавалось даже в лабораторных условиях, однако новые материалы уже нашли практическое применение в промышленности и пользовались ажиотажным спросом. Во-вторых, скорость эволюционного развития техноса в разы опережала темпы «естественного» научно-технического прогресса. Скорги оптимизировали и совершенствовали хорошо известные устройства, зачастую превращая исходные «изделия» в

нечто, выходящее далеко за рамки присущей человеку технической мысли. Изучение модернизированных техносом устройств позволяло понять, «как это сделано», а затем применить полученные знания на практике, совершая немыслимые ранее технологические прорывы.

Ведущие мировые корпорации первыми осознали поистине безграничные перспективы, открывающиеся при планомерном изучении «изделий техноса», ведь каждая пульсация вела к мутациям скоргов, приносила что-то новое, неведомое.

Теневой рынок техноартефактов стремительно расширялся, но традиционные каналы поставки уже не могли удовлетворить возрастающий спрос. Внешний Мир наконец понял, что обладание технологиями скоргов – это залог стремительного развития, процветания, конкурентоспособности.

Корпорации выкладывали огромные деньги, чтобы вовлечь в опасный бизнес перекупщиков, проводников и охотников за артефактами.

Неимплантированные сталкеры проникали в отчужденные пространства по нелегальным каналам. Они полагались только на ультрасовременную экипировку и удачу, действовали группами по десять-пятнадцать человек, пересекая границы Барьеров сразу после очередной пульсации, зачастую плохо представляя, на какой отчаянный риск идут.

Над ними властвовали страх и алчность, они не понимали природы отчужденных пространств, не знали особенностей поведения механоидов и скоргов, – совершая короткие рейды в глубь аномальных территорий, подобные группы преследовали только одну цель: как можно быстрее набить рюкзаки «товаром» и убраться прочь.

Настоящие сталкеры являлись для них такими же адскими порождениями враждебного пространства, как и исчадия техноса, – убить и ограбить коренного обитателя Пятизонья считалось нормой.

– Обнаружили снайпера? – Командир группы «диких старателей» резко присел, как только над головой засвистели пули.

Остальные рассыпались по склону.

– Есть! Засек! – пришел по связи короткий торжествующий возглас.

Через локальную сеть тут же были переданы координаты.

– Значит, так! Сначала валим снайпера, затем добиваем тех, внизу! – распорядился старший. – Сегодня нам повезло, захватим товар и назад!

В следующий миг шквал огня обрушился на позицию Монгола.

* * *

«Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый встречный – твой

учитель».

Так наставлял молодых сталкеров Приор Глеб. Будь спокоен и рассудителен, оценивай свои силы, не иди на поводу у чувств, – вокруг тебя действуют силы, которым неведомо сострадание, изучай их повадки, избегай бессмысленных столкновений, сначала думай, а уж затем – действуй.

Философия Ордена работала лишь частично, она помогала воспринимать аномальные пространства как явление, но с ее помощью не удавалось оценить поступки людей, да и культивировать собственную отрешенность, умение встать над событиями, удавалось далеко не всегда.

– Гонта, прикрой! – Монгол, прижатый к земле шквалом огня, не мог поднять голову, пули крошили камень, высекали снопы искр из покореженных, ржавых, сросшихся с автонами металлоконструкций.

Молох, воспользовавшись внезапным обострением ситуации, бросил обессиленного пленника, отползая в сторону невысоких руин. Из его простреленного плеча, пятная землю, сочилась кровь.

Ситуация не оставила Молоху иного выбора, кроме бегства, но группе «диких старателей» повезло еще меньше. Во-первых, база Пламенного Креста располагалась неподалеку. Во-вторых, поживиться среди имущества разгромленного каравана было нечем, вряд ли охотникам за артефактами нужны продукты питания и предметы первой необходимости.

Мысль промелькнула и исчезла.

– Гонта! – Монгол ползком сменил позицию, осмотрелся.

Сбежал… Даже маркер мью-фона не сканируется. Ладно. Сам разберусь…

Молох уже исчез в руинах, парнишка, из-за которого все и началось, скорчился среди брошенных тюков и трупов – он был жив, лишь мелко, конвульсивно вздрагивал, инстинктивно вжимаясь в землю.

Охотники за артефактами, потеряв цель, прекратили огонь. Фигуры в тяжелой герметичной экипировке покинули укрытия и теперь осторожно приближались к месту последней стоянки каравана.

Надо бы уходить, но жаль парня, попавшего сюда не по своей воле…

Осмотревшись, Монгол наметил следующую позицию, ужом прополз выше по склону, переключил частоту связи мью-фона и резко окликнул пробирающихся по каменистым осыпям «диких старателей»:

– А ну назад! Предупреждаю один раз!

Те на миг застыли, как вкопанные, затем метнулись в стороны, рассыпались по укрытиям, огрызаясь короткими беспорядочными очередями из импульсных «штормов».

«Говорил мне Антрацит: развивай способности метаморфа», – зло подумал Монгол, когда фонтанчики пыли и щебня вспороли склон в полуметре от него. Предупреждение не подействовало, а вот сканеры противника оказались на высоте, засекли его позицию.

Теперь отступать поздно, да и некуда.

Мысленное усилие форсировало работу расширителя сознания, метаболический имплант мгновенно подкорректировал скорость биохимических реакций, одна беда – «Сердце зверя» успело зарядиться едва ли на треть, и долго в форс-режиме после трудного перехода через Барьер не выдержать.

«Справлюсь…»

Мозг работал как мощный компьютер. Импланты четко фиксировали позиции всех противников, мышцы мелко дрожали от переизбытка энергии. Работать в форс-режиме, действуя стремительно, но осмысленно, учил Монгола Аскет. Эта трудная наука впоследствии не раз спасала молодому сталкеру жизнь.

Вот и сейчас он полностью контролировал ситуацию. Короткие очереди «калашникова» били оглушительно, отрывисто и зло на фоне сиплого, сливающегося в вой звука, издаваемого «штормами».

Выстрел, стремительный рывок, выстрел…

Монгол полностью погрузился в ритмику боя, он работал на выживание, не допуская в сознание ни одной лишней мысли, ощущая лишь энергетическую ткань окружающего пространства да привычную отдачу оружия.

Вокруг бесновался шквал огня, но он двигался быстрее, чем могли вообразить пришлые охотники за артефактами. Для них он стал размазанным контуром, неуловимой, несущей смерть тенью, стремительно перемещающейся на фоне руин. Один из «диких старателей» рухнул, инстинктивно схватившись за грудь, второй мешковато осел, с ужасом глядя, как прочнейшая броня покрывается трещинами, крошится под пальцами, когда он инстинктивно попытался зажать рану, – пуля, начиненная фричем, шансов не оставляла.

Еще одна очередь, и они не выдержали.

Монгол метнулся в темный пролом, зияющий в склоне холма, прижался к напитанной сыростью шероховатой стене погребенного под давними оползнями здания.

Расширитель сознания по-прежнему гнал в рассудок потоки данных. Энергетические матрицы беспорядочно отступающих охотников за артефактами отчетливо пылали перед мысленным взором, накладываясь на

панораму окрестностей, но он не стал тратить силы и боеприпасы на преследование, – с остатками отряда разберутся сами отчужденные пространства. Сколько таких групп сгинуло в Пятизонье за последние месяцы, не сосчитать.

Проследив за беспорядочным, паническим отступлением противника, Монгол покинул укрытие, быстро спустился в овраг, склонился над пленником, которого Молох заставил нести груз.

– Живой?

Парень, несколько часов назад собиравшийся покорить разрушенный небоскреб, сейчас сидел, дико озираясь по сторонам, его побелевшие губы беззвучно шевелились, порванная одежда, испачканная грязью и кровью, болталась лохмотьями.

Монгол, чувствуя, что от разговоров толку не будет, насильно заставил его надеть дыхательную маску, затем помог встать.

– Как зовут-то?

– Тим… – раздался глухой ответ.

– Идти сможешь?

Тот лишь дрожал всем телом.

– Видишь промоину в склоне? Возьми себя в руки и карабкайся вверх! Иначе не выживешь!

Тим кивнул, с ужасом озираясь.

– Давай, в темпе!

Дождавшись, пока его приказ будет исполнен, Монгол склонился над одним из тюков. Нужно проверить, что же так остервенело пытался защитить Молох? Почему он лично возглавил караван?

Вскрыв матерчатую оболочку, сталкер обнаружил под ней четыре пластиковых кофра, плотно притороченных друг к другу.

На всех стояли кодовые замки, времени, чтобы возиться с ними попросту не было, – Монгол ударами приклада проломил пластик, склонился над контейнером, с удивлением рассматривая его содержимое.

Он не сразу понял, что за устройства упакованы внутри. Они выглядели абсолютно незнакомыми, их маркировка ни о чем не говорила сталкеру, и лишь сканирование с использованием расширителя сознания помогло разобраться со странным грузом.

Энергоблоки!

Не раздумывая, Монгол взял несколько штук, рассовал их по карманам экипировки и в темпе начал подниматься на холм, понимая, что Молох уже вызвал помощь и сейчас тут станет по-настоящему жарко. Понаблюдать бы за фанатиками. Что они задумали? Зачем им понадобились

энергоблоки, явно изготовленные промышленным способом, приспособленные для эксплуатации в условиях Внешнего Мира, когда в границах отчужденных пространств намного выгоднее и эффективнее использовать артефактные накопители, постоянно заряжающиеся от аномальных источников энергетической активности?

Размышляя над странной находкой, он быстро вскарабкался по склону, остановился подле оплывшей дыры, за которой начинался фрагмент полуразрушенного коридора, ведущего в несколько смежных помещений. За ответвлением оврага, в той стороне, куда панически бежали остатки отряда «диких старателей», с внезапной силой вновь взъярилась автоматная стрельба, ухнуло несколько гранатных разрывов, раздались и тут же смолкли истошные, полные ужаса крики.

Холм, покрытый густыми зарослями автонов, блокировал работу имплантов, но и так понятно, – ничего доброго там не произошло. Скорее всего, старатели нарвались на представителей техноса.

«В любом случае отсюда нужно уходить, и чем скорее, тем лучше», – мысленно рассудил Монгол, постепенно, как его учил Аскет, выводя метаболический имплант из форсированного режима.

* * *

Внутри погребенных под оплывшим холмом руин царил сумрак.

Тим уже немного пришел в себя. Он сидел на полу захламленного различными обломками помещения и, как завороженный, смотрел на нежно-алое сияние, в нескольких местах пробивающееся сквозь мусор. Рука любителя экстремального туризма медленно тянулась к источнику необычного свечения, и Монгол едва успел схватить его за запястье.

– Сдурел?!

Тим попробовал молча вырваться, но куда там. Хватка у сталкера была железной.

– Это артефакты? – сдавленно спросил он.

Сталкер отпустил его, присел на корточки.

– Тебе жить надоело? – строго поинтересовался Монгол.

– А что я сделал? Артефакт хотел рассмотреть…

Монгол разозлился, но тут же взял себя в руки.

«А что сам, таким не был?» – мысленно упрекнул себя он. Резко навалившееся недомогание заставило его присесть. При выходе из форс-режима можно и сознание потерять запросто.

Перед глазами кружили обрывки воспоминаний. На миг он увидел себя, притаившегося в зарослях «жестянки»[9], выцеливающего «перекати-

зону». Много ли ума было? С обычным «калашом» наезжать на эволюционировавшего робота зоны? А как вдвоем со Славкой смертельно раненного сталкера, всего испятнанного скоргами, несколько километров до бункера Упыря тащили? Причем не из сострадания, а от жадности да из любопытства… Это теперь, исходив отчужденные пространства вдоль и поперек, опыта набрался, ума, сдержанности. А поначалу всякое бывало. Так что ж «мотылька» корить?

Присев на корточки, он молча разгреб скопившийся на полу хлам, осторожно, двумя пальцами взял продолговатый светящийся предмет.

– Обычно новички его хватают – и в подсумок, – криво усмехнулся он, затем сжал странный предмет в ладони, и алое свечение вдруг запульсировало. Монгол, резко повернувшись, вышвырнул артефакт наружу. Через пару секунд окрестности озарила ярчайшая вспышка.

Тим вздрогнул, невольно втянул голову в плечи. Смысл демонстрации был понятен без комментариев. Схвати он артефакт, и тот бы взорвался через пару секунд, оставив в помещении лишь пепел.

– Что это было? – немного придя в себя после внезапного потрясения, выдавил Тим.

– Раньше, до Катастрофы, – обыкновенная энергосберегающая лампочка, – ответил Монгол, поочередно извлекая из-под мусора еще два светящихся артефакта. – Мы так их и называем – «лампочки». По действию – аналог плазменной гранаты. Только капризный и непредсказуемый, – пояснил он, упаковывая артефакты в специальный подсумок. – Может, спасибо скажешь, горемыка?

Тим насупился.

– Спасибо. – На лице парня радости не отразилось. – Только что мне делать теперь?

– Не дрейфь. Жизнь за Барьером не заканчивается.

Тим растерянно осмотрелся.

– Вот это – жизнь? – У него вырвался истерический смешок, взгляд блуждал по устилающему пол, спрессованному временем хламу, затем остановился на уродливой дыре, выделяющейся серым пятном на фоне стены погребенного внутри холма помещения.

– А что, по-твоему, жизнь? – насупился Монгол. – Ты вообще зачем в руины полез?

– На спор. Мы с новосибирскими урбанистами по сети поспорили, кто круче.

– А сам-то откуда?

– Из Питера.

– Из Питера? Свой, значит? – На душе Монгола вдруг потеплело, но он сдержал воспоминания, не дал им вырваться. – Ладно, Тим. Слушай внимательно, если жить хочешь. От меня ни на шаг. Руками ничего не хватать. К металлорастениям не вздумай прикасаться. Дыхательную маску не снимать. Доведу тебя до ближайшего лагеря проводников, так и быть, сам с ними договорюсь, чтобы тебя назад за Барьер вывели. Только ты больше в руины не суйся, договорились?

Тим подавленно кивнул. Сил благодарить сталкера сейчас не нашлось. От его простых, но таких суровых слов внезапно стало тяжело на душе.

Что стало с Пашкой и Алексом, даже думать страшно… Их гибели он не видел, но что творилось вокруг?.. Вспоминать жутко. А если их… «Что же я родным скажу?..»

В этот момент снаружи вновь ударили выстрелы.

Монгол метнулся к узкому лазу, осторожно выглянул.

В разветвленной сети оврагов, поросших густыми зарослями металлорастений, намечались серьезные события. Старатели, которых он недавно отпугнул, почему-то рискнули вернуться. Их стало меньше, двигались они скорым шагом, постоянно оглядываясь, забыв про маскировку. Не то спешили убраться от неведомой опасности, не то вновь подбирались к брошенному фанатиками Пламенного Креста грузу.

Расширитель сознания постоянно подгружал данные, и Монгол молча перевел взгляд выше. На склоне противоположного холма его наметанный взгляд заметил с десяток рассыпавшихся цепью фигур в знакомой экипировке. Фанатики, которых, несмотря на полученное ранение, вел Молох, вернулись за имуществом разгромленного каравана. Именно они первыми открыли огонь, но не по «старателям», – на вершине холма, в недрах которого нашли убежище Тим и Монгол, к этому времени появился усиленный патруль изоляционных сил. Военные услышали стрельбу и решили выяснить, что тут происходит.

* * *

– Сиди тихо! Не высовывайся, что бы ни случилось! Я за тобой вернусь! – Монгол выскользнул наружу. Если военные вызовут подкрепление, начнут прочесывать местность и найдут Тима, то для пацана все окончится малой кровью – надают тумаков, подержат до проверки личности в сыром подвале, потом отправят назад во Внешний Мир к маме и папе. А вот если его возьмут в паре со сталкером, то разговор будет совершенно другим. Могут и пристрелить, особо не разбираясь, кто есть кто. Да и Монголу принимать бой в тесном помещении, из которого нет

второго выхода, не с руки. Не любил он такие «мышеловки».

Военные, попав под огонь, залегли. Монгола они не заметили, и он сразу же начал забирать правее, двигаясь к своему укрытию, откуда мог проследить за ситуацией, а если потребуется – вмешаться в ход событий.

Меньше всего повезло охотникам за артефактами. Оказавшись между двух огней, они попытались отступить, но внезапно у них в тылу показались два «изделия техноса».

Монгол сразу заподозрил неладное. Примитивные механизмы, вопреки обыкновению, не спешили вступить в схватку, они остановились, блокируя выход из ложбины, не реагируя на ситуацию, до тех пор, пока перепуганные старатели не спровоцировали их, открыв беспорядочную стрельбу.

В ответ с оружейных подвесок двух рапторов ударили армганы[10]. Механизмы обработали разношерстную группу старателей десятисекундным шквалом лазерных разрядов. Несколько дымящихся тел остались лежать на дне оврага, выжившие панически бросились искать спасения в случайных укрытиях, мгновенно забыв о попытках сопротивления.

Механоиды несколько мгновений вели активную разведку, затем, зафиксировав новых противников, оккупировавших господствующие высоты, они медленно попятились, словно давали понять – вы тут разбирайтесь, мы позже зайдем, поживимся, чем Узел послал.

Монгол в первый момент подумал о вмешательстве мнемотехника, уж слишком сообразительно вели себя рапторы, но тут за изгибом оврага сканеры зафиксировали характерную сигнатуру. Сталтех! Из старых.

Он сосредоточился на сканировании. Нашпигованный металлом, поросший «жестянкой» холм создавал серьезные помехи, но все же Монголу удалось прочесть еще с десяток размытых энергоматриц.

«Вот уж день, как с утра не заладится, так все и пойдет наперекосяк!..» – зло подумал Монгол. Старый сталтех контролировал не только двух рапторов-разведчиков, он в данный момент являлся «пастухом» для полутора десятков новорожденных исчадий техноса.

Боевики Пламенного Креста и военный патруль новой опасности пока не заметили. Они были поглощены яростной, возобновившейся с новой силой перестрелкой.

Автоматные очереди прошивали красноватые сумерки, царящие под исполинскими кронами древовидных металлорастений, огненные трассы хлестали по склонам, выбивая всплески пламени, им вторил глухой

басовитый перестук импульсных пулеметов, – с обеих сторон использовалось тяжелое вооружение, в воздух вздымались полутораметровые фонтаны земли, ржавая арматура, и ветви металлических кустарников разлетались брызгами расплава.

Бой продолжался уже больше минуты, но ни одна из сторон не получила решающего преимущества – холмы изобиловали укрытиями, которые умело использовали бойцы патруля и боевики секты, зато несколько уцелевших охотников за артефактами поплатились за проявленную жадность, угодив под перекрестный огонь. Глядя на мечущиеся по дну оврага фигуры, Монгол прекрасно понимал, что вряд ли кому-то из них суждено вырваться из огненного котла живым.

Он не спешил обозначить свое присутствие. Ситуация складывалась скверная. Лучше пока сберечь патроны и силы. Бросать Тима на произвол судьбы Монгол не собирался, но и безопасно вывести парнишку из укрытия сейчас не представлялось возможным – ураганная перестрелка бесновалась как раз над бетонной плитой, что козырьком нависала над узким лазом.

Монгол загнал в подствольник электромагнитную гранату. В его интуитивном понимании ближайшая перспектива выглядела еще более мрачной: бурлящий котел энергий, вскипевший в овраге меж холмами, очень скоро привлечет внимание всей находящейся поблизости механической нежити.

Он не ошибся.

Из ближайшего ответвления оврага показались представители самой жуткой формы исчадий техноса. Человеческие фигуры в разномастной экипировке, сплошь покрытой ртутными язвами, двигались медленно, неуверенно, то и дело кто-то из них спотыкался, падал, но такое «бестолковое» поведение не могло обмануть опытного сталкера.

В бою они станут действовать совершенно иначе. Но что самое скверное – формирующиеся сталтехи совершенно непредсказуемы, их очень трудно вывести из строя, разве что военные по связи вызовут вертушки, чтобы те отработали по групповой цели плазменными ракетами.

Ситуация принимала смертельный оборот. Импланты Монгола зафиксировали восемнадцать сталтехов, не считая их «пастуха».

Жесть…

Перестрелка между фанатиками Пламенного Креста и военным патрулем тут же прекратилась, обе стороны зафиксировали появление нового противника и мгновенно перенесли огонь в глубь оврага.

Гражданская война техноса и последовавшая за ней попытка

механической нежити полностью очистить отчужденные пространства от присутствия сталкеров и военных научила самых заклятых, непримиримых врагов в критические минуты объединяться в борьбе против исчадий кибернетической эволюции.

Ни Молох, ни военные отступать не собирались, что, по мнению Монгола, выглядело как минимум странно.

«Вот так несколько выстрелов влекут за собой обвал событий. – Сталкер вскинул автомат. – Только бы Тим сидел тихо, не высовывался. А то обидно будет, если убьют парнишку…»

* * *

Есть в отчужденных пространствах хорошая поговорка: «От «мотылька» до сталтеха – один шаг».

Действительно, между двумя крайностями зачастую стоит секундное замешательство, роковая ошибка, мелкая оплошность: неплотное соединение экипировки, случайное ранение или просто царапина, содравшая крошечный фрагмент активного пластика с поверхности брони.

Скорги повсюду, они не упускают шанса, и неимплантированный сталкер, в просторечье «мотылек», рискует ежесекундно. Самые страшные эпидемии в истории человечества оставляли людям больше шансов на выживание, чем скорги. Созданные в лабораториях новосибирского Академгородка нанороботы, мутировавшие в пространствах таинственного Узла, вели себя крайне агрессивно, а их количество на один квадратный метр отчужденных пространств не поддавалось исчислению.

Наномашины, разработанные для проектов колонизации иных миров, получив возможность бесконтрольного воспроизводства, подверженные непредсказуемым изменениям во время пульсаций пространственно-временно́й аномалии, постепенно утратили большинство полезных для человека функций, инициировали собственную эволюцию и стали настоящим бичом отчужденных пространств.

Дикие колонии скоргов таились повсюду. В начальной стадии своего развития наномашины стремились внедриться в любой доступный носитель, принять некую форму, а затем модернизировать ее, следуя эволюционными путями техноса.

Монгол многое повидал на своем сталкерском веку.

Он помнил те времена, когда металлорастения пробивались над ржавыми холмами робкой серебристой порослью, ловушки, создаваемые скоргами, встречались крайне редко, а вся механическая «жизнь» концентрировалась в границах энергополей.

Прошли годы, и бесконтрольно размножающиеся наномашинные комплексы заполонили в отчужденных пространствах всё сущее, – уже не робкие побеги металлокустарников тянулись к хмурым небесам, а исполинские древовидные автоны вздымались над исковерканным ландшафтом, переплетаясь «кронами», заслоняя свет, формируя так называемую «архитектуру техноса» – среду обитания для десятков тысяч разнообразных видов механических тварей.

Эволюция скоргов протекала стремительно, колонии наномашин, аккумулируя опыт борьбы за выживание, порождали все новые и новые виды механических существ, используя их в качестве носителей. Эволюционная борьба техноса набирала обороты – даже бывалым сталкерам теперь приходилось туго, что же говорить о новичках, которые слетались, как мотыльки на свет, наивно полагаясь на защиту ультрасовременной экипировки. По их мнению, пара вылазок в границы аномальных пространств – не такой уж большой риск по сравнению с теми суммами, что обещали перекупщики за каждый техноартефакт, вынесенный за границы Барьера.

Увы, по-настоящему везло одному «мотыльку» из тысячи. Судьбе остальных позавидовать сложно. Случайное повреждение экипировки, инфицирование скоргами, а дальше либо в сталкеры, либо в ряды нежити. Чаще всего – последнее, ибо мнемотехников, способных реально помочь инфицированному бедолаге, можно было в буквальном смысле сосчитать по пальцам.

* * *

Монгол, пристально наблюдая за внезапно появившейся на сцене событий группой сталтехов, не испытывал к новорожденным исчадиям техноса ни сострадания, ни ненависти.

Их привлек очаг энергетической активности, образовавшийся в результате остервенелой схватки между военными, фанатиками Пламенного Креста и остатками отряда «диких старателей».

Издали сталтехов легко спутать с людьми. Недавно инфицированные, они еще не превратились в окончательные «изделия техноса», их плоть, покрытая ртутными язвами, пронизанная сложным плетением серебристых нитей (из которых вскоре сформируются механические мускулы), еще не отмерла, организм продолжал жить, хотя уже не мог бороться с перестраивающими его нанороботами.

В такой стадии сталтехи особенно опасны. Монгол знал, что человеческий мозг погибает не сразу, он продолжает руководить

поведением сталтеха, пока не будет полностью сформирована «управляющая» колония наномашин.

Судьбе инфицированного скоргами человека не позавидуешь.

Плоть отмирает медленно, трансформация биологического носителя в исчадие техноса протекает мучительно, в этот период большинство сталтехов сбиваются в группы, ими еще руководят проблески прошлых, сугубо человеческих мотиваций, но мышление уже непоправимо искажено сумеречным состоянием рассудка, а любой порыв выливается в крайне агрессивное поведение по отношению ко всем, в том числе и к своим товарищам по несчастью.

Нередко случалось, что развитие колонии скоргов, захватившей человека в качестве носителя, останавливалось при так называемом «вторичном инфицировании», когда несколько агломераций «диких» наномашин вступали в схватку друг с другом за обладание носителем. Как правило, результатом беспощадной борьбы становились мумифицированные останки с частично металлизированными костями скелета и фрагментарно сформированными сервомускулами, иногда встречающиеся в руинах.

За подобные «артефакты» перекупщики предлагали немалые суммы, чем еще больше осложняли ситуацию, вовлекая в смертельный бизнес все новые и новые отряды охотников за «легкими деньгами».

* * *

Размышления на тему превратностей сталкерских судеб не мешали Монголу целиться.

Пока боевики секты и военные, на минуту забыв о смертельных противоречиях, поливали противника шквалом очередей из разнокалиберного оружия, он, понимая суть происходящего, упорно следил за единственной фигурой, представляющей первостепенную опасность: его интересовал старый, давно сформировавшийся сталтех, так называемый «пастух».

«Пути техноса неисповедимы», – гласит еще одна, перефразированная в отчужденных пространствах поговорка.

На самом деле всё имеет причину и следствие. Говорят, что эволюцию скоргов пытается взять под контроль некая сила, базирующаяся в неизведанных глубинах пространственно-временной аномалии, получившей среди сталкеров короткое и емкое название – Узел.

Монгол был склонен верить, но не слухам, а фактам.

Он на собственной шкуре испытал, что такое организованные

полчища техноса. Многие утверждали, что армиями исчадий руководит некая мифическая группа ученых, сумевших взломать основные коды управления, но Монгол лишь мысленно усмехался в ответ. В силу обстоятельств он был одним из немногих, кто знал – механизмы разных мастей действительно подчинялись приказам, поступающим из недр Узла. Мысленно он склонялся к версии искусственного интеллекта, возникшего там, где первоначально эволюционировали созданные на Земле наномашинные комплексы.

У техноса появилась *воля*, и это обстоятельство тревожило не на шутку. Взять тех же сталтехов. Раньше они тоже сбивались в группы, но в большинстве своем гибли, бессмысленно продираясь через заросли «жестянки», вступая в ожесточенные схватки с другими представителями техноса. Теперь у них появились «пастухи» – опаснейшие няньки, пестующие будущих бойцов техноса, не позволяющие им бесславно сгинуть в дебрях металлической растительности.

Есть повод задуматься?

Пару лет назад Монгол при таком раскладе решил бы убраться подальше. Одно дело группа «мотыльков»-старателей, с ними можно договориться, на худой конец отогнать автоматной очередью, но с *этими* уже не пообщаешься, да и страх им больше неведом, на очередь они ответят шквалом огня, драться станут с бессмысленным упорством обреченных, вряд ли осознавая, зачем вообще вступили в бой.

Ну не умирать же ни в чем не повинному парню страшной, мучительной, *незаслуженной* смертью?

Иной сталкер на месте Монгола плюнул бы на все и унес ноги, но он мыслил иначе. Крепко ему запомнились уроки *человечности*, преподанные отчужденными пространствами. Ему никогда не забыть дикого ужаса, пережитого им в тоннелях техноса под Пустошью, когда он лежал раненый, беспомощный, ожидая жуткой, неизбежной развязки. Аскет, Апостол и Саид тоже могли пройти мимо, не тратить время на двух юных неимплантированных питерских проводников, заброшенных в Пустошь прихотью внезапной пульсации.

Но ведь не оставили умирать. Вытащили, рискуя своими жизнями. А после Приор Глеб выхаживал их в Цитадели Ордена и брал с собой на разные задания, ненавязчиво преподавая юным сталкерам трудную науку выживания в отчужденных пространствах.

Вот и получается, что ни один из наших поступков не пропадает бесследно. Не мог Монгол плюнуть на всё и уйти.

* * *

Крики, грохот очередей, ответный огонь сталтехов, вздыбившаяся земля, росчерки лазерных разрядов, проявляющиеся в пыльном воздухе, – все это скользило по периферии сознания, являлось фоном восприятия.

«Пастух» на рожон не лез. Он координировал действия своих подопечных, передавая каждому четкие целеуказания. Два раптора, скрытые завесой поднятой в воздух пыли, продолжали вести активное сканирование, изредка «подсвечивая» цели одиночными выстрелами.

Больше всего досталось военным. Гребень возвышенности, и без того исковерканный пульсациями, уже дважды вспахало бесноватым огнем тяжелых ИПК. Сталтехи без труда управлялись с громоздкими крупнокалиберными импульсными пулеметами, подавляя сопротивление не искусством боя, а тупой огневой мощью.

В отличие от них бойцы военного патруля демонстрировали отличную подготовку и недюжинную выдержку. Умело маневрируя огнем, они сдерживали натиск нежити, но силы были слишком уж неравными.

Боевики Пламенного Креста к подвигам не стремились, – Молох быстро сообразил, что сталтехи сконцентрировали внимание на патруле, и начал отводить своих людей, вместо того чтобы поддержать военных снайперским огнем с заведомо выгодной позиции.

«Ладно, твари, с вами еще поквитаемся», – презрительно подумал Монгол.

Старый сталтех продолжал ускользать, он словно чувствовал, что находится на прицеле.

Мью-фон, автоматически меняющий частоты связи, выхватил из эфира обрывок переговоров:

– …высота 12–09! Ведем бой с превосходящими силами техноса!..

– …коробочка на подходе… Держитесь…

«Почему они не подняли вертушки? – мысленно удивился Монгол. – Пока их «коробочка» продерется через «жестянку», здесь уже все будет кончено!»

Расширитель сознания, объединяя различные импланты, частично отсеивал помехи, используя мозг сталкера как вычислительное устройство. Он обрабатывал данные, действуя в рамках узкой задачи, и, лишь убрав лишнее, передавал сигналы на зрительный нерв Монгола.

Есть. Подставился все-таки!

Смазанный помехами силуэт старого сталтеха появился из-за вставшей на ребро потрескавшейся бетонной плиты.

Права на ошибку у Монгола не было. Дистанция приемлемая, цель видна, теперь главное не просто попасть, а вырубить управляющую колонию скоргов.

Монгол тщательно прицелился, палец плавно выбрал люфт спускового крючка, затем преодолел тугое сопротивление, и автомат зло ударил короткой очередью в три патрона.

Две пули с фричем, одна разрывная.

Первая ударила в переносицу сталтеха, покрыв металлизированный череп белесыми прожилками, похожими на мгновенно выступивший узор инея, вторая добавила в лоб, третья ушла в «молоко», на сантиметр разминувшись с головой нежити.

Вторая очередь довершила начатое, исправив допущенную ошибку.

Череп сталтеха, потерявший прочность под воздействием фрича, разлетелся фонтаном мельчайших осколков, управляющая колония скоргов не вытекла, как бывает, влажным ртутным плевком, – ее распылило, без надежды на «реинкарнацию».

Монгол рывком ушел с демаскированной позиции.

Контуры сталтехов пылали перед мысленным взором различными оттенками зеленоватого сияния, отображающими термальные всплески. Источники аномальной энергии и системы вооружений выделялись на фоне полупрозрачных в таком восприятии силуэтов особенно четко.

Военным удалось завалить троих. Неплохой результат, если учитывать, что большинство попаданий для нежити не смертельны, они лишь рвут в клочья и без того мертвую плоть или уходят в рикошет от металлизированных скоргами деталей скелета.

В данный момент полтора десятка изрядно поврежденных исчадий техноса пытались выбраться из оврага на склон высоты.

Движения сталтехов поведали Монголу о многом. Они неуверенно обошли две близко расположенные ловушки, – «Магнит» и «Гейзер», значит, управляющие колонии скоргов у большинства уже сформированы, но они все еще используют органы человеческого восприятия и слабенькие сканирующие системы экипировки, – слишком поздно сталтехи заметили опасность, да и отреагировали вяло, апатично.

«Хреново без начальства?»

Монгол занял заранее намеченное укрытие, спустившись чуть ниже по склону, чтобы бить наверняка, без помех.

Два раптора, судя по показаниям сканеров, продолжали осуществлять поддержку. Несмотря на «порванную» локальную сеть, они подсвечивали цели потоками излучения, давали указания выстрелами из

мелкокалиберных импульсных орудий, но неполноценные, не до конца сформированные сталтехи, потеряв централизованное руководство, больше не воспринимали действия примитивных механизмов как помощь. Отряд начал расползаться, и тут оставшиеся в живых бойцы патруля допустили первую серьезную ошибку – они не прекратили огонь, а, напротив, почувствовав в противнике слабину, сконцентрировали его, уничтожив еще три исчадия техноса и четко настроив остальных против себя.

«Ну зачем?!» – мысленно укорил их Монгол.

Хотя бойцов можно понять – пять минут ураганного огневого контакта способны выжечь нервы кому угодно.

На вершине противоположного холма сканеры зафиксировали движение.

Молох, почувствовав перелом в схватке, подтягивал боевиков на огневой рубеж.

Было понятно: они собираются прижать военных, заставить их отступить, а уж потом добить разобщенную группу сталтехов, чтобы добраться до брошеного на дне оврага груза.

«Не выйдет». Монгол находился на выгодной для наблюдения позиции и не без удовлетворения отметил, что вызванная патрулем помощь уже на подходе. Модифицированный БТР с десантом бронепехоты не стал ломиться через заросли металлокустарников, а совершил бросок по объездной дороге и сейчас находился в тылу атакованной патрульной группы, карабкаясь к ней по склону холма.

Боевики Пламенного Креста пока что не подозревали о приготовленном для них сюрпризе.

Монгол переключил внимание на близкие и потому наиболее актуальные цели. Один из сталтехов все же умудрился вляпаться в «Магнит» и теперь тщетно пытался вырваться. Колония диких скоргов засосала его уже по пояс.

Этот не в счет. А вот остальные по-прежнему опасны.

Автомат сталкера ударил во фланг атакующим, срубая сталтехов короткими беспощадными очередями.

* * *

События развивались стремительно.

Вызванный патрулем БТР, расталкивая остовы ржавеющих среди воронок машин, вскарабкался на вершину холма, оставляя после себя глубокий след развороченной почвы. Боевые машины последнего поколения не зря получили среди сталкеров меткое название «Крадущийся

демон». Двигатели БТР работали практически бесшумно, фототропный слой активного пластика, нанесенный поверх брони, имел свойство мимикрировать, сливаясь с окружающей средой, антисканирующие комплексы обеспечивали машине хорошую защиту от систем обнаружения потенциального противника.

Исследовательские и военно-промышленные комплексы Внешнего Мира не стояли на месте, вот уже несколько лет они снабжали изоляционные силы Барьерной Армии новейшими образцами экипировки, вооружений и боевой техники, адаптированными к условиям отчужденных пространств. По сути, армейские формирования, базирующиеся в Пятизонье, проводили постоянные полевые испытания техники «двойного предназначения». Любая машина, элемент экипировки, система поддержания жизни, способная выдержать адские условия отчужденных пространств, по определению годилась для работы на иных планетах. Независимо от моральной окраски происходящих внутри периметра Барьеров событий, тут, в диких, непостижимых для неподготовленного рассудка условиях, медленно, но верно оттачивалась техника выживания, годная для колонизации иных миров.

* * *

Перевалив через гору спрессованного строительного мусора, боевая машина не остановилась, а медленно поползла по склону, открыв огонь из башенного орудия.

Артиллерийский компьютер четко фиксировал цели, башня поворачивалась рывками, сплевывая оглушительные, короткие очереди в три-четыре снаряда.

Тим, почувствовав, как содрогнулась почва, не удержался и все-таки выглянул через узкий лаз.

В этот миг на противоположном склоне холма земля встала дыбом – оранжево-черные всплески разрывов взметнули в небеса тонны обломков кирпича и бетона, оставляя в местах попаданий огромные дымящиеся воронки, два исполинских древовидных автона, подрубленные у основания мощных стволов, вдруг начали угрожающе крениться, в вышине со звоном лопались металлические ветви, град раскаленных, дымящихся обломков барабанил по земле, в грохоте тонул чей-то истошный крик, наступавшие сталтехи словно оцепенели, два механоида, двигавшихся в арьергарде отряда нежити, теперь чадно дымили, прошитые очередями автоматических курсовых орудий БТР.

Для Тима все происходящее выглядело сущим адом, он мгновенно

оглох, ослеп, на зубах скрипела пыль, казалось, что вырванная в небо земля повисла удушливыми шлейфами, а холм, состоявший из обломков зданий, медленно проседает, раздаваясь в стороны под весом боевой машины.

Однако большинство участников внезапного боестолкновения не обращали внимания на подобные «мелочи». Сталтехи, очнувшись от секундного оцепенения, открыли ураганный ответный огонь, отсекая бронепехоту, двигавшуюся вслед за БТР, а вскипевшие энергии боя тут же привлекли внимание различных обитающих неподалеку исчадий техноса – сквозь разрывы дымопылевой завесы оглушенный Тим с ужасом заметил, что со стороны ближайших руин, появились ажурные шары.

«Это же «перекати-зоны»!» – мгновенно сообразил он, потрясенно наблюдая, как эволюционировавшие роботы стремительно приближаются к месту схватки, словно их подталкивали, заставляя подпрыгивать на кочках и рытвинах, ураганные порывы внезапно поднявшегося ветра.

Жуткие очертания десятка «перекати-зон» промелькнули в поле зрения и исчезли, скрытые завесой дыма. Испуганный, растерянный взгляд Тима остановился на древовидном металлорастении, которое в этот миг с протяжным скрежетом рухнуло поперек оврага, закрыв боевой машине часть секторов обстрела.

Металлические ветви, покрытые окислами, дрожали, роняя шелуху окалины. Сотни мелких насекомоподобных механизмов градом сыпались на землю, расползаясь в разные стороны, среди ветвей то и дело возникали сполохи зеленоватого мерцания, вниз с влажными шлепками падали Н-капсулы, тут же превращаясь в лужицы серебристого расплава, – дикие колонии скоргов активировались при ударе о землю и начинали охоту, парализуя и поглощая мелких механических «насекомых».

Неподвластный рассудку ужас парализовал сознание Тима.

Скорги!

Он оцепенел, не зная, что делать: бежать ли через огонь разрывов или забиться в сомнительное укрытие, из которого нет выхода?

Бой тем временем продолжался.

БТР попятился, не прекращая вести прицельный огонь по сталтехам, двигавшиеся следом бойцы в бронескафандрах залегли, оказавшись метров на двадцать выше по склону. Они не видели Тима, он же ощущал их присутствие по сиплым, отрывистым очередям «карташей» да разрядам ручных армганов – лучи лазеров четко проявлялись при прохождении через взвесь мельчайшей пыли, которой был напоен удушливый воздух.

Второе металлическое дерево внезапно начало крениться, издавая рвущий нервы скрежет и лязг.

Для неподготовленной психики – зрелище ужасающее. Тима трясло, голос рассудка подсказывал, что торчать у выхода из убежища – глупый, ничем не оправданный риск, но он по-прежнему не мог пошевелиться, лишь судорожно хватал ртом горьковатый, пыльный воздух да часто смаргивал, с ненормальной, самоубийственной жадностью впитывая взглядом детали непостижимого сумеречного ада, разверзшегося перед ним. Закрепленная на лбу видеокамера продолжала непрерывную запись событий, но Тим сейчас позабыл обо всем, жуткая реальность поглотила рассудок, он растворялся в окружающем, задыхаясь от ужаса, потеряв способность к осмысленным действиям.

Древовидный автон сочно-медного цвета рухнул, накрыв своей разлапистой «кроной» большую часть склона противоположного холма. Этим не преминули воспользоваться оставшиеся в живых боевики Пламенного Креста. Заняв укрытия среди сплетения металлических ветвей, они лихорадочно готовили к бою какую-то установку, состоявшую из массивного треножного станка и закрепленного на нем тупоносого генератора.

Военные потеряли фанатиков из вида, их внимание сосредоточилось на новых исчадиях техноса, появившихся в пространстве между холмами. Три или четыре «перекати-зоны», сплевывая росчерки лазерных разрядов, стремительно катились вниз по склону. Огонь импульсных орудий практически не причинял вреда ажурным «изделиям техноса», пули и снаряды лишь царапали тонкие, но чрезвычайно прочные детали их остовов, рикошетили, вспарывая землю, кроша бетон, причиняя лишь случайные, минимальные повреждения эволюционировавшим роботам Зоны.

Соотношение сил менялось на глазах.

В Сосновом Бору, особенно в непосредственной близости от Барьера, господство военных казалось неоспоримым, по крайней мере именно так преподносили ситуацию средства массовой информации. Сейчас Тим наблюдал прямо противоположное. Отряд, пришедший на выручку патрулю, попал в крайне затруднительное положение. БТР, несмотря на отличную защиту и внушительную огневую мощь, явно не справлялся с обилием целей – всё новые и новые «изделия техноса» подтягивались к месту схватки, вступая в нее без всяких сомнений и предварительной разведки.

– Отходим! – раздался неподалеку от укрытия Тима возглас одного из военных. – По связи передали, в полутора километрах группа бронезавров! Двигаются сюда! Повторяю приказ: отходим!

Все смешалось. Понять, кто теперь нападает, а кто защищается, казалось попросту нереальным. Десятка три различных механических тварей атаковали первые попавшиеся цели, некоторые останавливались, выпускали манипуляторы, начиная мародерствовать на останках поверженных противников, и тут же сами становились жертвами более сообразительных и осторожных порождений техноса.

БТР попятился. Его башенное орудие работало в режиме беглого огня, на дистанциях прямой наводки, но эпицентр схватки, будто магнит, притягивал все новых и новых механоидов. В широкой части оврага внезапно вспух ослепительный плазменный волдырь, неохватные стволы двух рухнувших металлорастений мгновенно превратились в гейзеры расплава, ударившие на огромную высоту.

Тим заорал от ужаса.

Его крик глох под дыхательной маской. Трудно передать чувство оцепенелого бессилия, овладевшего им. Смерть дышала в лицо. Вокруг полыхали взрывы, падали раскаленные, сбитые пулями ветви металлорастений, в дыму возникали и тут же пропадали зловещие контуры механических тварей, в овраге, куда угодил плазменный разряд, что-то извергалось, выбрасывая тучи пепла и фонтаны вязкой, багряно-оранжевой магмы.

Объективно, начавшееся вдруг светопреставление продолжалось всего десять-пятнадцать секунд, затем обжигающая ударная волна от особенно сильного взрыва тяжкой судорогой рванула во все стороны, мгновенно свивая тучи пепла и дыма в тугие смерчи, открывая полуослепшему Тиму новые подробности происходящего: по склонам холмов плясали языки пламени, в воронке, покрываясь тонкой пленкой окалины, рдело озерцо расплавленного металла, боевики секты, чей генератор опрокинуло, а укрытия сожгло, вынужденно развернулись, вступив в бой с зашедшими им в тыл «перекати-зонами»…

«Мамочка…» – беззвучно шептали побелевшие губы. Тиму казалось, что его распухшую голову обернули несколькими слоями ваты, одежда тлела, он вялыми движениями загасил несколько очагов жгучей боли и вдруг замер, неестественно вытянув шею.

По склону соседнего холма, сносимые ураганным ветром, ползли серые, плюющиеся огнем шлейфы пыли, словно там двигалась колонна тяжелой бронетехники.

Тим, обмирая от ужаса, присмотрелся.

Контуры атакующих танков выглядели чудовищными, невозможными – группу из четырех машин, принадлежащих к разным эпохам развития

танкостроения, объединял лишь один признак: над многотонными исполинами поработал технос, реконструировав их на свой лад.

«Бронезавры…» – ухнула в голове Тима обреченная мысль.

Их корпуса закрывали наплывы серебристой брони, башни древних танков оплетало ажурное кружево металлоконструкций, они двигались стремительно, вспарывая склон траками гусениц, ведя огонь в движении. Несколько прямых попаданий снесли гребень возвышенности вместе с укрытиями, где искали спасения боевики секты Пламенного Креста, группа механоидов, попытавшихся между делом приступить к эволюционному пиршеству, стала следующей жертвой ураганного огня – механические твари одна за другой тонули в пламени взрывов. Через минуту «бронезавры», учинив настоящий разгром, принялись зачищать местность из крупнокалиберных импульсных пулеметов, добивая разную «мелочь», оставшуюся в зоне эффективного сканирования.

Шары «перекати-зон», высоко подпрыгивая, попытались ретироваться, но модифицированные техносом танки вдруг рванулись следом за ними. Вскарабкавшись на холм, расположенный метрах в ста от укрытия Тима, они замерли, ворочая стволами, затем вновь открыли ураганный огонь из импульсных орудий.

Казалось, всё – опасность миновала, но куда там. Из раскаленных зарослей металлокустарников показались новые виды механических тварей, привлеченных признаками боя. Они двигались по дымящимся склонам, выпуская манипуляторы, подбирая различные детали поврежденных механизмов. Тим не раз слышал рассказы о том, как эволюционировавшие «изделия техноса» в буквальном смысле разбирают на запчасти пострадавших в схватках «собратьев», присваивая их узлы, системы и агрегаты в качестве апгрейда.

Ему казалось, что этот кошмар будет длиться вечно.

Четыре «бронезавра», разделавшись с пытавшимися скрыться ЭРЗами[11], начали разворачиваться, когда в небе над злополучными холмами раздался нарастающий гул и вдруг, разрывая полог свинцовой облачности, в небе появились два хищных, стремительных силуэта «драконов» – захваченных техносом боевых вертолетов, неоспоримых хозяев отчужденных пространств…

Через мгновенье позиция «бронезавров» потонула в огне – «драконы», в чьих очертаниях еще угадывались контуры знаменитых Ка-85 «Пустельга», ударили по ним плазменными ракетами и тут же, заложив крутой вираж, обрушили шквал снарядов на группу мародерствующих

механоидов.

Бетонная плита, козырьком выступавшая над головой Тима, внезапно прыснула трещинами, серия взрывов потрясла окрестности, и… наступила ватная тишина, лишь исковерканные корпуса двух рапторов со скрежетом катились вниз по склону, подпрыгивая на ухабах и рытвинах.

Тим сидел, зажимая ладонями кровоточащие уши, не чувствуя, как пылает кожа лица, его взгляд неотрывно следил за хищными силуэтами «драконов», которые пронеслись между холмами, сминая тяжелые пласты удушливого, раскаленного воздуха, и вдруг, покачиваясь, застыли в воздухе, задействовав режим автопарения.

На склоне противоположного холма среди поникших, оплавившихся ветвей металлорастений, рассыпая искры из развороченных корпусов, чадило не менее десятка механоидов, из-под пепла виднелись фрагменты тел в покрытой окалиной боевой броне, на берегу медленно остывающего озерка расплавленного металла смрадно чадили останки сталтехов, – нестерпимый жар обугливал ошметья плоти, из-под дымящихся лохмотьев экипировки вытекали ручейки серебристой субстанции…

У Тима все плыло перед глазами. Его уже не била нервная дрожь, внезапно навалилась дикая усталость, безразличие ко всему, даже к собственной судьбе. Он сидел, монотонно раскачиваясь из стороны в сторону, что-то шепча потрескавшимися губами, не чувствуя крови, сочащейся из ушей, лишь его полубезумный взгляд блуждал по окрестностям, замечая, как внезапно усилившийся ветер стал комкать тяжелые, свинцово-серые тучи, сбивая их в плотную, угрюмую массу.

Первые капли дождя коснулись земли, начали скатываться пыльными шариками, затем вдруг взвихрились ядовитым маревом, а через секунду все потемнело, хлынул ливень, и распадок между холмами вдруг заволокло желтоватым туманом – дождь, хлещущий по земле, был кислотным.

* * *

Из желтоватого сумрака появилась фигура сталкера.

Тим вздрогнул.

«Монгол!.. Живой!..»

Экипировка сталкера, изрядно пострадавшая в бою, шипела, истекая тонкими завитками токсинов – кислотный дождь разъедал ее.

– Тим?

Он хотел откликнуться, но из горла вырвался лишь хрип.

Монгол сам заметил его, шагнул под прикрытие потрескавшегося бетонного козырька, присел на корточки, хмуро и настороженно озираясь,

затем вдруг вскинул автомат, с недобрым прищуром целясь в желтоватую мглу.

Из сумрака медленно выдавилась фигура… сталтеха!

Тим обмяк, не понимая, почему Монгол вдруг опустил автомат, не выстрелив в приближающееся исчадие техноса.

Существо, возникшее из клубящейся, ядовитой пелены, вызывало невольную дрожь.

Капли кислотного дождя скатывались по его глянцевитой, пронизанной серебристыми прожилками броне, поднятый визор боевого шлема открывал взгляду обезображенное скоргами лицо. Черты вроде бы человеческие, но тонкая сетка серебристых нитей, паутиной окружающая глаза, пара крупных вытянутых металлизированных пятен на правой щеке придавали лицу незнакомца застывшее, неживое выражение.

Две модернизированные техносом «Пустельги» угрожающе приблизились, казалось, если б не узость распадка между холмами, они бы заняли позиции за спиной странного существа, над его плечами, но он, ощутив бьющий из-под лопастей ветер, лишь досадливо поморщился, мотнул головой, и оба «дракона» послушно поднялись выше, соблюдая безопасную дистанцию.

– Монгол, дружище! – произнес сталтех, как-то странно наклонив голову. – А я все думаю, кто же тут войну устроил? Развлекаешься?

Сталкер не высказал ни удивления, ни оторопи, ни радости.

– Здорово, Макс, – спокойно ответил он. – Ничего я не устраивал. Так получилось – постреляли друг в друга с Молохом да разошлись краями.

– Ну-ну… – Макс многозначительно окинул взглядом исковерканные, дымящиеся склоны. – Вижу, как вы «краями» разошлись. – Он задержал взгляд на трупах в тяжелой боевой экипировке Пламенного Креста. – Ну, ты, Монгол, даешь. Весь букет. Разве что егерей для колорита не хватает.

Сталкер лишь пожал плечами в ответ:

– Сам знаешь, «мотыльков» нынче развелось, что скоргов в «жестянке». Им до каждого выстрела дело есть. Сунулись, по зубам получили, а дальше по нарастающей. Чугункам только повод дай, со всей округи сбежались.

Макс кивнул. В принципе все понятно. Спрашивать у Монгола, что именно он не поделил с Молохом, вроде бы неудобно. Захочет – сам скажет.

– А тебя каким ветром в Сосновый Бор занесло? – словно бы между прочим поинтересовался сталкер.

Макс усмехнулся, хищно, белозубо. Здесь как раз никакой тайны не было.

– За группой сталтехов шел. Думал понаблюдать за ними спокойно. Кто ж знал, что ты тут войну устроишь?

– Так получилось, – повторил Монгол. – Хотя, признаться, рад твоему появлению. Разговор есть.

– О нем? – Макс недобро взглянул на Тима.

– С ним сам разберусь. Тут груз странный через Барьер протащили.

– Кто? – Макс снова наклонил голову, словно прислушивался к неуловимой для других мелодии.

– Молох.

– Я с фанатиками сейчас не воюю. У них свои дела, у меня свои.

– Не спорю. Но ты взгляни, может, подскажешь? Я пару образцов взял, а что с ними делать, ума не приложу.

– Ладно. – Макс скользнул взглядом по оружию Монгола. – Тот самый «калаш», из которого Приор Глеб мне пулю в висок влепил? – неожиданно спросил он.

– Тот самый, – кивнул Монгол. – Я оружие не меняю.

Глава 2

Отчужденное пространство Соснового Бора…

– Действительно, странный груз. – Макс, завершив сканирование, выпрямился. – С виду – энергоблоки. Такие удобно использовать в качестве НЗ, если вдруг вдали от энергополей «Сердце зверя» разрядится. Но есть в них подвох. Внутри каждого – небольшая изолированная капсула. А вот для чего она – понятия не имею. Тебе бы Антрациту их показать. Он-то точно разберется.

– А где сейчас Антрацит?

– Последний раз в Ордене его видел. Сейчас умные люди в одиночку, как раньше, не работают.

– А ты типа глупый? – усмехнулся Монгол.

– Я осторожный, – в тон ему ответил Макс. Он что-то передал через мью-фон, и из клубящейся мглы выступили двое бойцов в легкой экипировке, вооруженные «карташом»[12] и «мегерой»[13]. Судя по обилию металлизированных пятен на лицах, их удалось вырвать из лап техноса, что называется, «в последний момент». – Я тоже, как видишь, в одиночку не хожу.

Монгол прищурился.

– А «драконы»?

– Тренируюсь. Форму поддерживаю, – отшутился Максим. – Какой-то ты напряженный, Монгол. Чего-то недоговариваешь. Ты пацана куда вел?

– Да его Молох в плен взял за Барьером. Я отбил парня, хотел отправить в ближайший лагерь проводников. Пусть бы обратно его вывели, с какой-нибудь оказией.

– Дело, – кивком согласился Макс. – И все же, почему такой хмурый?

Дождь постепенно пошел на убыль. Пыль и пепел прибило к земле, видимость значительно улучшилась. По дороге, что петляла за холмами, двигался изрядно потрепанный патрульный БТР. Военным хватило здравого смысла, чтобы отступить, не ввязываясь в бессмысленную бойню, когда «изделия техноса» поперли со всех сторон.

– Непонятного ходока я привел, – ответил Монгол, что-то просматривая через сталкерскую сеть. – Вроде при имплантах, от Славки пришел, а неспокойно на душе.

– Куда же он делся? – Макс обвел пытливым взглядом панораму недавнего побоища.

– Отстал по-тихому. В руины ушел, пока я с Молохом препирался.
– Как назвался-то?
– Гонтой.
– Что-то не припомню такого. Не из Хистеровских?
– Нет. Говорит – вольный бродяга.
– А что в сети?
– Нет такого. – Монгол поджал губы. – Развел он меня.
– А ты по всей базе данных поищи, – посоветовал Макс.
Монгол послал новый запрос, и через минуту его бровь удивленно приподнялась.
– Слушай, а ты прав! Он оказывается из «жженых», тех, что Катастрофу пережили!
– Так в чем проблема?
– Мертв он. Вот уж четыре года, – еще раз сверившись с базами данных, ответил Монгол.
– Может, просто в сети не светился? – предположил Макс. – Если из «жженых», то неудивительно. Многие из них меняют позывной, ходят под другими именами.
– Сам взгляни. Гонта группу вольных сталкеров возглавлял. Его Хистеровские егеря положили. Здесь все четко зафиксировано. Четыре года назад в Академзоне. Они Светлый Тоннель искали. Ну, ты слышал, да?
Макс кивнул.
Легенда о Светлом Тоннеле ходила давно. Говорили, что под Новосибирском существует старая подземная железнодорожная ветка, проложенная еще в прошлом веке. Если верить слухам, то во время пульсаций в подземелье проникает ослепительный свет. Те, кто видел его, больше не возвращались. О причине исчезновения сталкеров толковали разное, но самым устойчивым из бытующих мнений была легенда, что свет тоннеля не простой. Он часть Узла, аномалия внутри аномальных пространств, единственный путь возвращения во Внешний Мир, но доступен он не каждому. Только те сталкеры, что остались чисты душой, способны пройти по нему – свет пульсации сжигает в тоннеле скоргов, не оставляет в теле ни одного импланта, открывает дорогу назад, во Внешний Мир. Ну а если душонка у сталкера грязная, продажная, то тоннель отправляет его в Узел, в самое адское пекло, откуда уже нет возврата.
Макс относился к легенде скептически.
Он допускал, что тоннель существует и связан с иными пространствами Узла, но не верил в легенду о Возвращении. Вряд ли в отчужденных пространствах найдется хоть один сталкер, чью душу можно

назвать чистой. Выживание на грани человеческих сил – процесс жестокий. Разве что кто-нибудь из старых, переживших Катастрофу, оказавшихся невольными заложниками отчужденных пространств, мог бы попытать счастья.

Промелькнувшая мысль заставила Макса вздрогнуть.

– Тело Гонты нашли?

– Нет сведений, – отозвался Монгол. Они оба подумали об одном и том же: а вдруг? Вдруг Гонта сумел пройти? Но зачем он в таком случае вернулся в отчужденные пространства?

Легенды Пятизонья не возникают на пустом месте. Макс был одним из немногих, кто на своей шкуре испытал материализацию некоторых загадочных и зловещих верований.

В душе каждого сталкера, вне зависимости от его мировоззрения и уровня циничного материализма, *никогда* не умирала безумная надежда на чудо. Границы аномальных пространств беспощадно захлопывались за спиной однажды имплантированного человека, дороги назад не существовало, за границей Барьера сталкеров ждала лишь мучительная смерть, но…

– Нужно бы проверить, кто он на самом деле… – в голосе Макса чувствовалась внезапная нервозность. – Что думаешь, Монгол?

– Не стыкуется у меня информация. Не тянет он на «джинна»[14].

– Почему?

– Да мутный он какой-то. Элементарных вещей не знает.

– Или просто придуривался, чтобы тебя с толку сбить, – предположил Максим.

– Может, и так, – подумав, кивнул Монгол. – Проверить действительно нужно. Вопрос: где теперь искать этого Гонту и что мне делать с Тимом?

– О парнишке не беспокойся. Его отведут в безопасное место. – Макс обернулся к своим телохранителям. – Захар, забери «мотылька». Переждите в нашем бункере. Я скоро вернусь. – Он взглянул на Монгола. – Ну что, пошли? Квартал руин невелик. «Драконы» отыщут Гонту.

Мнения Тима никто не спросил. Он даже не успел толком понять, что происходит, как две модернизированные техносом «Пустельги» сорвались с места, исчезнув из вида.

Монгол и Макс последовали за ними.

Тим медленно обернулся, невольно содрогнувшись от вида двух изуродованных скоргами сталкеров.

– Пошли, пацан, – негромко произнес Захар. – Тут недалеко, но нужно спешить. Вояки вскоре снова нагрянут. А нам с ними встречаться ни к чему.

* * *

Он убегал.

Тьма гнездилась по углам помещений, тусклый свет полудня врывался сквозь перекошенные оконные проемы, падал косыми столбами, рассекая сумрак опустевших квартир.

Выбитые двери, сломанная мебель, отметины от пуль, трещины по стенам и потолку, фрагменты внезапно остановившейся жизни, серебристый узор забравшихся на немыслимую высоту ползучих металлокустарников – всё мелькало перед глазами, проносилось мимо, в такт бешеным ударам сердца, броскам от укрытия к укрытию, от простенка к простенку.

Он заблудился. Потерял чувство направления в изматывающей гонке. Форсированный режим метаболического импланта задействовал все резервы организма, но и это уже не помогало. Его гнали, методично окружая с разных сторон, не убивая, но и не давая шанса остановиться, перевести дыхание.

Шаги по лестницам. Торопливая скребущая поступь в коридорах. За стенами здания – ровный деловитый гул: две захваченные техносом «Пустельги» фиксировали его перемещения при помощи сканеров, держали на прицеле, но медлили, не стреляли, хотя могли в любую секунду обрушить шквал огня, разнести фрагмент здания вместе с упрямым, не желающим умирать сталкером, поставив жирную точку в непонятном преследовании.

«Сердце зверя», интегрированное в бронекостюм, почти разрядилось, сервоусилители мускулатуры уже начали притормаживать, расширитель сознания сбоил – его силы иссякли, и теперь оставался только один выход: принять бой.

Сталкер уже отчаялся вырваться живым, но и сдаваться на милость эволюционировавших исчадий техноса не собирался.

Сердце колотилось в груди как бешеное. Перед глазами плавала багряная муть, импланты гнали в рассудок потоки данных, но он не успевал обрабатывать их, реальность рассыпалась осколками ощущений, дробясь на фрагменты, уже не складываясь в осмысленное и полное восприятие окружающего.

Внезапно впереди полыхнул дневной свет, стены раздались в стороны, разбегаясь иззубренными огрызками, он увидел просевшую плоскость

перекрытия разрушенного этажа, низкие, стремительно несущиеся над самой головой космы свинцовой облачности и хищный силуэт облитой серебром, давно утратившей камуфлирующую окраску «Пустельги».

Захваченный техносом боевой вертолет плавно и неторопливо разворачивался, курсовые импульсные орудия, готовые взорваться огнем, держали на прицеле одинокую фигуру сталкера, который, пробежав по инерции еще несколько метров, остановился, понимая: всё, дальше пути нет, до соседнего здания пятидесятиметровая пропасть…

Он резко присел, вжался спиной в огрызок стены, палец соскользнул к вариатору типа боеприпасов, переключая ИПК в режим стрельбы из подствольного гранатомета.

– А ты выносливый, – раздался из темноты здания чей-то голос.

Сталкер невольно вздрогнул.

Твари… Уже и человеческую речь имитировать научились…

– Гонта, не дури. Твой организм на пределе. Одна плазменная граната ситуации не изменит. Подумай. Я мог убить тебя…

– Так чего медлил? – хрипло огрызнулся сталкер.

– Хотел узнать, сколько ты продержишься.

– Что тебе надо, тварь?

– Принял меня за сталтеха? – в голосе послышалась усмешка.

– А кто ты?

– Ну, встань, взгляни.

Гонта уже немного отдышался. Палец лежал на сенсоре подствольного гранатомета. Огрызок сходящихся углом стен не давал увидеть, кто же на самом деле вышел из сумрака задания на продуваемую всеми ветрами площадку.

Гул рассекающих воздух лопастей глушил звуки шагов.

А вдруг и правда не сталтех? Уж больно голос на человеческий похож. Хотя… Он тут же вспомнил, как несколько раз в косых столбах света мелькала облитая серебром человекоподобная фигура, как били ему вдогонку тугие очереди, прошибая в бетонных стенах дыры размером с кулак, наполняя помещения едкой пылью… Кто, если не сталтех, способен на бегу вести огонь из крупнокалиберного ИПК?

Он привстал.

Палец ныл на бугорке сенсорной гашетки. Надави чуть сильнее – и плазменная вспышка поглотит с десяток квадратных метров просевшего перекрытия.

Дрожь…

В первый миг он отчаянно выругал себя за то, что попался на уловку и

чуть было не совершил рокового движения, но что-то удержало.

Человека, остановившегося в нескольких шагах от импровизированного укрытия Гонты, действительно на первый взгляд было трудно отличить от сталтеха, и виной тому была не только пронизанная серебристыми нитями бронированная экипировка. На левой щеке поблескивали уродливые ртутные пятна, вместо волос топорщился короткий металлизированный «ежик», глаза были густо оплетены въевшимися в кожу прожилками металла, но взгляд незнакомца был живым, изучающим, в нем мелькали искорки неподдельного интереса.

Два «дракона» по-прежнему резали лопастями мглистый, влажный воздух. Сталкер машинально отсканировал лицо незнакомца, и подсказка тут же была найдена в базах данных.

– Ты – Макс? – полуутвердительно произнес Гонта.

– А ты догадлив. Слышал обо мне, да?

Гонта сипло выдохнул, с усилием сглотнул.

Кто же не слышал о Максе? Он и еще девять сталкеров несколько лет назад, сами того не ведая, стали жертвами эксперимента, проводимого мнемотехниками Ковчега. В них внедрили зародышей сталтехов – колонии скоргов, которые должны были полностью преобразовать человеческие тела, превратить людей в исчадия техноса, подконтрольные главарю Ковчега – Генриху Хистеру.

Гонта понятия не имел, кто сорвал эксперимент. Ходили слухи, что Макса спас один из приоров Ордена, остановивший трансформацию при помощи мнемотехнического воздействия, но правда это или нет – история умалчивала. Не вызывал сомнения другой факт: спустя год после тех событий Макс начал планомерно истреблять боевиков Хистера, стремясь добраться до лидера группировки, базирующейся в бункерной зоне бывшего новосибирского Академгородка.

«Но что ему от меня-то понадобилось?» – Гонта взглянул на Макса, вновь испытав невольную дрожь.

– Говорят, до Катастрофы ты был городским диггером? – Макс пристально смотрел ему в глаза. – Жил в Новосибирске и хорошо знаешь подземелья?

Гонта невольно вздрогнул.

– Я никому об этом не рассказывал!..

– Только ему. – Макс обернулся.

Из сумрака здания появилась еще одна фигура. Коренастый сталкер был вооружен старинным «калашниковым». На его скуластом лице играла недобрая усмешка.

– Как видишь, Монгол жив, хоть ты и бросил его погибать, даже не предупредив об опасности.

– У него свои глаза и сканеры есть, – пренебрежительно ответил Гонта. – Я ему ничего не должен.

– Да? А вот мне кажется, что ты хотел избавиться от свидетеля. Ведь у тебя не было ни малейшего повода к столь черной неблагодарности. Монгол спас тебе жизнь, не бросил за Барьером, когда ты оказался в своем бронекостюме, как перевернутая черепаха в панцире, а ты его – в расход. Так поступают немногие, даже в этом жестоком мире.

– И что?

– Ты не сталкер. – Бровь Макса чуть приподнялась. – Настоящий Гонта погиб четыре года назад. Может быть, ты дашь разумное объяснение этой маленькой нестыковке?

Гонта понимал, что его положение в данный момент безвыходно. Бежать некуда, ответить на брошенное в лицо обвинение нечем, разве что пулей, но Макс контролировал два изделия техноса, и они вряд ли выпустят его живым. Скорее мгновенно изрешетят из орудий, стоит только дернуть стволом в сторону Макса. Да и Монгол противник опасный, раз ему все же удалось выбраться живым из той заварухи с фанатиками и сталтехами…

– Я сталкер. – Гонта упрямо поджал губы. – Одиночка.

Макс покачал головой.

– Твой мью-фон не работает на частотах техноса. – Он вскинул взгляд. – Это как минимум странно для «жженого», не находишь?

– Я не обязан отчитываться перед тобой, – дерзко ответил Гонта.

Макс смотрел на него уже без любопытства.

– Есть два вида сталкеров, – наконец, придя к некому внутреннему выводу, произнес он. – Те, кто выжил после Катастрофы, став обитателем отчужденных пространств поневоле, и те, кто пришел сюда с определенной целью. Мне кажется, что ты – нечто третье, верно?

Гонта сумрачно промолчал.

– Хорошо. – Макс проявил терпение. – Ответь мне на один вопрос – и разойдемся миром.

– Ну?

– Светлый Тоннель существует?

Гонта вздрогнул, его лицо побледнело, это было видно даже через полупрозрачное забрало боевого шлема.

Теперь у него не оставалось иного выхода – только убить Макса и Монгола.

– Ну? Я жду! Ответ будет?

Гонта лихорадочно соображал, как действовать, кого валить первым, когда в ситуацию внезапно вмешалась третья сила.

– В укрытие! – вдруг заорал Монгол, метнувшись под защиту невысокого огрызка стены.

Макс рефлекторно отреагировал, а вот Гонта растерялся, остался стоять посреди открытой площадки, лишь слегка пригнулся, озираясь, отчаянно пытаясь понять: что произошло?!

Две ракеты, выпущенные с полуразрушенных этажей соседних зданий, ударили по «драконам».

Для модифицированной техносом «Пустельги» разрыв зенитной боеголовки не несет фатального исхода, но в данном случае оба запуска были произведены буквально в упор, маневр уклонения и даже лазерное противодействие безнадежно запаздывали, шрапнельная начинка ракет хлестнула по броне «драконов», оставляя рваные дыры в бортах, превращая сложную внутреннюю начинку в дымящееся крошево…

Обе «Пустельги» рухнули в теснину улицы.

Макс, потеряв контроль над подбитыми «драконами», мгновенно переключился на противника. Доли секунд потребовались ему, чтобы оценить обстановку, понять, кто так дерзко атаковал их.

– Гонта, ложись! – Он резко привстал, полоснув длинной очередью по оконным проемам, где притаились боевики секты.

Монгол все понял без слов.

Били с двух сторон. Прицельные, беспощадные снайперские выстрелы следовали один за другим, даже выпущенная Максом очередь не вразумила боевиков.

Гонта, сбитый с ног взрывной волной, корчился метрах в десяти от ближайшего укрытия.

– Его шрапнелью задело! – проорал Макс.

Выстрел.

Огрызок стены, за которым укрылся Монгол, разнесло в пыль. Огромная дыра зияла теперь в том месте, где секундой раньше находился сталкер.

– Прикрой меня! – Он рванулся через открытое пространство. Сбоку зачастил ИПК, в ответ ударило несколько выстрелов, со стороны ближайшего здания раздался истошный вопль.

Монгол, добежав до намеченного укрытия, вжался спиной в толстую бетонную колонну, когда-то служившую несущей конструкцией для не существующих теперь этажей небоскреба.

Глухой удар выметнул расползающееся облако едкой пыли.

Снайпер бил, ориентируясь по показаниям сканеров, но пуля лишь выкрошила часть колонны, обнажив арматуру.

Монгол резко выглянул, автомат в его руках огрызнулся двумя короткими очередями.

– Макс!

ИПК бил, не умолкая.

– Глуши импланты! – пришел по связи категоричный приказ. – Десять секунд!

Сталкер все понял без дополнительных пояснений. Боевиков слишком много, и не факт, что обнаружили себя все силы Пламенного Креста, брошенные на поиск и преследование. Монгол догадывался, почему они ринулись в погоню. Груз, брошенный Молохом, уничтожен. А у него в подсумке сохранились два странных энергоблока. «Видимо, кто-то наблюдал за мной, пока я обшаривал кофр…»

Импланты отключились.

В такие моменты любой сталкер испытывает чувство неполноценности, окружающий мир вдруг резко сужается, кажется, ты ослеп и оглох. Все же к хорошему привыкаешь быстро, и способность видеть в несвойственных для человека диапазонах, фиксировать опасность, когда до нее еще сотни метров, становится чем-то неотъемлемым.

В следующее мгновенье Макс нанес мнемонический удар.

Такого Монгол еще не испытывал ни разу. Даже при отключенных имплантах у него перехватило дыхание, в голове помутилось, а к горлу подкатил спазм. Что сейчас ощущали бойцы секты, не хотелось и думать. Все равно не угадаешь. Выстрелы смолкли, со стороны соседних зданий не раздалось даже вскрика, зловещая, какая-то *мертвая* тишина окутала участок руин.

Макс ни у кого не учился. Он пользовался собственными приемами, сочетающими искусство мнемотехника, бионика и метаморфа – сам воздух сгустился, застыл. Монголу всерьез показалось, что это не иллюзия и сейчас в стеклянном мире прыснут звонкие трещины, а вдохнуть так и не удастся, но через секунду фантомные ощущения отпустили, он судорожно вдохнул, рывком привстал, стараясь не терять концентрацию.

Максим появился из-за укрытия.

Он был бледен, кожа резко обтянула скулы, глаза казались ввалившимися, он двигался неуверенно, словно расходовал последние оставшиеся в организме жизненные силы.

– Гонту на плечо… – сипло выдавил он. – И уходим отсюда…

Монгол уже перезагрузил импланты, врубил сервоусилители брони, с

их помощью без особого труда поднял бессознательное тело Гонты, взвалил его на себя.

– К тамбуру… – едва слышно добавил Макс. – Я связался со своими. Они нас встретят…

* * *

Тима трясло.

Он слышал разговор Монгола и Макса, отчаянно надеялся, что его действительно отправят назад, через Барьер, но случилось что-то непоправимое. Сталкер, которого Максим называл Захаром, вдруг, ничего не объясняя, буркнул:

– Уходим к тамбуру. Макс приказал.

– Я не пойду! – Тим вскочил, попятился к дальней стене тесного убежища. – Я не пойду!!!

Страх перед неведомым оказался всепоглощающим, ноги подкашивались, но ему не дали упасть. Две пары сильных рук подхватили его и поволокли, он пытался сопротивляться, цеплялся руками за какие-то ржавые, торчащие из земли обломки, но тщетно.

Хмурые небеса вновь расплакались дождем, на этот раз обычным, не кислотным.

Вокруг простиралась мертвая исковерканная земля, поблескивающие заросли металлокустарников и исполинские древовидные автоны выглядели еще более зловещими на сером, унылом фоне.

Вдалеке, подпирая небеса, виднелся расширяющийся кверху столб мутного воздуха.

Двое сталкеров, не отпуская Тима, быстрым шагом направились в сторону исполинского вращающегося на одном месте торнадо.

Тим тщетно пытался вырваться.

Он извивался, мотал головой, то распрямлял, то поджимал ноги, но на него просто не обращали внимания, словно он был манекеном, куклой.

Сталкеры, используя сервоусилители брони, двигались напористо, даже не останавливались, завидев опасность. Некоторое время их преследовала группа небольших механоидов, и Тим подумал, может, они все-таки будут вынуждены принять бой, и я успею где-нибудь спрятаться, улизнуть, а потом просто буду пробираться к Барьеру. Один раз через него прошел, пройду и второй.

Не вышло.

Сталкеры, на ходу отстрелив ловушки и ложные цели, продолжали упрямо двигаться вперед.

Исполинский вращающийся смерч неумолимо приближался, перед взглядом обезумевшего от страха Тима мелькали фрагменты реальности, о которой он только слышал, но никогда не стремился увидеть воочию.

Багряные сумерки, царящие под куполом Барьера, необъяснимым образом воздействовали на рассудок, меняя восприятие природы вещей и явлений. Полуразрушенные здания хранили следы немыслимых искажений, повсюду виднелись обломки техники, словно тут год за годом не прекращалось титаническое противостояние машин, – среди обгоревших остовов, что мелькали перед выпученными от ужаса глазами Тима, резко выделялись футуристические очертания сотен подбитых механоидов. Нагромождения исковерканного тускло-серебристого металла зияли воронками, кое-где чернели корпуса современных боевых машин, вдалеке несколько мощных бульдозеров, натужно завывая двигателями, расталкивали горы металлического хлама, утюжа молодую поросль металлокустарников, с низкого неба то и дело били ветвистые разряды молний.

Зона тамбура напоминала кадры из фантастического фильма: титанические энергии пульсаций сметали тут все на своем пути, оставляя лишь прах, в котором тонули глубокие, похожие на лунные кратеры воронки.

Тиски ужаса сжимались все сильнее.

Тим зажмурился. Он уже окончательно потерял способность сопротивляться, но отчаянно страшился неизбежности.

* * *

Макс и Монгол появились внезапно.

Они пришли к тамбуру первыми и теперь как будто выросли из-под земли.

Хватка тащивших Тима сталкеров немного ослабла. Они опустили его на землю, позволив сесть.

Оказывается, в небольшой воронке, которую Макс и Монгол использовали в качестве временного укрытия, лежал раненый сталкер.

– Снимай все металлическое! – рявкнул Захар, встряхнув Тима за плечо.

Тот сжался, но новый рывок заставил его подняться на ноги.

– Делай что говорят, если жить хочешь!

– Зачем? – Вернувшийся ужас вновь заставил Тима сопротивляться. – Камеру не трогайте, уроды!

– Хочешь, чтобы ее вплавило тебе в башку? – Слабая усмешка

тронула губы Максима. – Будет передавать картинку прямо в мозг.

Тим обмяк.

– Серьезно? – выдавил он.

– Я похож на шутника? Хочешь – забирай все барахло, посмотрим, что с ним сделает Узел.

Тим начал поспешно сдирать с себя оставшиеся элементы экипировки.

– Видел я сталкеров, нафаршированных металлом. – Макс говорил тихо и беззлобно. – Некоторые из них даже выжили.

Тим снял плотно облегающую лоб жесткую ленту, в которой были смонтированы три видеозаписывающих устройства.

– Заверни в куртку и завяжи. Может, и уцелеет.

– Отпустите меня!

– Нет, – отрезал Макс. – Назад в одиночку не выберешься. А бросать тебя, брать грех на душу, не хочу.

– А тащить меня в аномальные пространства – это нормально?

– Ты уже в аномальном пространстве. Так что заткнись.

Оставшись в легком, не защищающем от пронзительного ветра комбинезоне, Тим почувствовал себя практически голым.

«Что же мне делать?»

Тиски, сжимающие разум, крошили прошлое, он внезапно понял, что сейчас, через несколько секунд для него все закончится, и дороги назад уже действительно не будет. Никогда.

Он дико закричал, рванулся, но на пути неожиданно возник Монгол.

Ствол автомата уперся в грудь Тиму.

– Не торопись умирать, – произнес сталкер. – Страшнее, чем сейчас, уже не будет.

Тим не верил ему, но бежать действительно было некуда. Они находились на дне огромной впадины, образовавшейся тут в результате постоянных выбросов энергии при пульсациях загадочного Узла.

Он медленно попятился, озираясь по сторонам, словно только сейчас начал воспринимать окружающее не обрывочными фрагментами, а в целом.

Куда ни глянь, повсюду пологие скаты исполинского углубления. По гребню протянулись линии укреплений, когда-то здесь проходил передовой рубеж обороны изоляционных сил, пока военные наконец не поняли, что удерживать периметр зоны тамбура, словно линию фронта, – бессмысленно, да и невозможно.

– Готовы?

Тим обернулся.

С Гонты содрали бронекостюм, он остался лежать бледный, окровавленный.

В следующий миг Макс произвел какие-то манипуляции с непонятным устройством, и реальность исчезла!

Тим запомнил лишь внезапный всплеск зеленоватого холодного пламени и…

Он упал, но не почувствовал удара о землю.

Воздух загустел, стал вязким, он пытался вдохнуть, ощущая лишь боль в груди да судорожные спазмы. Перед глазами поплыли оранжевые круги, ужас вновь сжал горло, но чьи-то руки несколько раз с силой нажали на грудную клетку, он выгнулся и… вдохнул.

Тим никогда не переживал ничего подобного. Переходы между жизнью и смертью, между полным отчаянием и внезапным возвращением надежды были столь стремительны, что разум не успевал реагировать на события, все проходило на уровне мгновенных ощущений – от ледяного ужаса до обжигающего драйва, – я дышу, я выжил, я чувствую боль, я…

Он судорожно вдохнул, и вдруг в сознание прорвались звуки: кто-то дико кричал, захлебываясь болью.

Еще плохо соображая, где он и что происходит, Тим попытался вскочить, но тут же рухнул на четвереньки, затравленно глядя по сторонам.

Серый свет изливался с небес.

Мутный вихрь вращался неподалеку, но реальность Соснового Бора исчезла, в зоне тамбура возвышались монументальные постройки старинной атомной станции!

Пустошь!

Мысль обдала жаром.

Он кое-как сел. Новые ощущения навалились со всех сторон. Земля зияла огнедышащими разломами, слабый ветер поднимал поземку из пепла, изрезанная оврагами местность изобиловала многотонными обломками различных строений, видимо, принесенных сюда пульсациями. Корпуса старых энергоблоков казались чем-то нерушимым, неподвластным ни времени, ни энергиям загадочного Узла, – серыми угрюмыми глыбами они царили над местностью, металлорастения, цепляясь за выбоины в бетоне, карабкались по ним, сплетаясь в причудливые, ажурные, ртутно поблескивающие формы.

Истошный крик сменился глухими стонами.

Тим с трудом поднялся на ноги и вдруг увидел в нескольких метрах от себя Макса и Монгола, склонившихся над бьющимся в конвульсиях

сталкером.

– Что с ним? – сдавленно спросил Тим.

Макс явно проводил какое-то воздействие и не отреагировал на вопрос, а Монгол обернулся и скупо ответил:

– Он солгал. Сказал нам, что является сталкером. На самом деле его импланты были лишь внешними устройствами. Узел всё поставил на свои места.

Тим подошел ближе, взглянул на незнакомого сталкера и инстинктивно отшатнулся, – его одежда дымилась, на виске расползлось асимметричное пятно ожога, в центре которого виднелся оплавленный имплант – внешнее устройство, подключаемое временно, через тонкие контакты.

Только теперь Тим понял, зачем Макс заставил его снять экипировку, убрать все металлические предметы и устройства, оснащенные микрочипами.

– Так он – не сталкер?

Монгол лишь пожал плечами.

– Он утверждал обратное.

Макс тем временем завершил воздействие, выпрямился, хмуро взглянул в сторону Тима и произнес:

– Всякая ложь имеет цену. Ему повезло. Через пару дней встанет на ноги. Узел сделал Гонту сталкером. Теперь его импланты – не подделка. И не надо так на меня смотреть. Это там у вас, во Внешнем Мире, можно всю жизнь прятаться под маской, скрывать свою сущность. Здесь все иначе. Скоро сам поймешь.

Тим приумолк.

«А что же станет со мной? – мучительно думал он. – Как же я?»

Макс указал своим бойцам на тело Гонты.

– Понесете его.

Те подчинились молча и безропотно.

– А куда мы? – забеспокоился Тим.

– Скоро узнаешь. Сейчас вездеход подойдет, с ветерком прокатимся, – зловеще пообещал Макс.

* * *

Мрачные просторы Пустоши заливал неяркий красноватый свет, сочащийся из разломов земной коры.

Здесь повсюду царила архитектура техноса. Исполинские металлорастения, вздымающиеся на высоту пятидесяти метров, образовали

сложные структуры. Ученые всего мира до сих пор изучали феномен возникновения возведенных скоргами исполинских построек, сталкеры же попросту использовали заброшенную, сильно пострадавшую структуру механических муравейников, не задаваясь вопросами тайн ее формирования.

Наиболее крупными сооружениями техноса являлись засеки и городища скоргов.

Исполинские постройки возникли в отчужденном пространстве Пустоши спустя пять лет после Катастрофы. В течение нескольких месяцев эволюционировавшие скорги создали поистине неприступные цитадели, окруженные сложной сетью подземных коммуникаций. На поверхности городища, как правило, опоясывали три кольцевые стены, в центре каждого возвышалась пирамидальная постройка, похожая на термитник.

Ракетно-бомбовый удар, нанесенный по Пустоши, Большая Зачистка и последовавший примерно в тот же период конфликт между различными ветвями эволюционировавшего техноса причинили значительный урон засекам и городищам – следы титанических битв виднелись повсюду: заброшенные постройки щерились огромными пробоинами, их структура, созданная из сложнейшего плетения металлических растений, омертвела, покрылась коростой окалины, носила следы высоких температур и плавления.

Куда подевалось большинство механоидов, почему стремительно размножавшиеся колонии скоргов покинули созданные ими сооружения после титанических, взаимоуничтожающих битв, до сих пор оставалось загадкой.

Пустошь по-прежнему оставалась самым коварным, враждебным из всех отчужденных пространств Пятизонья. Обилие аномальных энергетических полей вело к буйному росту металлической растительности, здесь встречались все известные типы механических созданий, ведущие постоянную эволюционную борьбу друг с другом, сложный рельеф, изобилующий огнедышащими разломами земной коры, сотни различных ловушек, создаваемых «оседлыми» колониями скоргов, – все это серьезно осложняло жизнь сталкерам. Среди сборщиков артефактов, охотников за механоидами, вольных старателей, промышляющих добычей Н-капсул, ходила лаконичная поговорка, точно характеризующая Пустошь: «Один к десяти». Километр, пройденный тут, можно смело умножать на десять, как по пройденному в действительности расстоянию, так и по количеству опасностей, встреченных на пути.

Но риск того стоил. Большинство самых ценных и загадочных

техноартефактов добывалось именно тут.

* * *

Истекающее дымами, клубящееся ядовитым пепельным туманом, покрытое огнедышащими разломами и коническими, извергающими лаву сопками пространство Пустоши хранило множество тайн.

– Руку давай!

Фигура в бронескафандре высшей защиты показалась над краем одного из тектонических разломов.

Вид сталкера внушал ужас. Казалось, что он побывал в преисподней. Боевая броня, покрытая окалиной, утратила герметичность, местами ее поверхность блестела язвами диких колоний скоргов, внедрившихся в тугоплавкие пластины, гермошлем был похож на помятое, побывавшее в пламени костра ведро, полупрозрачная лицевая пластина змеилась паутиной трещин, перчатки обгорели.

Протянув руку, он помог вскарабкаться наверх еще одному сталкеру, вместе им удалось поднять из глубин тектонического разлома три тела, в такой же оплавленной, покоробленной экипировке.

– Шелест…

– Да? – Сталкер, первым выбравшийся из разлома, присел на корточки подле неспособного самостоятельно двигаться товарища, дрожащими от перенапряжения пальцами стер сажу с забрала его гермошлема, взглянул на обожженное излучением, распухшее лицо.

Потрескавшиеся губы несчастного слабо шевельнулись.

– Шелест… Ты нас вытащишь?..

– Обещаю. – Сталкер отвел взгляд от изуродованного ожогами лица, затем обернулся.

Неподалеку возвышалась исполинская постройка техноса. Брошенное городище скоргов утратило былую симметрию, часть защитных стен, окружавших центр покинутого механического муравейника, оплыла, а местами растеклась озерцами давно застывшего металла. Следы применения мощного энергетического оружия виднелись повсюду, неподалеку высились завалы металлических деревьев, подрезанных лазерными разрядами, а затем сметенных ударными волнами титанических взрывов.

Языки пепельного тумана ползли по ложбинам среди огнедышащих конических сопок.

Легкое покалывание и изредка возникающие в воздухе искажения, сопровождаемые зеленоватым мерцанием, свидетельствовали о близости

энергетического поля, группа «адских косильщиков» шумно возилась в металлическом буреломе.

Истощенное «Сердце зверя» постепенно заряжалось, покалывание усилилось, да и дурнота, вызванная предельным напряжением жизненных сил, постепенно отпускала рассудок.

Один за другим включались импланты, последним заработал расширитель сознания, объединивший информацию от различных вживленных датчиков, и Шелест смог рассмотреть брошенное городище в подробностях.

Пустошь не зря получила такое название. Еще до Катастрофы эти земли были пустынны, а после формирования отчужденных пространств главной проблемой данной местности стало практически полное отсутствие нормальных укрытий. Если другие аномальные зоны изобиловали руинами и подземельями, то тут лишь монументальные энергоблоки древней атомной станции да фрагменты зданий, занесенные в Пустошь первой пульсацией, могли дать приют изможденному путнику.

Чуть позже предприимчивые дельцы создали у границы Барьера знаменитый сталкерский рынок, получивший название «Обочина».

«Нет, туда не дойти», – подумал Шелест.

Вариантов немного. Сталкер придирчиво сканировал брошенное городище, чувствуя, как в душе просыпается надежда.

Постройку техноса явно облюбовали люди. Внимание Шелеста привлек мигающий огонек сварочного аппарата, импланты, взяв увеличение, показали, что несколько человек восстанавливают расплавленное ограждение, вырезая секции из других, наименее пострадавших частей исполинского сооружения.

– Похоже, нам повезло, Драйв. Я узнаю это место.

Его напарник нахмурился, молча рассматривая городище.

– Ты бывал тут?

– Да.

– Шелест, ты внимательнее взгляни, кто там обитает! Они на сталтехов похожи… – неуверенно произнес Драйв.

– Верно, подметил, – кивком согласился Шелест. – Это люди Макса.

– Полусталтехи? – Драйв поежился. – Нет, давай другие варианты искать. Тут здание Трущоб недалеко. Митрофан за горсть Н-капсул в помощи не откажет.

Шелест отрицательно покачал головой. С его гермошлема от слабого движения посыпалась окалина, потрескавшийся уплотнитель соединительного шейного кольца начал выкрашиваться.

– Митрофан нам комнату выделит, не больше. А что с ними делать? – Он молча указал на неподвижные тела.

– Можно подумать, Макс нам поможет!

– Поможет. Я с ним договорюсь.

– Да ладно. – Драйв безнадежно махнул рукой. – Он тебя и слушать не станет. Всем известно, крыша у Макса набекрень, после того, что с ним Хистеровские мнемотехники сотворили.

– Ты здесь оставайся, а я пойду. Нам все равно их не дотащить до городища. – Шелест взглянул на наиболее пострадавших бойцов его немногочисленной группы. – Вернусь с помощью, – пообещал он.

– А если не вернешься?

– Тогда сам решай, что делать. – Шелест хлопнул его по плечу. – Но я вернусь, – повторил он.

* * *

Процесс реконструкции в городище скоргов шел полным ходом. Внутри периметра стен огромной постройки трудилось около сотни сталкеров, причем далеко не все из бойцов Макса, вопреки слухам, были серьезно поражены скоргами.

Шелеста окликнули издалека.

– Сталкер!

Он остановился, задействовал мью-фон, передавая данные для идентификации.

– Ну и? – спустя некоторое время озадаченно осведомился караульный. – Чего приперся?

– Помощь нужна. Максу доложи!

– Его нет.

– Свяжись.

– Ага. Макса по всяким пустякам беспокоить. Иди своей дорогой. Помню я тебя… Столько мороки потом было…

– Тем более что помнишь! – повысил голос Шелест. – Учти, Макс, когда узнает, что ты меня не впустил, явно не обрадуется.

– Сказал – проваливай. Многие тут угрожать пробовали!

– Ладно. – Шелест демонстративно развернулся. – Как говорят, вольному – воля, а спасенному – рай.

– Слушай, ты, пугало обгорелое! Будешь нарываться, пристрелю!

– Ну, дело твое. У меня и оружия-то нет. А Макс тебе точно голову свернет!

Уверенный тон невооруженного сталкера сбил караульного с толку, но

не надолго. Пауза затянулась всего на несколько секунд.

– Слушай, проваливай отсюда! Макса действительно нет в городище…

Шелест уходить не собирался. Однако аргументов, способных убедить охранника, у него не было. Кроме самого Макса, он тут практически никого не знал. А без реальной помощи трое его товарищей погибнут.

– Послушай… – начал было он, но караульный отвлекся. Шелест невольно проследил за его взглядом и вдруг заметил бронированный армейский вездеход, который быстро приближался к городищу, следуя по одной из дорог, проложенных техносом на высоте сплетения крон металлических деревьев.

Такого способа передвижения Шелесту еще не приходилось наблюдать. Дороги техноса, проходящие на большой высоте, считались очень опасными, и использовать их решались немногие.

Тем временем вездеход съехал к основанию стен городища по сплетенному из металлических ветвей пандусу и притормозил перед воротами.

Караульный побледнел.

Шелест мгновенно воспрял духом. Мимика охранника и изменившийся цвет его лица ясно давали понять: прибыл кто-то важный. Но кто, если не Макс?!

Больше не раздумывая, он бросился наперерез вездеходу.

Машина резко притормозила.

Откинулся люк.

– Ты что, очумел? Куда под колеса кидаешься?!

– Макс! – Сталкер с трудом снял обгоревший и помятый боевой шлем.

– Шелест? Вот так встреча!

– Макс, мне нужна помощь! Срочно! Трое сталкеров из моей группы умирают! Тут недалеко! Я тебе потом все объясню, клянусь!

– Ладно. – Максим быстро принимал решения. Он что-то передал по М-связи, и через пару минут вездеход уже окружили сталкеры. Первым делом из десантного отсека аккуратно извлекли бессознательное тело, затем люди Макса подхватили под руки какого-то перепуганного до смерти пацана, следом из люка показался… Монгол!

– Привет, Шелест, – обронил он, даже не удивившись неожиданной встрече. – Извини, устал смертельно.

– Так, Захар, знакомься, – перебил его Макс, – это Олег Сафронов. Позывной «Шелест». Берешь его на борт и рулишь, куда он скажет. Нужно забрать раненых сталкеров из его группы и доставить в городище. Всё,

действуй!

Шелест хотел поблагодарить Максима, но тот только покачал головой: извини, нет сейчас времени на разговоры. Всё потом.

– Ну что, поехали? – раздался зычный голос Захара.

Шелест полез в кабину.

Все же есть в пространствах нормальные мужики. Не то что этот жлоб на воротах.

Пустошь. Бывшее городище скоргов.

Вечер того же дня

– Макс! Нужно поговорить!

Максим остановился, не узнав голос, и только увидев сталкера, спешившего к нему со стороны жилой части комплекса, понял: поговорить действительно придется.

– Привет, – не очень-то приветливо буркнул он, пожимая протянутую руку. – Значит, ты снова здесь на мою голову? – Было непонятно, это мрачноватая шутка или проявление недовольства. По лицу Макса не угадаешь. – Как твои люди?

– Все в порядке, спасибо. Их эвакуировали. Макс, ты… я никогда не забуду…

– Олег, ты сам едва на ногах стоишь. Шел бы отдохнул. Мне, конечно, любопытно, куда тебя в очередной раз угораздило, но…

– А ты действительно не рад меня видеть? – перебил его Шелест.

– Мне не по душе опыты со скоргами, – нахмурился Макс. – Неужели в лабораториях Ордена условия хуже?

– Нет. Условия лучше. Но полевые исследования тоже необходимы!

– Олег, в прошлый раз ты разбудил сонмище наномашин! Нам пришлось изолировать часть городища и изрядно попотеть, стабилизируя их!

– Ну, Макс, ты же понимаешь, от ошибок никто не застрахован! А от подобных исследований зависит наше будущее!

– Нет, Олег. Будущее уже предопределено.

– Ошибаешься! – в запале ответил Шелест.

– Вот заладил. Ладно. О чем хотел поговорить?

– Я спускался вниз.

– В тоннели техноса? – Максим был удивлен, но не самим фактом предпринятой экспедиции, а личным участием в ней Шелеста.

– Да. Поверь, риск был оправдан, хоть моя группа и не достигла поставленной цели. И мне действительно нужно с тобой серьезно

поговорить. Есть деловое предложение, по твоему профилю.

– Пойдем ко мне. – Макс жестом прервал его, указывая на один из тоннелей, ведущих в глубь постройки скоргов.

Личные апартаменты Максима состояли из трех помещений. Ранее они были изолированы друг от друга, но сталкеры, обжившие покинутое техносом городище, прорезали сплетенные из металлокустарников стены, проделав в них два арочных прохода, в данный момент завешенные полотнищами плотной ткани.

Обстановка в жилище Макса была спартанской, хотя он мог позволить себе любую мыслимую в условиях отчужденных пространств роскошь. Исключение составляли лишь стол и несколько кресел, да и те были принесены из руин – обивка поистерлась, на пластике, имитирующем фактуру дерева, виднелись следы воздействия высокой температуры.

– Присаживайся. – Макс подошел к стене, и ее участок внезапно всколыхнулся, автоны раздались в стороны, открывая неглубокую нишу.

– Поражаюсь твоим способностям, – не удержался Олег. – Так быстро и ловко воздействовать на металлорастения не удается никому.

Макс промолчал, доставая из импровизированного «бара» пластиковую бутылку и два бокала.

– Выпьешь?

– Не откажусь. – Олег уселся в кресло, закинул ногу на ногу. – Трудный выдался денек?

– Да не из легких. – Максим сел напротив, исподлобья взглянул на Олега. – Что-то мне подсказывает: ты провалил какое-то важное исследование?

– Провалил…

– И решил: Макс мне поможет? Отличная идея. – Он налил себе и Шелесту. – Мне делать больше нечего?

Олег взял бокал, сделал маленький глоток, удивленно посмотрел на Макса.

– Это… вода?

– Да. – Максим с усмешкой взглянул на него. – Я научился ценить простые вещи. Давай к делу.

– Конечно, конечно. Я сейчас все тебе объясню!

– Ну, попробуй. Только не забывай, я не ученый. Никогда им не был и не собираюсь становиться.

– Помню. Но мы все – заложники отчужденных пространств. И происходящее касается каждого, напрямую.

– А что такого особенного происходит?

Шелест тяжело вздохнул. Иногда Максим становился упрямым и невыносимым. Он обладал уникальными способностями, но откровенно не хотел ничего слышать о явлениях, которые (как он считал) находятся за гранью человеческого понимания.

– Война техноса, эпидемия, поразившая сталкеров, атака морботов на отчужденные пространства – это, по-твоему, не повод задуматься?

– Я реалист. Когда идет дождь и негде от него укрыться, знание школьного природоведения мне не помогает, – усмехнулся Макс. – Лучше скажи, что ты такого накопал, если Орден решил приостановить исследования? Хантеру не понравилась твоя теория происхождения скоргов?

– Это не теория, – насупился Олег. – Я работал с наномашинными комплексами еще до Катастрофы и отлично понимаю, что стало основой современного техноса!

Макс хмуро посмотрел на него.

– Но ты не успокоился? Решил копать шире и глубже?

Шелест кивнул.

– Существует проблема, на которую попросту закрыли глаза.

– Эволюция техноса?

– Нет. Саморазвитие скоргов объяснимо. Непонятна причина перехода наших наномашинных комплексов на принципиально иной источник энергии, неизвестный современной науке.

– Ты имеешь в виду аномальную энергию Узла?

– Да. Мы нашли объяснение возникновению энергополей – их источниками являются множественные вкрапления в земную кору неизвестного нам элемента, но так и не дали ответа на вопрос: создан он искусственно или является естественным продуктом эволюции вещества?

– И ты решил выяснить природу его происхождения? Что это даст? Свободу сталкерам? Возможность выйти за границы Барьеров? Вернуться во Внешний Мир? – Макс зло посмотрел на Олега и внезапно добавил: – Ты в своем уме? Во-первых, уже была одна попытка добраться до скоргиума. Завершилась она печально – наемники корпораций погибли все до одного от неизвестной формы облучения. Им не удалось поднять на поверхность ни грамма таинственного вещества.

– Поэтому я спускался в недра проложенных техносом тоннелей. Необходимо достать образец скоргиума либо исследовать источник формирования энергополей в «естественных» условиях.

– С ума сошел? – рассмеялся Макс. – Даже мне известно, что давление и температура в местах вкраплений очень высоки. С таким же

успехом ты можешь попробовать спуститься в недра вулкана. Там у тебя будет больше шансов выжить, поверь.

– Максим, я ведь не зря пришел именно к тебе. Ты способен управлять механоидами. Только не отпирайся, я знаю наверняка.

– Ну, допустим.

– Что, если послать вниз сталтеха? Старого, который уже на сто процентов состоит из скоргов. Наномашины выдержат и температуру, и давление, в конце концов тоннели, ведущие к источникам формирования энергополей, проложены механоидами!

– Кто еще знает о твоих замыслах?

– Я не самоубийца, Макс. Обладать знанием об источниках аномальной энергии мечтают многие. Это тайна из разряда тех, что способны превратить Землю в огромную Пустошь, населенную исчадиями техноса.

– Может, поэтому никто и не пытается шагнуть за черту? – проницательно предположил Максим. – Я не ученый, – вновь повторил он. – Но опыт выживания приобрел достаточный. Некоторые знания нам недоступны и… пусть все остается по-прежнему.

– Ты не прав.

– Почему?

– Я не собираюсь открывать кому-либо результаты исследования. В курсе моих изысканий только командор Хантер. Важно знать – случайно ли возникновение энергополей? Синтезирован ли скоргиум искусственно или он появился в результате естественных процессов?

– Я не понимаю тебя! По большому счету не все ли равно?

– Нет, Макс. Работая с наномашинами еще до Катастрофы, я хорошо изучил их. Наномеханизмы не возникли сами по себе. Их тщательно проектировали, придавая определенные свойства. Они способны использовать тепловую, солнечную, биохимическую и электрическую энергии, но ни одно наноустройство или программа построения колонии наномашин не предусматривала питания от неизвестного науке источника!

– К чему ты клонишь? Выражайся яснее.

– Мы до сих пор не знаем, куда именно ведут гипертоннели, образующие пространственно-временной Узел. На мой взгляд, существует два возможных сценария развития событий. Первый – наши наномашины после Катастрофы были выброшены в некую область пространства, где время течет иначе, а традиционные источники энергии недоступны.

– Абсолютная пустота, мрак и сгусток скоргиума? – интуитивно предположил Макс.

– Да! Возможно, этот «сгусток» является звездой, прошедшей все стадии эволюции, но избежавшей коллапса, не превратившейся в черную дыру. При условии, что время в предполагаемом пространстве течет иначе, наномашины, используя функцию самоподдержания, могли приспособиться к использованию нового источника энергии. Понимаешь?

– С трудом.

– Представь себе иное пространство. Там проходят миллионы лет, для нас, допустим, – несколько минут. Пространство, пронизанное энергополями, источником которых является погасшая звезда, состоящая из скоргиума! Наномашины, вырванные пульсацией из нашего пространства, миллионы лет дрейфуют в энергополях и в силу адаптивности постепенно приспосабливаются к использованию нового источника энергии, видоизменяются, а затем, при следующей пульсации, какая-то их часть вновь попадает на Землю. Причиной пульсаций Узла может быть нестабильность звезды, отсюда – выброс скоргиума и его вкрапление в земную кору!

– То есть катастрофы в ином измерении происходят с интервалом в миллионы лет?

– За меньший срок наши наномашинные комплексы не претерпели бы столь значительной технической мутации, такой, как переход на принципиально новый источник энергии, ставший для них основным. Да, Макс, в каком-то из пространств Узла проходят миллионы лет, для нас – недели или месяцы. Это звучит достаточно фантастично, но поверь, такое объяснение является предпочтительным, я бы сказал, наименьшим из зол.

– Что же тогда ты считаешь бо́льшим злом?

– Искусственное создание скоргиума и процесс перепрограммирования наших нанороботов, – ответил Шелест.

Макс задумался.

– Не понимаю, кому и зачем потребовалось превращать наномашины в скоргов? А уж тем более переводить их на новый тип энергии? Где смысл? Зачем кому-то преодолевать такие трудности?

– На самом деле смысл есть. Ты правильно заметил: взять чужие наномашины и трансформировать их очень сложно. Но повторю: мы понятия не имеем, сколько пространств объединяет Узел. Пять зон отчуждения, возникших на Земле, и связующие их гипертоннели – это лишь малая часть пространственно-временной аномалии. Подумай, Макс, а что, если наши наномашины попали на планету с технически развитой цивилизацией?!

– Ну и?

– Хорошо, представь обратное. Вообрази, что в наш мир попадают наномашины, созданные иным разумом. Они начинают действовать, реализуя непонятные нам программы, трансформируя нашу технику, невольно провоцируя техногенные катастрофы. Предсказать дальнейшее нетрудно. Мы бы изучали источник «зла», боролись бы с чуждыми наномеханизмами, а при малейшей возможности попытались использовать их в своих целях, например для детальной разведки пространства, откуда они появились, верно?

Макс кивнул, вынужденно соглашаясь.

– Допустим, на планете, куда попали наши нанороботы, энергетика построена на основе использования скоргиума. Изучая вторгшиеся в их мир наномашины, гипотетическая цивилизация адаптирует наномашинные комплексы под свои источники питания и, добившись определенных успехов, транспортирует перепрограммированных нанороботов через пространство Узла.

– С какой целью?

– Изучить нас, нашу технику. Возможно, дабы использовать скоргов в качестве ударной силы для последующей колонизации Земли.

– Фантастика! – фыркнул Макс. – Как по мне, то вариант со звездой и миллионолетней эволюцией наномашин более реален.

– Я лишь выдвигаю предположения. Только исследование источника формирования энергополей даст ответ на вопрос: каким образом из исходных штаммов наномашин возникли скорги, использующие энергию Узла для функционирования и воспроизводства?

Макс усмехнулся.

– Умеешь ты создавать проблемы, Олег. Почему тебе не задействовать мнемотехников Ордена, раз уж командор Хантер в курсе твоих изысканий? Приор Глеб наверняка поддержит подобное исследование.

– Ты ничего не понимаешь, Макс! Безусловно, исследователи Ордена заинтересованы в разгадке тайны скоргиума, но после Большой Зачистки, войны с техносом, эпидемии группировка практически обескровлена. Я говорил с Хантером, он просил подождать либо действовать своими силами. Сейчас нет достаточного количества бойцов и мнемотехников для проведения столь сложной операции на вражеской территории.

– Чем дальше, тем интереснее. Ты продолжай, я слушаю. И заодно поясни, почему вдруг Пустошь стала для Ордена «вражеской территорией»? Уж не из-за моей ли строящейся базы?

– Пустошь здесь ни при чем. Я полез в тоннели техноса от безысходности. На самом деле наиболее доступное для исследования

вкрапление находится в Новосибирской зоне отчужденных пространств! Мне тут удалось раздобыть очень интересные данные одного секретного спутникового сканирования! – Шелест задействовал мью-фон, и в воздухе сформировалось трехмерное изображение. – Вот тут, – он указал приблизительную точку, расположенную в нескольких километрах от зоны тамбура, – по данным спутникового сканирования, залежи скоргиума расположены на глубине всего ста пятидесяти метров!

Макс внимательно изучил карту.

– Окрестности Академгородка?

– Да. Неисследованная часть бункерной зоны. Чуть глубже в центре сети тектонических трещин – вкрапление скоргиума.

– Шелест, ты, видимо, спятил. Неисследованные бункера – места совершенно гиблые. Схемы подземелий никто не знает. Сплошная аномалия, можешь поверить моей интуиции. Подступы контролируют боевики Ковчега, кроме того, там сейчас полно всякого сброда, – сам ведь знаешь, как только контроль группировок над территориями ослабел, в отчужденные пространства начали проникать группы неимплантированных сталкеров. В основном они работают на корпорации.

– Я знаю, Макс. Именно поэтому и обратился к тебе. Вряд ли кому-то еще под силу проникнуть в недра разрушенных бункерных зон.

– Не понимаю, с какой стати я должен идти на такой риск? У меня нет мотивации.

– Есть, – упрямо заявил Шелест.

– Ну, слушаю, – нахмурился Макс.

– Хистер. Разве ты не поклялся ему отомстить?

– Не вижу связи.

– А ты на карту взгляни. Подземелья, которые соединяются с тектоническими трещинами, построены еще в прошлом веке. Через эти заброшенные коммуникации можно добраться до действующих бункеров Академгородка. Вот тут, – палец Шелеста прочертил прямую линию, – по моим сведениям, располагается древний железнодорожный тоннель, ведущий в самое сердце ковчеговских укреплений.

– Странно все это. Почему я ничего не знаю о тоннеле?

– Эти данные получены недавно и строго засекречены военными. А егеря – парни дисциплинированные. Они о структуре бункеров не болтают. Хотя кое-какие сведения получить удалось. В подземельях полно механической нежити. Там сплошное энергополе. Боевики Ковчега пытались проникнуть в древние коммуникации, но безуспешно.

– От кого информация?

– От осведомителя, работающего на Орден.

Макс долго изучал схему.

– Значит, из подземелий открывается дорога в логово Хистера?

– Да. Тоннель лишь частично завален, это видно по данным сканирования.

– Проклятье… – Макс глубоко задумался. – Умеешь ты создавать проблемы, умеешь…

– Я тебя заинтересовал?

– Вроде как. Мне нужно подумать. – Взгляд Макса потемнел.

Шелест не ошибся – месть являлась мощным стимулом. Может, Максу и наплевать на научные открытия, а вот возможность схватить за глотку Генриха Хистера, по чьей милости он едва не превратился в сталтеха, – это серьезно.

– Ступай, Олег. Поговорим завтра.

* * *

Шелест ушел.

Тьма сгущалась над отчужденным пространством Пустоши.

В районе древней атомной станции блуждали сполохи бледного призрачного света. Металлические растения тянулись к свинцовым небесам, изредка на фоне облаков мелькали быстрые тени – это захваченные техносом боевые вертолеты устремлялись к доступным только им энергополям, где располагались их лежбища.

Монгол, направлявшийся в зону тамбура, проводил взглядом скользящие в небе тени зловещих механических существ.

Он спешил в Цитадель Ордена.

…

Макс, сняв одежду, сел на край кровати, ощущая свинцовую усталость после перенасыщенного событиями дня.

Его мускулистое тело, изуродованное пятнами серебристой проказы, выглядело по-настоящему *страшно* – зародыш сталтеха, разрастаясь изнутри, успел пробиться к кожным покровам, но… ко всему можно привыкнуть. Максим уже не вздрагивал, видя свое отражение в ртутно-зеркальной стене.

«Ложиться спать или нет?»

На протяжении последнего года время от времени ему снился один и тот же, донельзя странный сон. Он уже порядком измучился, переживая в сновидениях одни и те же события, произошедшие *не с ним.*

Усталость все же взяла свое, он лег, почти мгновенно проваливаясь в

забытье, а когда почувствовал, что его сознание вновь потянуло в бездонный черный водоворот, сопротивление уже стало невозможным – его рассудок трансформировался, и на какое-то время Макс лишился возможности управлять собственными мыслями…

…Вечером ничто не предвещало грозы.

Сентябрьское солнце клонилось к закату. Стояли чудные дни бабьего лета, дачный поселок опустел, кроны деревьев кое-где подернулись желтыми и багряными подпалинами, воздух казался прозрачным и звонким, легкий ветерок шуршал опавшими, скорчившимися листьями, из-под которых пробивалась зеленая трава, на фоне лазурных небес скользили невесомые паутинки.

– Яна! Яночка, ты где? – голос бабушки прозвучал неожиданно, заставил девочку оторваться от чтения, ее взгляд еще некоторое время казался затуманенным, словно она находилась в иной реальности.

Голографический экран нанокомпа автоматически свернулся, изображение растаяло, сразу вернулись запахи и звуки реального мира: со стороны перелеска поднявшийся ветерок нес флюиды прелой листвы, где-то на дачных участках тарахтел мотоблок, на фоне прозрачных небес виднелись контуры высотных зданий мегаполиса, все ближе и ближе подбирающегося к островку не тронутой пока природы.

Старинную кованую скамейку окружали разросшиеся кусты можжевельника, создавая уютное пространство тихой полянки. Яна любила это место, помнила его с самых первых осознанных впечатлений раннего детства, – здесь реальность душного и жаркого города отступала, открывалось иное измерение, полное тревожащих юный разум образов. Научившись читать и общаться с личным нанокомпом, она все чаще искала уединения, погружаясь в удивительные миры, следуя за героями книг по тропам невероятных приключений.

Вечер медленно подкрадывался сумерками, становилось прохладно, на террасе дачного домика зажегся свет, под лампой вилась мошкара, щебет птиц перекрывал все иные звуки, пахло осенью, постепенно загорались огни окраинных зданий мегаполиса, в далекое неизбывное прошлое стремительно уносились последние минуты ее детства, но тринадцатилетняя девочка даже не подозревала о грядущем.

– Яна, уже поздно! – снова раздался голос бабушки. – Ну-ка, немедленно домой!

Девочка вздохнула, встала со скамейки, и в этот миг ударил первый, неожиданный раскат грома.

Она подняла взгляд, пытаясь найти в темнеющих небесах грозовую

тучу, и вдруг ее сердце оборвалось, замерло, в груди мгновенно возник стылый холод предчувствия какого-то страшного, непоправимого события: небеса от горизонта до горизонта превратились в зеленый мрамор, пронизанный багряными прожилками. Их вид настолько потряс Яну, что она окаменела, не в силах ни кричать, ни бежать, а со стороны города так же внезапно, необъяснимо, неожиданно брызнул ослепительно-изумрудный свет. Он вспух волдырем, рассыпался миллионом лучей, прорываясь сквозь каменные джунгли мегаполиса, а затем ударился в небеса, взламывая их ветвящимися разрядами молний.

Девочка стояла, не в силах поднять руки, закрыть лицо, уберечь глаза от ослепительного излучения, которое било вдоль улиц, сочилось между зданиями, закручивалось немыслимыми спиралями, вспыхивало и гасло…

Ей казалось, что происходящее длится вечность, но на самом деле прошло всего несколько секунд с того момента, как Яна взглянула в неузнаваемо изменившиеся небеса.

Свет неистовой вспышки пробился сквозь город.

Она видела, как одни здания вдруг начинали оплывать, терять очертания, будто восковые свечи под дуновением обжигающего ветра, другие, устояв, не изменив формы, внезапно покрывались паутиной трещин, зеленоватый свет прорывался сквозь сетку разломов, кроша участки стен, оставляя в них уродливые дыры.

Первый порыв ураганного ветра взметнул плотные клубы пыли, поднял их колоннадой наклонных шлейфов, все происходило так ненатурально, словно девочка оказалась в центре фантасмагорического голографического шоу, рисующего иллюстрации к давно предрекаемому апокалипсису, на мгновенье сквозь сковавший разум ужас прорвалась надежда, что вот сейчас все завершится, погаснет, рассеется, обернется жуткой иллюзией, но нет, ничего не завершилось, а вслед за порывами ветра, превратившими окружающий мир в сумеречную декорацию, содрогнулась земля.

Она не устояла на ногах, упала, больно ударившись о массивную скамейку, инстинктивно ухватилась за нее, поднялась, вновь взглянула в сторону города, где продолжали происходить необъяснимые явления, на этот раз еще более масштабные и катастрофические.

Неведомая сила несколько секунд перемешивала дым, пламя и пыль, поднимая высоко вверх гаснущие факелы огненных выбросов, клубы пара, тучи пепла, затем вновь ударил ослепительный свет, и воздух над городом внезапно обрел былую прозрачность, пронизанную сполохами зеленоватого сияния, а продукты неисчислимых локальных катастроф,

выброшенные вверх, образовали над мегаполисом плотный клубящийся купол.

Может ли что-то сравниться по силе потрясения с чувством беспомощности перед лицом неведомой стихии, сметающей все на своем пути?

Тринадцатилетняя девочка вцепилась в кованую скамью, крик рвался из мгновенно пересохшего горла, она по-прежнему не владела собой, оставаясь насмерть перепуганным наблюдателем.

В эти жуткие, невыносимые для юного рассудка мгновения погибало все, чему она верила, что преподавали ей в школе, возводя в ранг незыблемых физических законов.

На ее глазах земная твердь стремительно меняла свои свойства. Дачный поселок располагался на небольшой возвышенности, и Яна отчетливо видела, как небоскребы городской окраины вдруг пришли в движение: под ними вздымался пологий вал, словно земная кора превратилась в подобие размягченного пластилина. Одни здания выталкивало из земли, и они, потеряв опору, падали, разламываясь на огромные фрагменты, другие медленно погружались на десяток этажей под землю, третьи опасно кренились, но не рушились.

Еще мгновенье, и волна искажения достигла дачного поселка.

Яна не успела понять, что произошло. Окрестности вдруг озарила третья по счету вспышка, но теперь зеленоватый свет был уже не таким ярким, он казался бледным, холодным, его сполохи не прожигали здания брызжущими лучами, – свет объял все сущее, и мир, еще раз содрогнувшись, исчез…

* * *

Падал снег.

Серые пушистые хлопья кружили в мутном воздухе, падали на горячую, истекающую дымами землю и мгновенно превращались в липкую грязь.

Яна открыла глаза.

Она лежала в неудобной позе, все мышцы затекли, в спину упиралось что-то твердое, виски пульсировали болью, запястье левой руки горело, словно его ошпарили кипятком.

Вокруг, прорываясь сквозь нереальный пепельный снегопад, то и дело проступали очертания высотных зданий, немыслимо искаженных, полуразрушенных, накренившихся в разные стороны.

Она не узнавала места, где очнулась. Ее пересохшие, потрескавшиеся

губы что-то шептали в горячечном бреду, но разум девочки как будто обрел самостоятельную жизнь, она интуитивно чувствовала: произошло нечто непоправимое, и бесполезно, бессмысленно звать родных, потому что никто не откликнется.

Откуда в ее душе возникло чувство абсолютного одиночества, девочка не знала. Ей было страшно. Судорожно всхлипнув, Яна с трудом села, с ужасом глядя на изменившуюся реальность.

Очень хотелось пить. Жажда на некоторое время поглотила все ее помыслы, помогла встать, цепляясь ослабевшими руками за какие-то обломки, осмотреться, с ужасом понять, что она очутилась в абсолютно незнакомом месте, среди руин разрушенного мегаполиса.

– Пить… – прошептала Яна.

В ответ лишь заунывно подвывал ветер.

Сделав первый неуверенный шаг, она споткнулась, с трудом удержавшись на ногах, взмахнула руками, пытаясь сохранить равновесие, и вдруг заметила, что запястье левой руки, где крепился нанокомп, ртутно поблескивает.

Бессильно привалившись спиной к огрызку опаленной стены, она с дрожью подняла руку, взглянула на свое запястье и испуганно вскрикнула.

Нанокомп, внешне напоминающий луковицу старинных наручных часов с изящным браслетом, утратил форму, как будто расплавился, растекся по коже неприятно поблескивающей кляксой, въелся в плоть – Яна рефлекторно попыталась соскрести потеки металла, но ногти лишь скользили по гладкой твердой поверхности – ни снять, ни содрать…

Пить…

Ей безумно хотелось пить…

* * *

Будь на месте Яны взрослый человек, он бы просто сошел с ума, но психика ребенка адаптивна, она еще не закоснела в стереотипах и комплексах жизненного опыта, – все случившееся казалось кошмарным, но рассудок девочки уже впитал ужас произошедшего и сейчас воспринимал окружающую реальность, не отторгая ее, словно прошлую жизнь перечеркнули, выбросили из памяти, оставив лишь нервный озноб да сиюминутные потребности организма.

Яна медленно брела в узком разломе улицы среди искаженных, покосившихся высотных зданий.

Ею владела только одна мысль – вода.

Пить хотелось нестерпимо, все остальное меркло перед ощущением

жажды.

Она карабкалась по грудам битого кирпича и раскрошенного бетона, ранилась об острые, торчащие во все стороны прутья лопнувшей арматуры, задыхалась, когда порывы ветра заполняли окрестности едким дымом, но упорно брела вперед, не понимая, куда и зачем идет.

Вокруг простирался разрушенный город.

Она сотни раз представляла подобные картины, читая мрачноватые книги о будущем. Возможно, сейчас, в критический момент адаптации к необратимо изменившемуся миру, десятки прочитанных фантастических книг помогли ей не сойти с ума, разум защищался, ей казалось, что вокруг возвышаются декорации, ее воображение дорисовывало фрагменты знакомых по книгам реальностей, и окружающее становилось не таким страшным.

Что-то происходило с ее восприятием.

Как будто расплавившийся, въевшийся в кожу запястья персональный нанокомпьютер продолжал работать, но теперь его связь с хозяйкой стала более тесной. Яна уже не раз ловила себя на том, что видит некоторые предметы через стены зданий, а как только ее начинал захлестывать ужас, начинало щипать в носу, а к горлу подкатывался удушливый ком рыданий, мир вокруг внезапно терял очертания, отдалялся, словно его мгновенно скрывала пелена уплотнившегося воздуха, а настойчивый голос, воспринимаемый как второе «я», вдруг начинал успокаивать ее, нашептывая: «Ты знаешь, как выжить. Ты читала об этом».

Она остановилась.

Тринадцать лет – это много или мало?

Сколько способна выдержать девочка, потерявшая все и вдруг очнувшаяся среди руин незнакомого города?

Оглядевшись по сторонам, Яна вдруг поняла, что улица вывела ее к огромному пустырю.

Целый квартал превратился в плотно спрессованный щебень, но в центре небольшой пустоши одиноко возвышалось многоэтажное здание.

Его макушка отломилась, разрушилась и осыпалась вниз коническим холмом обломков, но странные свойства зрения, проявившиеся еще в руинах, позволили ей сконцентрировать взгляд на засыпанных этажах и различить структуру сохранившихся внутри конического холма помещений: она увидела ряды прилавков огромного гипермаркета и, судорожно вздохнув, собрала остаток сил, направляясь через пустырь к странному зданию.

Ее манила вода.

«Ты знаешь, как выжить, – настойчиво шептал внутренний голос. – Ты читала об этом».

Да, действительно, разум девочки не протестовал. Она помнила из фантастических книг и фильмов, что после катастрофы воду можно найти только на складах и в магазинах, пить из луж нельзя ни в коем случае…

Она медленно брела по пустырю, уже сознательно пользуясь внезапно обнаруженными способностями, чтобы отыскать среди конического оползня лазейку, ведущую к погребенным внутри холма этажам.

Ничего не получилось, осыпи были слишком плотными, но она тут же нашла другое решение: нужно вскарабкаться на холм, попасть на верхние этажи здания. «Оттуда я смогу спуститься вниз, в помещения огромного магазина», – думала она, в кровь обдирая ладошки об острые, угловатые бетонные глыбы.

Ее мышцы болели, рассудок находился в постоянном напряжении, но жажда была невыносимой, толкая девочку на отчаянные усилия.

Она не пыталась осмыслить пережитое, не звала на помощь, не билась в отчаянных рыданиях, все ее мысли поглощало бредовое видение – она представляла, как пьет из горлышка пластиковой бутылки, а вода течет по губам, подбородку, смывает грязь…

«Я выживу.

Меня найдут спасатели. Так всегда бывает в книгах и фильмах. Нужно только продержаться до их прихода».

Она карабкалась все выше, не замечая, как ветер принес поземку из мельчайшей серебристой пыли, ее путь освещали зловещие сполохи зеленоватого мерцания, крошечные металлизированные частицы попадали в ее организм с каждым вдохом, на не защищенных одеждой участках кожи появилось несколько серебристых пятнышек, но мысли Яны были заняты другим.

Она верила, нужно только добраться до воды – и тогда все разрешится само собой. Ее найдут, заберут отсюда, увезут к родителям, которые, наверное, сейчас сходят с ума от беспокойства…

Еще одно усилие, и она преодолела коварную осыпь.

Отдышавшись, Яна нашла взглядом пролом в стене, через который виднелись лифтовые шахты и полуразрушенные лестничные марши. Собрав остаток сил, она шагнула в теплую тьму здания, добралась до лестницы и начала спускаться во мрак, придерживаясь одной рукой за искаженные неведомой силой перила.

* * *

Сны обжигали.

Что-то внутри рвалось к свету, но душа и разум Макса пребывали во тьме, он оставался пленником былого невежества, непреходящей тягучей ненависти, инстинктов выживания, приобретенных уже тут. Мнемотехники Хистера изуродовали его тело, аномальные пространства научили выживать, но осталось ли в нем что-то еще?

Нет.

Он сел, скрипнув зубами.

Внутри билась глухая боль.

Сны не только обжигали, но и ранили, оставляли тревожный осадок, он машинально тянулся к пластиковой бутылке с водой, но спазм сжимал горло, и он долго не мог сделать первого глотка.

Сны или реальность?

Почему я вижу повторяющуюся историю девочки, которая едва ли сумела выжить?

Он сделал маленький глоток, едва смочив им пересохшее горло, встал, почти с ненавистью посмотрев на смятую в ком постель.

Кем я был и кем стал?

Сталкеры приходили в отчужденные пространства, влекомые духом авантюризма, надеждой испытать себя, вернуться, обязательно стать богатым и независимым.

На самом деле все происходило иначе. Единицам везло. Остальные навек оставались в границах Пятизонья, обреченные на борьбу.

Каждый вдох, каждый шаг – борьба. Альтернатива лишь смерть.

Макс подавил спазм, сделал еще глоток.

Нашла ли она воду? Выжила ли?

«А тебе не все равно?» – издевательски поинтересовался внутренний голос.

Макс часто ссорился с самим собой, и сейчас находился на волоске от срыва. Ничем хорошим внутренние прения, порожденные упорным, беспощадным, но совершено непоследовательным поиском нового жизненного пути, как правило, не оканчивались, и сейчас внезапный вызов по каналу мью-фонной связи пришел как нельзя вовремя.

– Слушаю. – Максим мысленно активировал чип, но вызывавший его абонент не удовольствовался аудиоканалом. Воздух в помещении внезапно начал сгущаться, формируя голографическую фигуру. Технология передачи объемного изображения являлась стандартной функцией модернизированных скоргами чипов военной связи, но сталкерами использовалась крайне редко, в основном из-за демаскирующих

последствий. Опытные бойцы предпочитали мысленное восприятие необходимой информации.

– Привет, Макс.

Призрачная фигура Саввы Хантера, командора Ордена Сталкеров, на миг подернулась искажением. Связь осуществлялась между разными пространствами, с использованием мощной аппаратуры Цитадели. Защищенный канал работал на плавающей частоте, исключающей прослушивание.

Макс лишь кивнул в ответ.

Внутренняя вспышка гнева еще не улеглась, и ему приходилось сдерживать себя. С личностью командора у него не было связано приятных воспоминаний. Мнемотехники Ордена спасли Максима от полного превращения в сталтеха, но должником группировки он себя не чувствовал.

Хантера такие мелочи не смущали. Голографическое изображение дополнилось креслом, он принял естественную позу и произнес:

– Монгол принес мне одну любопытную вещицу. – Савва протянул руку, и на его ладони тут же возникла голографическая копия странного двухсекционного энергоблока. – К тому же час назад я разговаривал с Шелестом. Ты обдумал его просьбу?

Макс сделал глоток воды, уселся в кресло.

– Савва, я не работаю на Орден. – Угасшая ярость вдруг вернулась, вспыхнув с прежней силой. Горечь непрожитого плескалась в душе, мешая здраво мыслить. Реалистичные, повторяющиеся сны выбивали Максима из равновесия. – Я до сих пор не знаю, благодарить или клясть Антрацита и Приора Глеба за то, что вырвали меня из лап Хистера, – зло произнес он.

– Макс, ты же не думаешь, что я, как мелкий торгаш с Обочины, стану выбивать или выклянчивать долги? Считаешь, с тобой поступили неправильно? – Савва пожал плечами. – Ступай к Хистеру, он довершит начатое. Не можешь принять решение? Так застрелись.

Макс насупился, но промолчал.

– Ты уже сделал свой выбор. Иначе к чему возня с захватом и реконструкцией городища скоргов? Не хочешь помогать Ордену? Дело твое. Но давай поговорим на тему скоргиума.

– С чего вдруг?

– Сложил два и два, – устало и совершенно беззлобно усмехнулся командор, указав взглядом на энергоблок. – Готов поделиться с тобой информацией. – Дождавшись утвердительного кивка, он продолжил: – Мнемотехники Ордена исследовали захваченное устройство. Это контейнер со встроенной энергоячейкой, предназначенной для хранения

образцов скоргиума. Улавливаешь мысль?

– Пламенный Крест взялся добыть аномальный элемент?

– Всё намного сложнее. Фанатики – расходный материал, по моему глубокому убеждению, им скоргиум ни к чему. Но секта в последнее время испытывает серьезные трудности со снабжением. Их подрядили добыть образцы аномального элемента, и они приложат все усилия, чтобы выполнить поставленную задачу. Невзирая на количество потерь и провальных попыток. Для них на кону – огромные деньги, которые Дьякону до сих пор и не снились.

– А Ордену необходимо их опередить?

– Скажем так – в наших общих интересах получить образец элемента и изучить его, чтобы новые проблемы встретить во всеоружии.

Макс презрительно скривился:

– У боевиков секты ничего не выйдет. На глубине, где залегает скоргиум, условия действительно адские. У группы Шелеста была отличная экипировка и все шансы раздобыть элемент, но они едва выбрались из тоннелей техноса. А его идея с использованием сталтеха выглядит совершенно бредовой. Я не удержу контроль при таком обилии помех.

– Есть ведь и другой вариант. – С неожиданной легкостью Хантер принял мнение Макса как вердикт. – Разве Шелест не сказал тебе, что ему удалось получить данные спутниковой разведки? Любопытные данные. В Новосибирской зоне вкрапление скоргиума залегает на глубине ста пятидесяти метров. Такая дистанция ведь не лежит за пределом твоих способностей, верно?

Макс задумался.

– Пожалуй, я бы справился. – Он поднял взгляд. – Но зачем? Зачем мне рисковать?

По изуродованному пятнами серебристой проказы лицу командора пробежала тень. Намек Макса был вполне понятен. С подавляющим большинством сталкеров договориться гораздо проще, чем с ним. Уровень изменений, которым подвергся Максим в результате вживления в его организм колоний скоргов, сформировавших «зародыш сталтеха», не предполагал даже надежды на исцеление. Для него капкан отчужденных пространств захлопнулся навсегда. И он прекрасно понимал существующее положение вещей. Максу не нужны деньги, он и ему подобные практически не нуждаются в пище, экипировку они способны *создать*, а оружие – изготовить или добыть силой. Им нет необходимости постоянно поддерживать каналы поставки из Внешнего Мира. Микроэкономика

Пятизонья для новой, только зарождающейся группировки не несет стимулов.

Макса можно лишь убедить либо заинтересовать.

– Давай начистоту. – Хантер машинальным жестом помассировал щеку, пронзенную сложным плетением серебристых нитей. – Мой уровень инфицирования скоргами достаточно серьезен, чтобы утратить надежды и иллюзии. Ты считаешь себя пленником аномальных пространств, я предпочитаю иную терминологию. Как сталкеру и коренному обитателю Пятизонья, мне небезразличны процессы, происходящие в границах Барьеров. Да, нам уже никогда не вернуть прошлое, не воскресить погибших, не исправить своих ошибок, но мы всё еще живы. Ты еще ищешь новый смысл взамен утраченного, я же его нашел.

Макс скривился.

– А есть ли смысл цепляться за такую жизнь? – невольно вырвалось у него.

– Ты затеял войну с самим собой. Проиграешь – бездарно загнешься. Примешь новый мир, найдешь и смысл. В тебе еще силен стереотип «мотылька». Выкинь иллюзии. Обратного пути действительно нет. Я бы оставил тебя в покое, позволил разобраться, набить немного шишек, поднакопить опыта, но обстоятельства не позволяют. У нас собираются отнять ту малость, что создана ценой крови многих настоящих сталкеров. Не перебивай, выслушай. Внешний Мир находится на краю пропасти. Планете реально угрожает энергетический кризис невиданных масштабов. Долгосрочные проекты в области ядерной энергетики безнадежно запаздывают, запасы углеводородов фактически исчерпаны. И в этой ситуации на отчужденные Катастрофой пространства стали смотреть иначе. Их уже не называют «раковой опухолью планеты». Годы исследований показали, что излучение скоргиума не несет вреда человеку, но способно питать механизмы. Не нужно строить огромных атомных станций, достаточно поместить капсулу со скоргиумом в основании мегаполиса, и энергополе станет питать огромный город.

– Меня не волнуют проблемы Внешнего Мира! – резко перебил его Макс. – Добыв либо синтезировав скоргиум, цивилизация подпишет себе приговор. Технос вырвется за границы Барьеров, и…

– Прежде, чем скорги оккупируют Землю, нас с тобой, как и всех других сталкеров, либо уничтожат, либо превратят в рабов.

– Пусть попробуют. – Макс хищно оскалился.

– Дело времени, – хмуро осадил его Хантер. – Ты не понимаешь, насколько высока цена вопроса. Нас сметут, когда станет понятно, что

аномальный элемент действительно может предотвратить энергетический коллапс. Тот, кто овладеет скоргиумом, научится добывать или синтезировать его, будет править миром, не больше и не меньше. Разведка Ордена уже получила данные о подготовке к созданию международного теневого синдиката. Транснациональные корпорации готовы объединить усилия, чтобы получить доступ к вкраплениям скоргиума *любой ценой*. Кроме мафиозных и корпоративных структур в организации добычи аномального элемента заинтересованы правительства всех мировых держав. Кто из них победит – для нас не важно. Повторяю – сталкеров попытаются использовать на самой опасной и грязной работе, а если мы воспротивимся, нас попросту сметут.

Выслушав Хантера, Макс озлобленно спросил:

– И где выход? Я его не вижу! Или ты решил сам заняться разработкой вкраплений?

– Это только в крайнем случае, – достаточно спокойно отреагировал Савва. – Для начала нужно хотя бы исследовать образец скоргиума, понять, возможен ли его синтез на уровне современных технологий. Если синтезировать элемент невозможно, то его попытаются добывать, что означает вторжение в наши пространства и войну на выживание. Если синтез элемента возможен, никто не станет организовывать сомнительную и рискованную добычу, а Внешний Мир попросту погибнет, станет одним огромным аномальным пространством, как только за Барьером появятся энергополя и миллиарды скоргов, таящиеся в артефактах, оживут. Мне нужен образец скоргиума, чтобы понять, как станут разворачиваться события. Придется ли нам вести борьбу с силами вторжения новоявленной транснациональной корпорации, или…

– Я не верю тебе, Хантер. – Макс встал, прошелся по комнате. – Никому не верю.

– Неудивительно, после всего, что с тобой случилось. Но Орден не причинял тебе зла. Напротив, мы помогли тебе выкарабкаться.

– Помогли. Чтобы затем использовать при удобном случае. Как сейчас, например.

– Макс, не переоценивай себя. Люди испокон веков используют друг друга. При нормальных отношениях это называется «взаимопомощь», «взаимовыручка».

Максим презрительно усмехнулся.

– Не надо продолжать, командор. А то ты дойдешь до понятий «дружбы», «любви», и я подумаю, что скорги окончательно сожрали твой мозг!

– Цинизм помогает уйти от иллюзорности мышления, – кивнул Хантер. – Но цинизм здоровый, дозированный.

– Ладно, вернемся к теме. Ты и так сказал слишком много. Что, если я наотрез откажусь? Устранишь меня?

– Ни я, ни Шелест не сказали тебе ничего конкретного. У него теория, у меня слухи и кое-какие сопоставленные между собой факты, не являющиеся тайной. Критической информацией являются точные координаты той точки, где аномальный элемент находится ближе всего к поверхности. Без географической привязки можно сколько угодно блуждать по опаснейшему лабиринту подземелий. Так что у нас по-прежнему нет повода для конфронтации. Но помни, кто бы ни попытался овладеть тайной скоргиума, они пойдут на всё и начнут изыскания с Пустоши. Тоннели, проложенные техносом, выглядят наиболее легким и доступным путем к цели.

– Там сущий ад. И неудача группы Шелеста тому подтверждение.

– Мы с тобой это знаем. Но те, кто придет за скоргиумом, будут мыслить иначе. Они погубят своих людей и задумаются: а не послать ли вниз кого-то более приспособленного, адаптированного к условиям отчужденных пространств? Например Макса, – зловеще усмехнулся Хантер.

– Угрожаешь?

– Предупреждаю.

– У твоей гипотетической корпорации ничего не выйдет. Пусть посылают сюда хоть целую армию. Я их встречу.

– Не сомневаюсь, ты некоторое время продержишься в городище скоргов. Но рано или поздно тебя сметут.

– Можно подумать, согласись я на твое предложение, что-то изменится!

– Ты обретешь друзей. Мы будем точно знать, с чем имеем дело. Твои бойцы всегда смогут отступить в Цитадель.

– Я должен все взвесить.

– Думай. И не забудь сообщить о принятом решении. – Хантер секунду помедлил, словно хотел добавить что-то еще, а затем отключился. Голографическая фигура растаяла в воздухе, оставив Максима наедине со своими далеко не светлыми мыслями.

Проклятье! От скопившейся, не нашедшей выхода ярости, внутреннего смятения он врезал кулаком в стену, поранив костяшки пальцев и оставив глубокую вмятину в плетении металлокустарников.

Глава 3

Отчужденное пространство Пустоши…

Макс не понимал причины вспыхнувшей злобы.

В его душе шла непримиримая борьба. Чувства и мысли, терзавшие его, как будто принадлежали двум совершенно разным людям. Он с тоской вспоминал тот период жизни, когда окружающий мир казался простым и понятным. Друзей у него никогда не было, даже к Антрациту, вольному мнемотехнику, с которым сошелся ближе всего, Макс никогда не испытывал по-настоящему дружеских чувств.

«Иллюзии.

Хантер прав. Я сколько мог, столько и цеплялся за призрачную надежду. Но ловушка отчужденных пространств давно захлопнулась».

Тяжелый взгляд Максима неосознанно остановился на бутылке с водой.

Сны. Тревожные, горькие, они разбудили в нем остатки человечности, сделав жизнь совершенно невыносимой.

Нет, командор. Я пойду своим путем. Ты предрекаешь войну с силами Внешнего Мира? Пусть приходят. Мы их встретим.

Еще есть время. Безумная надежда, возродившаяся со внезапным появлением Гонты, не давала покоя. Данные совпадали, тот мог изворачиваться и лгать сколько угодно, но Макс уже пришел к определенному мнению. Сталкер, которого привел Монгол, был одним из немногих, кто пережил не только саму Катастрофу пятьдесят первого года, но и ее последствия. Он нашел способ избавиться от имплантов, вычистить свой организм, вернуться во Внешний Мир. Думая об этом, Макс почему-то не задавался вопросом: а что он станет делать там, за границами Барьеров, если вдруг сумеет отыскать Светлый Тоннель и пройти по нему?

Сев, он активировал мью-фон, настроившись на местную, локальную сталкерскую сеть.

– Шелест. Зайди ко мне.

* * *

Исследователь Ордена выглядел не лучшим образом. Несмотря на оказанную помощь, ожоги на лице и руках Шелеста вздулись багровыми волдырями, его лихорадило.

– Чего звал? – Он тяжело уселся в кресло, едва шевеля распухшими

губами.

– Дело есть. – Макс задействовал импланты, оценивая состояние сталкера. Скорги Шелеста вели себя странно. Они как будто не спешили оказывать помощь травмированному организму. Возможно, их программы были нарушены под воздействием излучений, пронизывающих тоннели техноса.

– Сиди смирно. Я тебя немного подлатаю.

– Ты же не бионик.

– Откуда тебе знать? – оскалился Макс, начиная мысленное воздействие на главный метаболический имплант Шелеста.

Почти час он в напряженной тишине восстанавливал исходную конфигурацию колонии наномашин, которая действительно оказалась повреждена. Похоже, что в тоннелях техноса полно искажений, вызванных напряженностью поля аномальной энергии, возрастающей с глубиной проникновения.

Шелест находился на грани потери сознания, когда Макс завершил мнемотехническую операцию.

– Отдышись немного. Сейчас полегчает. Похоже, ты прошел сквозь искажение.

– Там их полно… – слабо отозвался сталкер.

– В следующий раз думай куда лезешь. – Макс уселся напротив. – А дело у меня такое: ты вчера упомянул, что работал с наномашинами в бункерах Академгородка.

– Да. До Катастрофы.

– Это хорошо. Мне нужна информация. Ты что-нибудь слышал о Светлом Тоннеле?

– Слышал, конечно. – Шелест поморщился от боли. – Макс, это очередная легенда.

– Я хочу его отыскать. Есть вероятность, что тоннель действительно существует.

Шелест задумался.

– У тебя появились какие-то конкретные сведения?

– Пока нет. Только догадки. Но в ближайшие сутки я получу им подтверждение от человека, который однажды побывал там.

– А от меня в таком случае что нужно?

Макс прошелся по комнате.

– Ты работал в Академгородке. Скажи, до Катастрофы существовало что-то похожее на Светлый Тоннель?

– В смысле?

– Ну, сектор бункеров, схожий по названию, или что-то в этом роде?

Шелест наморщил лоб.

– Не припомню. Бункерная зона являлась секретным объектом. Даже работая в определенном секторе, большинство из нас не поддерживало контактов с другими научными группами.

– А как же интеграция? Совместные разработки?

– Все решал уровень доступа. Конечно, взаимодействие, координация крупных проектов – все это существовало на практике. Но я имел доступ только к своей лаборатории. Свободно разгуливать по подземному городу не разрешалось. Подобных мне специалистов насчитывалось тысячи. Каждый отвечал за определенное исследование. Мы встречались на конференциях, но могли и не подозревать, что работаем бок о бок.

– Что ты думаешь о тоннеле? Я не спрашиваю – веришь ты в его существование или нет. – Макс заметно нервничал.

Шелест опять задумался.

– Рациональное зерно в легенде присутствует, – наконец ответил он. – Сотни лабораторий проводили исследования и ставили эксперименты в области нанотехнологий. Ежедневно разного рода испытаниям подвергались различные штаммы наномашин. Исследования носили прогрессивный, я бы сказал – опережающий свое время характер, риск сбоев, например, при тестовых взаимодействиях колоний наномашин с техникой или при испытаниях нанороботов в искусственно создаваемых условиях жесткой радиации, агрессивных сред, электромагнитных полей часто вели к непредсказуемым последствиям.

Макс слушал его внимательно, не перебивая.

– В рамках бункерной зоны существовал так называемый стерилизационный сектор, – продолжил Шелест. – Туда доставлялись сбойные штаммы наномашин и пораженная при взаимодействии с ними техника.

– Ты там бывал?

– Нет. Сбойные образцы забирала специальная команда, входившая в состав службы безопасности. Спецподразделение ВКС.

– То есть процедура стерилизации тебе неизвестна? – уточнил Максим.

– Нет. В каждой лаборатории имелось свое аварийное оборудование. Ну, что-то типа огнетушителя на стене, – усмехнулся Шелест. – Позже, уже после Катастрофы, первые мнемотехники широко использовали такие аварийные устройства, обуздывая скоргов, формируя первые импланты. Сталкерам они известны под названием «кодировщик» и «излучатель».

Думаю, сектор стерилизации был оснащен более мощными установками, способными остановить спорадический рост сбойной колонии нанороботов, а затем восстановить поврежденное программное обеспечение нанитов.

– Значит, Светлый Тоннель все же существует. – Во взгляде Макса вспыхнула и погасла искорка безумной надежды. – Легенды не возникают на пустом месте. Мифом, скорее всего, являются утверждения о «чистой душе». Всё намного проще. – Он говорил тихо, как бы размышляя вслух: – Устройствам стерилизации нет дела до наших помыслов. Они бездушны. Решающую роль, наверное, играет уровень имплантации?

– Думаешь, оборудование сектора функционирует до сих пор?

– Да. В автономном энергосберегающем режиме. Включается по факту появления в секторе сталкера или механоида, отрабатывает программы стерилизации и снова «засыпает» до следующего тревожного сигнала от сканеров. Если тоннель существует, то в нем нет никакой мистики!

– Вопрос: где его искать?

– Сам же сказал – в бункерной зоне бывшего Академгородка.

– В логове Ковчега?

Максим кивнул.

– Я соберу группу. Пойдешь со мной?

– У меня другая задача.

Макс лишь усмехнулся.

– Я разговаривал с командором. Предлагаю компромиссный вариант. Твой опыт работы с оборудованием может мне здорово пригодиться. Мы отыщем Светлый Тоннель, или, как ты его называешь, «стерилизационный сектор», а я помогу тебе достать образец скоргиума.

– Макс, ты надеешься вырваться? При твоем-то уровне поражения скоргами? – ужаснулся Шелест.

– Надежда всегда умирает последней, – отрезал Максим. – Пойдешь?

– Сначала скоргиум, затем тоннель? – уточнил Шелест.

– Ну, такая очередность логична.

– Согласен, – приободрился Шелест. – Вот только немедленно выйти не сможем.

– Отдыхай, – успокоил его Макс. – И закажи в Ордене все необходимое оборудование. Мне тоже потребуется время на подготовку. Да, и еще немаловажная деталь. Мне нужны точные координаты вкрапления, чтобы разработать план операции. Хантер сказал, что оно расположено в границах энергополя, захватывающего разрушенные, до сих пор не

исследованные бункерные зоны?

– Да.

– Почему же Ковчег туда не добрался? Или Хистер не интересуется скоргиумом?

– Он предпринял несколько попыток. Безрезультатно. Егеря не прошли.

– Почему?

– Огромная плотность аномалий, множество механоидов, неразведанная структура полуразрушенных тоннелей, – пожал плечами Шелест. – Я же вроде бы говорил, что они пытались прорваться в неисследованные сектора.

– Почему пытались проникнуть через подземные пути? – настаивал Макс. – Не проще ли пройти верхом и отыскать путь вниз уже над точкой вкрапления скоргиума?

– Вкрапление расположено в районе Зыбучего Холма.

– Холм Снайпера? – удивился Максим.

– Ну, кто как называет. Более точных координат я тебе пока дать не могу.

– Ладно. Консультируйся с Орденом, заказывай все необходимое. Доложишь, когда будешь готов. Советую взять Монгола в прикрытие. Я ему доверяю.

– Захочет ли?

– Захочет. Он знает, что я буду искать Светлый Тоннель. Такой шанс выпадает лишь раз, верно?

«Макс явно чего-то недоговаривает, – подумал Шелест. – Но расспрашивать его бесполезно. Главное, что согласился. В остальном – разберемся на месте».

* * *

Тяжелые, противоречивые мысли одолевали Максима.

Он прошел долгий, нелегкий путь от чуть трусоватого «мотылька», попавшего в отчужденные пространства в силу собственной глупости, до лидера зарождающейся группировки, бойцов которой опасливо именовали «полусталтехами».

Многие в отчужденных пространствах, пережив ломку ложных стереотипов, осознав, куда на самом деле попали, начинали жить одним днем.

У Макса не получалось. Он не знал, почему, но что-то глодало изнутри, он постоянно лез в самое пекло, неоправданно рисковал в поисках

того, чего не мог ни найти, ни понять.

Ускользающий смысл собственной жизни.

Многие думали, что он живет исключительно ради мести. Да. Поначалу было именно так, но постепенно это чувство утратило остроту, он начал понемногу привыкать к своему облику, да и внутренне Макс менялся с пугающей быстротой.

Раньше он редко задумывался над происходящим. Просто плыл по течению событий. Планка предела его мечтаний находилась так низко, что ее легко мог перешагнуть ребенок. Ему часто везло, и на людей и на события, пока он полностью не исчерпал терпение злонравной судьбы.

Да, он выжил, вырвался из-под контроля этого подонка Хистера, не превратился в сталтеха, но окончательно утратил себя, был помечен страхом окружающих, будто проклятием, и ему пришлось научиться выживать в одиночку, выживать там, куда не сунулся бы ни один здравомыслящий сталкер.

Больше всего он боялся и ненавидел скоргов, угнездившихся в его голове. Стабилизированная мнемотехниками Ордена колония наномашин не сумела перехватить управление рассудком, но Макс опасался использовать ее в качестве дополнительного расширителя сознания. Так продолжалось долго, до тех пор, пока однажды он не попал в такой переплет, выйти из которого живым было невозможно.

А он все-таки выжил. Выстоял в схватке с десятком исчадий техноса, практически без оружия, но за победу пришлось заплатить несоизмеримую на тот момент цену – он сознательно вступил в мысленный контакт с колонией наномашин, пронзивших сложной паутиной серебристых нитей его мозг. Макс заключил, казалось бы, временный союз, разорвать который уже не смог.

Он получил способности, предела которым пока не знал.

Именно тогда его начал преследовать один и тот же сон, в котором он становился маленькой девочкой, раз за разом переживая момент Катастрофы пятьдесят первого года.

События, ощущения, мельчайшие детали обстановки повторялись настолько точно, выглядели столь натурально, что, просыпаясь, Макс испытывал замешательство, не в состоянии ответить на простой вопрос: является ли происходящее с ним игрой разума или он действительно попадает в некую пространственно-временную аномалию, переживая реальные события?

«Почему меня так волнует судьба Яны?

Выжила ли она?»

Макс все чаще задумывался о худшем из возможных вариантов. Она явно была инфицирована скоргами. Но кто был способен помочь девочке в первые дни после Катастрофы?

«Неужели в мои сны вторгается технос?»

Самое разумное, логичное объяснение вызывало у Макса озноб и внутренний протест. Он не мог представить Яну сталтехом. Гнал прочь мысли об исчадии, случайно сохранившем фрагмент человеческих воспоминаний, транслирующем его на частотах техноса…

…В дверь постучали:

Макс отогнал тяжелые думы, вскинул голову.

– Кто там? Заходите!

Мысленное усилие заставило автоны раздаться в стороны, открывая сводчатый проем.

– Монгол! Привет, дружище! Быстро же ты вернулся!

– Хантер прислал груз. Материально-техническое обеспечение экспедиции, – усмехнувшись, пояснил Монгол. – Пять бронескафандров. Последняя разработка, созданная в Цитадели. Выдерживают температуру до тысячи градусов. Скажу тебе – экипировка стоящая, хотя, по мне, немного тяжеловата.

– Ну, присаживайся. – Макс заставил ближайшие автоны сформироваться в подобие кресла.

– Да я вообще-то по делу.

– Что случилось?

Монгол обернулся.

– Тим, заходи.

В дверях показался тот самый парень, которого Монгол спас из лап фанатиков. Макс уже успел позабыть о нем.

– Я думал, ты его отправил по каналам Ордена за Барьер.

– Неувязка вышла. – Монгол помрачнел. – Зацепило его. Поранился об автоны, еще в Сосновом Бору.

– Инфицирован?

Тим протянул правую руку, закатал рукав потрепанной одежды. На коже чуть ниже локтя серебрились два пятна неправильной формы.

– Скверно, конечно, но поправимо. – Макс встал. – Садись-ка, Тим, сюда. Да не дрожи.

– Что… Что теперь со мной будет?..

– Сейчас посмотрим. Руку вытяни. – Максим задействовал сканеры, некоторое время анализировал полученную мысленную картину, затем вынес вердикт: – Поражение неглубокое, колония, к счастью, не успела

разрастись. Ты чем там питался, за Барьером? Бедным скоргам у тебя в организме металлов не сыскать, чтобы размножиться.

Тима передернуло.

– Я умру? – тихо спросил он.

– Обязательно, – усмехнулся Макс. – От старости.

На глазах Тима выступили слезы.

– Макс, кончай издеваться. Помог бы парню! – вставил реплику Монгол.

– Уже. – Максим потрепал Тима по плечу. – Я стабилизировал оба очага. В принципе для тебя еще не все потеряно. Скорги не проникли глубже кожных покровов, так что вкрапления можно вырезать лазером. Лучше сделать операцию тут, иначе, если обратишься к военным медикам за Барьером, они тебя год изучать будут, прежде чем прооперируют и отпустят.

В глазах Тима вспыхнул огонек надежды.

– Сейчас все бионики заняты. – Макс ободряюще взглянул на съежившегося парнишку. – Группу сталкеров выхаживают. Так что пару дней тебе придется подождать. Ты, Монгол, его далеко от себя не отпускай.

– Спасибо, Макс. Я вроде как в ответе за него.

– К Захару обратись, он вам комнату выделит. Идите, устраивайтесь. А я пока на чудо-экипировку взгляну.

* * *

К вечеру Макс совершенно вымотался. Слишком много дел накопилось. Мнемотехников катастрофически не хватало, и ему приходилось прилагать немало усилий, производя «стабилизацию» сегментов городища, нейтрализуя рост автонов, чтобы другие сталкеры могли приступить к реконструкции очередного участка постройки техноса, приспосабливая его под нужды людей.

Засыпая, он снова думал о Яне.

Все же она могла выжить. Как и другие угодившие в центры катаклизма люди. Немногих вернули пульсации Узла. Их называли «жжеными», им не было равных по способностям среди других сталкеров, пришедших в отчужденные пространства уже после Катастрофы.

Сколько ей сейчас? Двадцать? Девятнадцать?

Макс попытался представить образ девушки, но перед мысленным взором возникала лишь размытая, не несущая конкретных черт фигура.

«Где же ты сейчас?» Расширитель сознания Максима работал, он не заметил, как провалился в сон, вопреки обыкновению не «погасив»

мысленным усилием искусственную часть своего мозга.

* * *

Мир постепенно трансформировался.

Нет, суровая реальность не претерпела волшебных изменений, Макс по-прежнему понимал, что находится в границах аномальных пространств, но нахлынувшие вдруг ощущения показались новыми, тревожащими и уж никак не напоминали повторяющийся сон.

Он как будто очнулся в незнакомой обстановке после головокружительного мгновенного перемещения.

Макс осмотрелся. Очертания предметов поначалу выглядели нечеткими, обретая резкость постепенно, в течение нескольких минут.

Спеленатые космами седых облаков иззубренные стены замыкали в своеобразный «периметр» жутковатый, но тщательно ухоженный садик. Макс внезапно ощутил несвойственную ему оторопь: каждый сантиметр искаженных пульсациями стен, каждый квадратный метр покрытого неглубокими воронками, потрескавшегося и слегка просевшего перекрытия хранили следы запредельных мнемотехнических воздействий.

Даже в Цитадели Ордена он не встречал ничего подобного.

Холод пробирал до костей при мимолетном взгляде на редкие виды металлорастений, растущие прямо из растрескавшегося межэтажного перекрытия, соединяющиеся с арматурой, уходящие «корнями» вниз, сквозь этажи, к источникам аномальной и геотермальной энергии.

Резко кружилась голова. Уровень аномальной энергии попросту зашкаливал. Анализируя ощущения, Макс представил, что находится внутри незримого энергетического потока, берущего начало где-то глубоко под землей и бьющего к небесам, искажая реальность, деформируя ткань пространства, заставляя облака скользить по кругу.

В заоблачном саду, обрамленном опаленными огрызками стен, царила особенная, хрупкая и настороженная тишина. По непонятным причинам на открытой площадке не ощущалось ветра, словно руины загадочного здания были отгорожены от остального мира незримым коконом защиты.

Макс никогда не встречал ничего подобного. Сочетания обычных на первый взгляд предметов создавали таинственную атмосферу.

В окружении тщательно сконфигурированных, явно выращенных путем мнемотехнического воздействия редчайших металлокустарников на небольшой «полянке» стоял стол с причудливо изогнутыми ножками, рядом ртутно поблескивал маленький пруд, заполненный жидким холодным металлом, неподалеку в обрамлении пластика пузырился,

источая зеленоватое мерцание, фрич. На столе в высокой и узкой фарфоровой вазе серебрилась ветвь с гроздьями созревших н-капсул, мелкие, шустрые скорги, похожие на механических насекомых, сновали под ногами.

В недра здания уводил искаженный пульсацией лестничный марш. Неподалеку на треножном станке у пролома в стене был установлен крупнокалиберный импульсный пулемет. На столе подле вазы стояла чашка с остывшим кофе, рядом с ней лежали две плазменные гранаты.

Облака медленно перемещались по кругу, клубились, не пересекая границы стен, лишь изредка свинцово-серые космы медленно проплывали меж ветвей автонов, формируя абстрактные фигуры, создавая иллюзию призраков, заплутавших в металлическом саду.

Постепенно предметы обрели абсолютную четкость очертаний, он шагнул к столу, сел в кресло, коснулся пальцами старинной фарфоровой чашки с выщербленным краем, явственно ощутив исходящее от нее тепло.

Несколько минут Макс провел в напряженном ожидании дальнейших событий, пока вдруг в глубинах здания не раздались легкие шаги.

Он резко встал и вдруг застыл как вкопанный.

Макс увидел призрака во плоти. Перед ним стояла девушка, несмотря на лютый холод, на ней было лишь легкое летнее платье. Колючие, искристые снежинки медленно кружили в воздухе.

В чертах лица угадывалось что-то смутно знакомое, и сердце Максима глухо стукнуло.

«У меня еще есть сердце. До него не добрались скорги», – мысль проскользнула на фоне шоковых ощущений растерянности. Макс уже позабыл, что это такое – чувствовать себя *парализованным*, когда миг вдруг становится вечностью.

Она смотрела на него удивленно, но неиспуганно, как будто увидела старого знакомого, которого не чаяла встретить.

Ее мимика передавала внутреннее смятение. Глаза расшились, ноздри трепетали, тонкие черты лица вдруг подернулись легким искажением, на бледной коже, словно набежавшая тень, возникали пятна серебристого, бронзового и ртутного оттенков, они двигались, смешивались между собой, исчезали и появлялись вновь.

«Сталтех?» – ударила мысль.

Скольжение металлизированных пятен немного успокоилось, стало медленным и не таким явным. Снежинка, коснувшаяся ее щеки, растаяла.

Губы девушки дрогнули, Макса как будто ударило током – он узнал ее, испытав шок, перед которым поблекло все пережитое ранее.

Оказывается, есть чувства, которые сильнее ненависти, – метаболический имплант ушел в сбой, даже скорги не сумели справиться с бешеным выбросом адреналина, от которого вдруг зашумело в ушах.

– Ты… Ты нашла тогда воду?..

Не в силах ответить, потрясенная не меньше, чем Макс, Яна лишь кивнула в ответ, зажмурилась, открыла глаза и вновь увидела его.

Ее пальцы дрожали. Скольжение металлизированных пятен под кожей стало быстрее.

– Макс?.. – прошептала она и вдруг закрыла ладонями лицо, глубоко вдохнула, пытаясь унять нервную дрожь, затем снова взглянула на него: – Макс… Я думала – ты мой сон. Я же придумала тебя…

Ее горячий прерывистый шепот изменял реальность.

За несколько лет скитаний по отчужденным пространствам Макс видел что-то подобное только в моменты пульсаций, когда энергия таинственного Узла тугими зримыми кольцевыми волнами била от эпицентра, искажая материю и пространство.

– Яна… – Он с трудом верил в происходящее. – Яна, я не призрак.

– Макс… – Она порывисто шагнула к нему, коснулась дрожащими пальцами щеки Максима, и пальцы ее не провалились в пустоту, не прошли сквозь. – Ты… Ты нашел меня… Как?..

– Я не знаю. Я думал, ты мне снишься… Ты – маленькая девочка, попавшая под удар первой пульсации.

– И ты мне снился.

От происходящего ломило виски, рассудок погружался в туман, как после близкого разрыва, когда дает сбой расширитель сознания.

Сложно передать бесновавшиеся внутри Макса чувства, острые, ранящие, позабытые, вычеркнутые суровыми буднями из списка полезных для выживания мотиваций, да и душа Макса давно уснула, а сейчас встрепенулась так, словно сердце вырвали из груди и положили в ладонь, кровоточащее, пульсирующее, живое.

Как же ты выжила?

Искажения, охватившие все вокруг, не стали меньше. Облака, плотно обступавшие огрызки стен, клубились, закручивались мгновенными вихрями, распадались, сжимали кольцо, поглощали реальность сантиметр за сантиметром.

Происходящее не укладывалось в рамки рациональных явлений – весь накопленный опыт выживания был бессилен объяснить происходящее, хотя Максим давно убедился: в отчужденных пространствах нет места мистике, есть процессы, которые человек не может понять из-за ограниченности

своих знаний.

– Как же ты выжила, Яна? – наконец сумел выдохнуть он.

Ее взгляд потемнел, утратил искрящуюся прозрачность.

Они оба были так поражены происходящим, что задавали вопросы и отвечали невпопад, повторяли уже сказанное, как будто слова сейчас не имели ни малейшего значения.

– Макс… – Яну бил нервный озноб. – Макс… – Она хотела еще раз прикоснуться к нему, но не решилась, испугавшись, что он исчезнет. – Ты… Реален?

Он затруднился ответить.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Ты мне снишься. Почти каждую ночь.

* * *

Лестничные марши уводили во тьму.

– Я не помню, как очутилась здесь. – Голос Яны стал тверже, она немного успокоилась, шок от внезапной встречи постепенно отпускал, но сразу возникла гулкая пугающая пустота отчужденности.

Она долгое время воспринимала Макса как призрака, рожденного ее одиночеством. И вдруг он материализовался.

«Или я все же сплю?»

– Яна. Ты видишь в темноте?

Макс не заметил у нее сформированных имплантов или явных очагов спорадического инфицирования скоргами, но металлизированные пятна различных оттенков, невероятным образом перемещающиеся под кожей, немо свидетельствовали о тотальном поражении ее организма колониями наномашин.

– Как днем. Только цвета другие, – откликнулась девушка.

Максим, спускавшийся вслед за ней, заметил:

– Мне показалось, что ты способна влиять на реальность.

– Это не специально, Макс. – Она остановилась. – Так получается. Само собой.

– А как все началось? – Он взял ее за руку.

Максим не понимал, почему простые движения даются ему с таким трудом. Будни выживания нивелировали рассудок, стерли из него многие понятия, и даже инстинкты, заложенные природой, постепенно угасали, по крайней мере те, что не требовались для ежесекундной борьбы.

И вот сейчас все вернулось, как вспышка.

Все непрожитое, забытое, задавленное.

Яна прижалась спиной к стене, но руки не отдернула.

Он чувствовал – ей страшно. Ее хрупкая реальность дала трещину. Но почему?

– Я плохо помню те дни, – тихо ответила она. – Я долго шла, очень хотела пить. Теряла сознание. Потом однажды мне стало лучше. Как будто долго болела, металась в бреду, а затем начала выздоравливать. Я не знаю, куда попала. Очнулась, лежа на полу какого-то огромного помещения. Пол был холодным. Я плакала. Сил не осталось. Даже мысли не возникало, что могу встать или вообще жить дальше.

– И что же случилось?

– Я увидела воду. Целый стеллаж, заставленный бутылками с минеральной водой. Жажда вернулась мгновенно. Она была… сильнее слабости и боли. Пойдем, я покажу тебе.

* * *

Лестничный пролет упирался в старую металлическую дверь. Краска на ней давно облезла, кое-где виднелись следы ржавчины, но Макс не заметил вездесущих скоргов – ни одного серебристого пятна или нити.

Яна взялась за массивную ручку, с усилием потянула дверь на себя, и та нехотя поддалась, протяжно скрипнув ржавыми петлями.

На лестничную площадку хлынул свет. Обычный ровный холодный свет от множества люминесцентных ламп.

«Гипермаркет!» – мгновенно догадался Макс.

Они вошли в огромное помещение.

Сотни стеллажей высотой от пола до потолка делили пространство на торговые залы. В нижней части располагались витрины, верхние секции, загруженные товаром, задрапированные давно позабытыми и уже потерявшими смысл рекламными полотнищами, служили местом временного хранения для тысяч наименований самых разнообразных изделий – гипермаркеты торговали всем, начиная от продуктов питания и заканчивая бытовой техникой.

– Вот тут я и очнулась. – Яна указала на один из стеллажей, действительно плотно заставленный пластиковыми бутылками с минеральной водой.

Макс нахмурился, пытаясь понять: где же он оказался?

В условиях, когда все продукты питания приходилось доставлять через Барьер, гипермаркет был бы давно разграблен. Но даже в устных легендах, бытующих среди сталкеров, он не встречал упоминаний о чем-то подобном. В момент катастрофического образования Пятизонья уцелели

многие остовы зданий, но их сильно повредило, можно было смело утверждать, что нигде, даже в сохранившихся строениях, никто не встречал первозданной обстановки. Как объяснить, что спустя много лет тут по-прежнему работает освещение, и, что самое поразительное, нигде не видно проросших сквозь стены металлорастений, сканеры не фиксируют ловушек, будто это здание находится вне аномальных пространств или является аномалией внутри аномалии?

«Как я сюда попал?»

Макс понял, что не может ответить на заданный себе вопрос.

«Куда и зачем я шел?»

Нет ответа.

Он мысленно напрягся, пытаясь вспомнить, и вдруг…

…Он сел на смятой постели. По телу катились крупные капли пота, в груди застыла резь, словно он не дышал уже несколько минут.

«Сон.

Это был сон…»

Отчаянье вдруг захлестнуло Максима. Он едва не взвыл, осознав, что Яна – лишь игра его воображения. Образ, наверное, собирательный и потаенный, вырвавшийся из глубин подсознания.

Сон, способный убить. Свести с ума своей реальностью, подарить секунду надежды на что-то светлое, давно вычеркнутое из жизни, несбыточное, а затем швырнуть рассудок в пропасть отчаянья, загнать скорчившуюся душу на место и пинать ее, пинать, чтобы не высовывалась больше со своими грезами…

* * *

Двое суток Макс не решался подойти к незаправленной, смятой в ком постели.

Он работал над реконструкцией городища скоргов, доводя себя до полного изнеможения.

Проще было бы уйти в глубины отчужденных пространств, спуститься в ад за этим треклятым скоргиумом, но Шелест, как назло, выздоравливал медленно, для полного восстановления сил ему требовалось еще дня три, не меньше.

Макс замкнулся в себе, пугая поведением даже ближайших соратников.

Всё, что оставалось светлого в его душе, болезненно скорчилось, ожидая последнего рокового удара.

«Нет и не будет в моей жизни ничего, кроме металлических джунглей,

ежедневного риска, ежечасной борьбы за выживание». Единственная мечта, трепетно оберегаемая им, обернулась жутким фарсом.

«Я либо придумал ее, либо какое-то исчадие техноса играет с моим рассудком…»

…

Незаметно подкрался вечер.

Багряные краски сгустились, сумерки полыхали оттенками крови, он сидел на краю одной из недавно реконструированных площадок городища и смотрел в сторону тамбура, где пламя подземного огня, вырываясь из кратеров конических сопок, подсвечивало мрачные, угловатые строения АЭС и мутный столб опоясанного молниями вихря, вращающегося подле монументальных сооружений прошлого.

Он смертельно устал.

Веки тяжелели, Макс то и дело вздрагивал, стряхивая дрему, затем его голова бессильно склонилась набок.

Он уснул.

…

– Ты считаешь, что я – плод твоего воображения? – Яна порывисто встала, сверкнула глазами, словно хотела испепелить Максима взглядом. – Я живая! Я знаю о тебе все!

– Да, знаешь. Потому что ты – часть моего рассудка.

– Макс, ты не можешь так говорить! Ты тоже мне снился! Много лет, день за днем, шаг за шагом! Я живая! Господи, Макс, ну не будь же такой сволочью! Я ведь ждала тебя! Я чуть с ума не сошла за эти двое суток!

На глаза Яны навернулись слезы.

Он не выдержал, сделал шаг навстречу, прижал Яну к себе, обмирая от тепла ее тела и не веря ни одному чувству.

– Как? Как это происходит?!

– Не знаю! – Яна в отчаянии закусила губу, стараясь сдержать навернувшиеся слезы. – Я тоже… просыпаюсь! – дрогнувшим голосом повторила она. – Мне больно, плохо от этого! Я не знаю, куда девать себя, что делать, Макс! А вдруг это исчезнет?!

– Яна, перестань! Прошу, успокойся!.. – Максим окончательно растерялся от вида ее слез.

– Нужно понять… – она всхлипнула. – Понять, как это происходит. Я хочу увидеть тебя… В реальности…

Слезы градом катились по ее щекам, Макс ощущал, как глухо и часто бьется ее сердце.

– Я найду тебя. Обещаю.

Яна молча прижалась к нему.

Ощущения слишком реальные, чтобы быть навязчивым повторяющимся сном.

– Что ты знаешь обо мне? – спросил Максим. – Где я родился?

Яна замерла.

– Макс, я не знаю!.. – Она слегка отстранилась, взглянула ему в глаза. – Макс, я действительно не знаю! Но если я – плод твоего воображения, то должна знать? Должна, ведь так? – Ее слезы высохли, взгляд потеплел.

– Давай попробуем разобраться.

Яна отпустила его руку, растерянно взглянула вокруг, и по металлорастениям созданного ею садика вдруг прокатилась волна жутких искажений.

– Попробуем. – Теперь она стала серьезной, ее на секунду оттаявший взгляд вновь пугал Максима выражением мрачной решимости идти до конца в поиске истины.

– Когда я впервые появился в твоих снах? Что происходило? Попробуй вспомнить.

– Мне не нужно пробовать. Я помню! – Яна нахмурилась, две вертикальные морщинки появились на лбу. – Некоторое время тому назад… – Она говорила медленно, подбирая слова. – Я не знаю, сколько. Не пришло в голову вести календарь. Я ведь какое-то время думала, что осталась совершенно одна. Смирилась с этим. Как с облаками, закрывающими обзор, и с отсутствием выхода из здания. – Она сбилась с мысли. – Однажды… Я уснула. Сон был обрывочным, странным. Он больше не повторялся. Никогда.

– Расскажи о нем.

– Мне было страшно. Я не понимала, кто я. Куда-то бежала, продираясь через металлические кусты. Потом были руины. Широкая улица, кое-где заваленная обломками. За мной кто-то гнался. Но теперь я понимаю, что видела мир твоими глазами! Ты прятался. Тебе было больно. Внутри – только пустота и ненависть. Что-то страшное случилось с тобой. Что-то поселилось в тебе. Убивало изнутри[15].

Макс поежился, будто стоял на ледяном ветру.

– Вспомни детали. Ты сказала, что я бежал через руины. Запомнила какие-нибудь подробности?

Она задумалась, затем кивнула.

– Помню два очень высоких здания. Между ними – рухнувший

пешеходный мост… И еще – странное существо, такое низкое, уродливое. Оно преследовало тебя.

– А дальше?

– Всё оборвалось. Я проснулась.

– Ты сказала – сон не повторялся?

– Нет. Я тогда сильно испугалась. Я ведь очень редко видела людей. Сюда несколько раз пытались прорваться какие-то «егеря». И еще мое убежище часто атакуют машины. Но никто не может проникнуть внутрь. Хотя мне становится страшно. Я даже отыскала оружие, чтобы… – Она запнулась.

– Почему тебе страшно?

– Они… злые.

– Егеря?

– Да. Я чувствовала их мысли, знала, что они сделают со мной, если найдут способ проникнуть внутрь убежища. А механоидов часто забрасывает сюда пульсациями. Они всё крушат. Но я превращаю их в лужи металла. Сначала было очень страшно, потом привыкла, научилась жить в мире грез. Мой нанокомп стал частью организма. К тому же внизу на полках магазина полно виртуальных книг. – Яна села, облокотилась о край стола. – После того, первого, сна мой мир начал разрушаться. Я стала видеть окружающее. Обрывочно и смутно. Ты не появлялся очень долго. Несколько недель или месяцев. Потом однажды я увидела тебя со стороны. Ты шел мимо извергающих лаву сопок. После этого сны стали приходить чаще. Но я не смогла вычислить систему. Видения появлялись не каждую ночь, без определенных промежутков. Иногда длинные и подробные, но чаще обрывочные, короткие. Это поможет что-то понять?

– Да. – Максу хотелось просто смотреть на нее. – Хорошо, что в твоих снах нет системы. Я редко сплю. И чаще урывками. Есть важный вопрос. Вернее, два вопроса. Ты сказала, что начала видеть мир. Как?

– Спонтанно. Не во снах. Чужими глазами. Сначала мне было очень страшно, но постепенно я свыклась.

– Ты видишь мир глазами других людей?

– Нет, Макс. Глазами… машин.

– Уверена?

– Это сложно объяснить. Зрение становится черно-белым. Иногда у меня получается управлять тем существом, чьими «глазами» я вижу окружающее. Иногда – нет. Но я научилась контролировать такие приступы. Блокировать их или вызывать нарочно.

– Мнемотехника…

– О чем ты?

– Это способности мнемотехника.

– Не понимаю, Макс.

– Не важно. Долго объяснять. Главное в другом: теперь понятно, что мы не «снимся» друг другу. Ты, как и я, глубоко инфицирована скоргами. Наши расширители сознания устанавливают контакт, используя информационное пространство техноса.

– И что это означает, Макс?

Она замерла в напряженном ожидании ответа.

– Это означает, что я найду тебя.

…

Макс вздрогнул, просыпаясь.

Брезжил рассвет. В душе звенела туго натянутая струна.

«Я найду тебя…»

Он вдруг понял, сколь страшный смысл заключен в данном обещании. Теперь, поняв технику процесса, поверив в существование Яны, он с внезапной горечью подумал: а что будет дальше?

«Найду и выведу из этого загадочного, непостижимого, тесно охваченного аномальными энергиями убежища, заберу из устойчивого мира грез, сюда, в адские пространства?»

Перед глазами дрожали ее черты.

«Повзрослевшая девочка, все еще верящая в любовь… Я научу тебя выживать и убивать?»

И вдруг его осенило: Светлый Тоннель! «Как же я мог забыть о нем?!»

Сердце бешено стучало в груди. Максим заставил себя успокоиться.

«Только без нервов. Это шанс. Шанс вывести Яну во Внешний Мир.

Она сказала – егеря! Значит, ее убежище где-то в Новосибирской зоне!»

Все нити последних событий так или иначе вели туда, к логову Хистера.

Глаза Макса вспыхнули недобрым огнем.

Струна в душе натянулась, готовая вот-вот порваться, лопнуть от напряжения, порожденного напором противоречивых чувств.

– Я найду тебя… – как заклятье, прошептал он.

* * *

Небольшое помещение, где разместили Гонту, заливал тусклый желтоватый свет. Реконструкция обживаемого сталкерами городища скоргов протекала медленно. Не хватало опытных мнемотехников, и часто

перепланировка созданных техносом структур осуществлялась грубо, при помощи плазменных горелок.

Сейчас основные работы шли на внешних оборонительных рубежах, внутри городища царило относительное затишье.

Гонта метался в бреду. Внешние имплантаты, «вплавленные» беспощадным воздействием Узла в его плоть, утратили функциональность, превратились в инородные тела. Раны выглядели ужасно. Несмотря на оказанную подле тамбура помощь и достаточно оптимистичный прогноз, состояние Гонты ухудшилось.

«Без вмешательства он не выживет». Макс некоторое время стоял подле разложенного в горизонтальное положение пляжного пластикового шезлонга, превратившегося для Гонты в смертный одр. Незатейливую пластмассовую мебель в широком ассортименте сталкерам поставлял местный торговец, некто Митрофан, обосновавшийся в Трущобах – обломке небоскреба, занесенного в Пустошь в момент первой пульсации, сформировавшей лик отчужденных пространств Пятизонья.

Макс взял пластиковое кресло, поставил его у изголовья умирающего, сел, продолжая тяжело размышлять.

«Нужно привести его в сознание».

Альтруизмом Макс не страдал, глупые душевные порывы остались в прошлом. Даже своим собратьям-сталкерам, подвергшимся тотальному инфицированию скоргами, он помогал из соображений практических. Жалость в отчужденных пространствах часто оборачивалась бедой. Создавая костяк своей группировки, Максим поначалу делал ставку на обреченных. Он сознательно пошел против природы аномальных пространств, отнимая у техноса его законную добычу – сталкеров, которым уже не брался помочь ни один мнемотехник.

Не все выживали в ходе проводимых им операций. Не каждый из спасенных был рад возвращению в мир живых – изменения, коснувшиеся сталкеров, зачастую так и оставались необратимыми, требовалось изрядное мужество, чтобы смириться с новой формой существования рассудка, заключенного в частично перестроенном скоргами теле. Не всем удавалось пройти через тяжкое испытание – кто-то окончательно терял разум, кто-то замыкался в себе, и лишь небольшой процент спасенных испытывал чувство благодарности.

Макс обжигался. Он учился на своих ошибках. Приобретал запредельный для большинства мнемотехников опыт. Но со временем исчезали иллюзии, изначальная цель – помогать сталкерам, которых технос уже начал активно превращать в нежить, – потускнела. Жестокий мир

преподносил жестокие уроки. Большинство спасенных либо теряли рассудок, либо начинали люто ненавидеть Максима.

Те, кого он первыми вырвал из лап техноса, давно погибли. По Пятизонью расползались жуткие слухи, за Максом неустанно охотился Ковчег, но в конечном счете именно полоса неудач и черный «пиар» ужасающих домыслов позволили ему продолжить начатое.

Помогая всем без разбора, он лишь плодил моральных уродов и наживал себе смертельных врагов, постепенно превращаясь в зловещую, одиозную фигуру.

Он полностью потерял себя, окончательно замкнулся, отвечая ненавистью на ненависть, ударом на удар. Он скитался по отчужденным пространствам, ускользая от охотников за головами, егерей, наемников, уходил в такие дебри аномальных пространств, где не выжил бы ни один из сталкеров.

В редкие минуты забвения к нему приходили пронзительные сны. Он вновь и вновь видел маленькую девочку, пережившую удар первой пульсации, бредущую среди руин, умирающую от жажды, заблудившуюся в серебристой метели. Ее образ постепенно стал частью сознания, Макс мысленно разговаривал с призраком, поселившимся в его рассудке, чувствуя, что окончательно сходит с ума.

Всё изменилось внезапно.

Единственным местом, где Макса встречали без лишних вопросов, были Трущобы – торговая точка и место постоянного проживания небольшой группировки сталкеров, объединившихся вокруг Митрофана. Обломок московского небоскреба, принесенный в Пустошь пульсацией, стоял крепко, его обитатели сумели пережить экспансию техноса, уцелели среди соседства городищ, выстояли в период эволюционных войн механоидов.

– Брось, Макс, – уговаривал его Митрофан. – Все, кто в одночасье хотел изменить мир, заканчивали плохо. Эк ты замахнулся – безнадежных с того света вытаскивать. Да у них половина мозгов скоргами сожрана. Муки адовы, а тут ты со своим вмешательством!

– А что делать? Я ведь реально могу спасти многих сталкеров!

– Ну да, спасти-то можешь. И денег не берешь. А что в ответ? Пуля в спину? Так ничего другого ты и не заслуживаешь!

Макс тогда помрачнел, напрягся, но Митрофан только рукой махнул.

– Ты старика послушай. Потом еще спасибо скажешь. Вот приходят ко мне сталкеры – дай, Митрофан, снарягу и ствол. Да без проблем! А как цену назовешь – сразу: гнида, ублюдок жадный, кровосос. Разве не так обо

мне говорят?

Максим криво усмехнулся.

– Созреть каждому надо, – продолжил начатую мысль торговец. – Своими мозгами пошевелить, понять, что дороже: жизнь или деньги? Матом меня обложат, уйдут, а через пару дней, глядишь, – возвращаются. Потому как созрели, задумались, кто еще на десять верст в округе им патронов подкинет, накормит, даст передохнуть? И смотрят уже по-другому, и слов своих помнить не хотят. Скажешь, монополия у тебя, Митрофан? Да сожри ее скорги! Вон на Обочине и цены ниже, и жилье дешевле. А почему ко мне идут? Потому что патроны да безопасный ночлег нужны здесь и сейчас, а не завтра и где-то там.

– Мне твоя экономика, Митрофан, по боку, – мрачно ответил Макс. – Я ничем не торгую.

– Торгуешь. Надеждой торгуешь, мил человек. Пусть не за деньги. За идею свою, если она, конечно, есть у тебя. По большому счету – без разницы. Ты можешь помочь, но делаешь это насильно. Вот если б я так стволы продавал – пришел, так покупай или живым не выйдешь!

– Не вижу связи, – буркнул Максим.

– А ты вообще ничего не видишь. Я умею! Ну и что? Чем ты в таком случае лучше Хистера? Его мнемотехники тоже много чего умеют. А народ почему-то в Орден тянется. Там не принуждают, Макс. Хочешь – мы тебя имплантируем. Не хочешь – поживи, осмотрись. А в Ковчег попал – кто тебя спрашивать станет? Без вариантов, либо на имплантацию, либо в расход.

Тошно тогда Максу было. Но слова Митрофана запали в душу.

А отчужденные пространства действительно полнились слухами. И был один другого страшнее. Как только Макса не называли! И нежитью неприкаянной, и сталтехом недоделанным – по-всякому, пока однажды не случилось предсказанное торговцем событие.

Макс тогда в Новосибирской зоне не на шутку схлестнулся с егерями Ковчега. Трое суток его преследовали по руинам. Оторвался только на четвертый день, в гиблых местах, куда и охотники за артефактами редко забредают. Едва живой от усталости, на пятый день Макс вышел к убежищу вольных сталкеров. Внутрь спустился, уже не обращая внимания на косые взгляды и мгновенно образовавшийся вокруг вакуум. Он привык. Не ждал ничего другого, даже удивился, когда к нему подсели двое сталкеров.

Он молча ел, ожидая, что скажут.

– Макс, про тебя тут толкуют разное, – немного помявшись, завел

разговор один из них. – Не знаю, что правда, что нет, но друг у нас… – Он запнулся. – В общем, ранило его. Механоид очередью достал. Н-капсулами стрелял, паскудник. Броню навылет, скорги, сам понимаешь, – в плоть. Умирает он. Проказа серебристая по всему телу пошла.

– Я при чем? Спасал уже таких. Только врагов нажил.

– Он сам просил тебя разыскать. Мы двое суток по трупам егерей шли. Думали, нагоним тебя.

– Сам просил?

– Клянусь! Он в сознании постоянно! Иногда только бредить начинает.

– Давно его ранило?

– Да с неделю, считай. Мы тут мнемотехника нашли, он говорит – безнадежно.

Максим тяжело задумался, затем отодвинул тарелку, встал.

– Ну пошли. Посмотрим. Только сразу скажу – чудес не обещаю, скоргов из организма вывести не смогу. Жить ему придется с тем, что получил.

– Да знает он. Согласен. Лишь бы в нежить не превратиться. А что до количества скоргов в организме да уродства, – это ведь как посмотреть. В каждом из нас имплантов – считай, живого места нет.

…Макс с трудом отогнал воспоминания.

Спас он тогда сталкера. И с остальными сдружился, пока раненого выхаживал. Они и стали настоящим костяком его группы. После того случая другие слухи по отчужденным пространствам поползли. Постепенно, по капле менялось отношение. Только Макс уже и сам изменился. Больше он никому своей помощи не навязывал. Взял за правило.

Вот и с Гонтой надо решать.

Теплых чувств Макс к нему не испытывал. Кто знает, что он за человек? Почему вернулся? Сам пришел в отчужденные пространства или заслан кем-то? Стоит ли ему вообще помогать, ведь предупреждал: скажи по-хорошему, если с тобой что не так. Нет, уперся. И получил сполна.

* * *

Гонта очнулся не сразу.

Прошел час, прежде чем он вдруг судорожно выгнулся, захрипел от боли, затем затих, – мутный взгляд остановился, концентрируясь на Максе.

Тот молчал, ожидая, пока помутившийся рассудок Гонты осознает происходящее.

– Что… со мной?.. – наконец хрипло выдавил тот, неотрывно глядя на Максима.

– Твои импланты вплавило в тело при прохождении через Узел, – скупо пояснил Макс. – Ты заражен скоргами. Необратимых изменений пока нет, но ждать их недолго. Раны смертельные. Я привел тебя в чувство, чтобы поговорить.

– О чем? – Гонта заскрипел зубами от боли. – Суки… Обещали же… – Он на секунду затих, так и не закончив фразы.

– О Светлом Тоннеле.

– Ты помочь… можешь? – справившись с болью, прохрипел Гонта.

– Могу. Но пока не знаю, стоит ли?

Гонта дернул кадыком, судорожно сглотнул, мучительно запрокинул голову. Жилы на шее вздулись от напряжения.

– Что ты хочешь знать?..

– Тоннель существует?

– Да…

– Ты однажды прошел по нему? Избавился от скоргов?

– Да… – Гонта мучительно скосил глаза, посмотрел на Макса. – Без меня… не пройдешь…

– Почему?

– Там аппаратура… Нужно знать коды…

– Значит, пойдем вместе. Если ты согласен. Принуждать не стану. Ты волен выбирать.

– Выбирать… как сдохнуть?

– Ну зачем? Мучить тебя никто не собирается. Выбирать ты волен между жизнью и смертью. Я могу стабилизировать твои импланты и даже вернуть им функциональность. Только внешними их сделать уже не получится.

– Что взамен?.. Тоннель?..

Макс пожал плечами.

– Если честно, то ты мне не нужен. И твои тайны тоже. Мне важно было узнать, существует Светлый Тоннель или нет. Не хочу тратить время на мифы. С тобой или без тебя – я его найду.

– Аппаратура…

– Не проблема, – покачал головой Макс. – Всё, что создано людьми, на порядок проще, чем любое из исчадий эволюционировавшего техноса, – спокойно пояснил он.

Гонта хрипло рассмеялся.

– Развел меня… сука… теперь подыхать… бросишь…

– Нет. Не брошу. – На лице Макса отразилась скоротечная внутренняя борьба. – Я стабилизирую твои импланты. Бионики помогут, раны заживут быстро. Но ты должен сам сделать выбор. А он небогатый. Имплантация необратима. Думаю, ты прекрасно об этом знаешь.

– Делай… – Гонту скрутило судорогой. – Делай!.. – в исступлении заорал он.

– Последний вопрос, – неумолимо произнес Максим, понимая, что при такой боли люди не лгут. – Зачем ты вернулся?

– Деньги… – прохрипел Гонта. – Денег хотел заработать… и назад… Перекупщики развели… С имплантами… Сказали… последняя разработка… И Узел… им нипочем… – Гонта дико захохотал.

– Хорошо. – Макс мысленным усилием потянулся к его ранам, в глубине которых, словно осколки, застыли бесформенные, оплавившиеся импланты. – Сейчас станет легче. Поговорим, когда очнешься.

Багряная тьма всколыхнулась перед глазами Гонты.

Его тело несколько раз судорожно выгнулось и вдруг обмякло.

Макс переключил частоту мью-фона.

– Пару свободных биоников ко мне, – произнес он. – Срочная операция.

Выбор был сделан.

Глава 4

Пустошь. Покинутое городище скоргов…

Четыре человека сидели за столом.

Пятым был Макс. Он неторопливо прохаживался по просторному помещению, которое еще не подверглось коренной реконструкции, и поэтому сквозняки в нем гуляли неслабые. Воздушные потоки прорывались сквозь неплотное, ажурное плетение металлокустарников, образующих стены и свод, нудно скрежетали подобием манипуляторов, в изобилии свисающих с потолка, покачивали наспех закрепленные приборы освещения, наполняя внутреннее пространство танцем теней.

«Не очень уютно, но безопасно», – мысленно рассудил Макс. Работы в этой части городища еще не начинались – он лично прикрепил несколько светильников к свисающим от свода манипуляторам за час до встречи. Артефактные накопители подавали энергию не только на освещение. В сплетении металлических ветвей Максим спрятал дюжину микрогенераторов, подавляющих частоты мью-фонной связи.

– Пора! – Он подошел к импровизированному столу. На самом деле это был грибообразный выступ пола. Для чего он использовался механоидами, оставалось только догадываться. Городище, опустевшее после гражданской войны техноса, хранило множество загадок.

– Отныне мы – группа.

– Но я не…

– Забудь. – Макс пристально посмотрел на побледневшего Тима. – Ты идешь с нами. Это не обсуждается. Светлый Тоннель – твой единственный шанс избавиться от скоргов.

Тим побледнел еще больше.

– Я никуда не хочу идти… Лучше лазером!

– Никто тебя и не спрашивает. – Макс снова ожег его взглядом. – Твое дело сидеть и слушать.

Тим замолчал.

– Итак… – Макс мысленным усилием включил голографический проектор. Над «столешницей» возникла трехмерная карта Новосибирской зоны отчужденных пространств. – Задача номер один: пройти тамбур, по возможности не ввязываясь в бой с егерями Ковчега. Какие будут соображения?

Шелест отрицательно качнул головой.

Понятно. У него предложений нет. Неудивительно.

– Монгол?

Сталкер пожал плечами.

– Тихо не пройдем, – произнес он. – Нереально, Макс. После бойни, развязанной техносом, Ковчег радикально перестроил систему контроля зоны тамбура. Я там был недавно. Егеря прочно закрепились неподалеку от вихря, на вершине господствующей высоты, в руинах старого универмага. Вокруг холма, – он указал на возвышенность, увенчанную мутным пылевым вихрем, – позиции снайперов, в основном они замаскированы в кронах древовидных металлорастений. По периметру склонов три рубежа датчиков. – Монгол обозначил условные окружности, расположив их на разных высотах. – Даже если нам повезет и Узел выбросит группу компактно, допустим на середине склона, боя все равно не избежать. Датчики нас зафиксируют, сверху ударят расчеты импульсных орудий и пулеметов, с внешнего периметра по нам будут работать снайперы.

– Гонта? – Максим, выслушав Монгола, повернулся.

– Почему бы тебе не взять парочку своих бойцов? – буркнул тот, глядя на Макса. – Вы быстро адаптируетесь после перехода. Успеете навалять ковчеговцам, пока мы в себя приходим.

– Не вариант, – отмел предложение Макс.

– Почему? Поясни!

– Во-первых, мы уходим на поиски Светлого Тоннеля. Говоря проще – ищем шанс покинуть отчужденные пространства. Взять прикрытие я не могу. Мои люди пока не готовы вернуться во Внешний Мир. Для этого нужно созреть. А использовать их вслепую я не стану. К тому же силовой прорыв через зону тамбура будет иметь нежелательные последствия.

– Какие?

– Работая в полную силу, сбить заслоны я смогу и один. Но тогда станет ясно, кто именно прошел через тамбур. Хистер охотится за мной и моими людьми. Он не потерпит такой наглости и не упустит возможности прижать кого-то из «полусталтехов» – так нас именуют в Ковчеге, – действуя на своей территории. Если не хотим посадить себе на хвост боевые группы, нужно действовать аккуратно. При наихудшем стечении обстоятельств нас должны принять за обычную группу вольных сталкеров.

– А если послать впереди механоидов? – встрепенулся Шелест. – Пара-тройка крупных механических форм произведет серьезный переполох, отвлечет внимание егерей.

– Старый трюк. Среди боевиков, контролирующих тамбур, есть опытные мнемотехники. У них хватит сноровки нейтрализовать наше

прикрытие и еще останется время разобраться что к чему.

– А у тебя нет собственного плана? – поинтересовался Монгол.

– Есть, – кивнул Макс. – Но я хотел выслушать ваши мнения. Мой план достаточно прост. Будем двигаться группой, по одному маркеру. Это обеспечит минимальный разброс при «материализации». Перед переходом отправим егерям гостинец. – Он указал на устройство, возвышающееся поодаль. Внешне аппарат был похож на первые луноходы эпохи прошлого века.

Шелест машинально произвел сканирование, удивленно вскинул бровь.

– Армейский генератор электромагнитного импульса. Беспилотный аппарат. Последняя разработка одной из корпораций Внешнего Мира. Собран без применения технологий скоргов, что дает неоспоримое преимущество перед мнемотехниками. Они не сумеют его подавить. По крайней мере не сразу после появления. Пока разберутся что к чему, он успеет отработать заданную программу.

– Ты встроил в него маркер? – поинтересовался Шелест.

Макс кивнул.

– Рискованно, – высказался Монгол. – А если «чугунок» уйдет в Узел?

– Тогда будем считать, что нам крупно не повезло. Но, думаю, все пройдет как должно. Активация тоннеля по маркеру работает практически безотказно. Беспилотник подхватит скоргов, но они не успеют ему навредить. На один импульс его точно хватит. А большего нам и не нужно. Монгол, у тебя какое время адаптации?[16]

– Секунд сорок примерно.

– Нормально. Ты займешься сбором группы.

– Понял.

– Я прихожу в сознание секунд за пятнадцать, – продолжил Макс. – Удар электромагнитного импульса вырубит импланты егерей и создаст помехи М-связи как минимум на минуту. За это время мы придем в себя и замаскируемся на склоне. Затем я нейтрализую рубежи датчиков обнаружения.

– Интересно, каким образом? – скептически спросил Шелест. – Ты же сам сказал: мы изображаем группу обычных сталкеров. Вырубить три кольца периметра обнаружения – слишком круто, не находишь?

– Я думал над этим. – Макс переключил изображение. – Прогноз на завтра, для Новосибирской зоны. Шквалистый ветер, сильная пепельная буря. Как известно, подобные ураганы перемещают огромное количество

скоргов. Отказ рубежей спишут на них.

– Макс, я тебя не узнаю. – Монгол обеспокоенно заерзал на неудобном «стуле». – Не факт, что скорги атакуют датчики Ковчега.

– Я им помогу, – ответил Максим. – Ненавязчиво. Теперь о главном. Что требуется от вас. – Он обвел пристальным взглядом лица собравшихся. – После микропульсации каждый сохраняет спокойствие. Никто не пытается вскочить и бежать, искать укрытие или отстреливаться. До появления Монгола лежать и не двигаться. При необходимости я прикрою любого из вас искажением реальности. Это на тот случай, если егеря вдруг начнут прочесывание склона. Особенно Тим и Гонта – от вас двоих понадобится максимум выдержки.

– А боевики не насторожатся, когда поймут, что за «машинка» ударила импульсом?

– Они будут злы, – усмехнулся Макс, – но, разобравшись, решат, что это дело рук военных. Ходовые испытания экспериментального образца.

Я специально нанес на некоторые элементы конструкции маркировки, характерные для военных складов и лабораторий Соснового Бора, и снял ограничитель мощности импульса. Ударит так, что экранировка имплантов не спасет. Генератор сгорит, обозначив дымом и тепловой засветкой источник «вторжения». Это даст нам еще три-четыре минуты, пока мнемотехники приходят в себя и разбираются со сгоревшим устройством.

– А где гарантия, что дым и засветка не укажут на нас?

– Разные маркеры, – терпеливо пояснил Макс. – Машину выбросит в одном месте, нас в другом, гарантированно. Сигнатуры микропульсаций никогда не совпадают по мощности. Всё понятно? – Он снова переключил голографическое изображение. – Теперь смотрим сюда. На случай непредвиденных обстоятельств вот тут маркером отмечена точка сбора. В километре от зоны тамбура. Если что-то пойдет не по плану и придется прорываться поодиночке, встречаемся вот в этих руинах. И последнее. Относительно Тима. Он наименее подготовлен, в идеале его опекает любой из нас, кто окажется рядом. Вопросы?

Тим подавленно промолчал. У него в голове не укладывалось, почему он должен куда-то идти, непонятно зачем рисковать жизнью. Да и какой от него прок?!

Он хотел возразить, но хмурое, сосредоточенное выражение на лице Макса отбило желание вступать в спор. «Лучше с Шелестом поговорю. Или с Монголом… Ну не могут же они тащить меня просто так?»

– Если вопросов нет, то до утра – отдыхать. Выступаем в семь, чтобы добраться до тамбура к началу пепельной бури в Новосибирске.

* * *

Этой ночью Максу как никогда раньше хотелось увидеть Яну, но сон не шел, в голову лезли разные мысли, он только ворочался с боку на бок, не в силах даже задремать.

Постепенно он все же провалился в тяжелую дрему.

Обрывки мыслей кружили во тьме, взбудораженное сознание порождало разные образы, но Макс отметал видения, сотканные из обрывков *реальных* впечатлений.

Он искал Яну.

Искал и не находил.

Состояние беспокойной дремы постепенно трансформировалось в тревожный неглубокий сон.

Во мгле сознания толклись неясные образы. Всё не то. Не то. Не то.

Он резко проснулся, сел, чувствуя, как отвратительно липнет к телу пропитавшаяся влагой его пота простыня.

Что я ищу? На что надеюсь?

Частоты техноса. Он однажды познал их губительные для рассудка глубины. Был момент, когда Максу пришлось нырнуть в омут единого информационного поля, объединяющего бесчисленное количество наномашинных комплексов, как диких, так и воплощенных в «изделия».

Они звали его.

Затягивали в глубины, откуда для человеческого рассудка уже нет возврата.

То, чем оперировали самые опытные мнемотехники, представлялось Максу радужной пленкой бензинового пятна на поверхности мрачной многометровой толщи воды, где обитает настоящая воля, движущая мириадами машин, толкающая их на путь эволюционного развития.

Воля, для которой беззащитный человеческий рассудок – лишь лакомый кусочек *познания*.

– Шелест? – Макс брезгливо сбросил с плеча влажную простыню, встал, сделал глоток воды из оставленной на столе пластиковой бутылки.

– Да? – раздался по связи заспанный голос.

– Шелест, у тебя есть обыкновенные, человеческие лекарства?

– Не понял? Что значит «человеческие»?

– Да не тупи! – огрызнулся Макс. – Мне нужен обыкновенный препарат, химия, понимаешь? Чтобы воздействовала без всякой там бионики и мнемотехники.

– Хочешь что-то сделать с собой в обход метаболического импланта?

– Да, хочу!
– Ладно. У меня есть походная аптечка. Если ты уточнишь что…
– Снотворное, – оборвал его Максим. – Обыкновенное сильнодействующее снотворное.
– Есть. Но метаболический имплант все равно придется настраивать. Иначе он непредсказуемо погасит или, наоборот, усилит действие препарата.
– Это уже не твоя забота. Я зайду через пару минут.

* * *

Через четверть часа, вернувшись к себе, Макс сел на край жесткой кровати.
Сцепив руки в замок, он некоторое время сидел, пытаясь понять: что же с ним происходит?
«Почему я безоговорочно поверил в существование Яны? Где причина? Не потерял ли я голову? Почему решил, что она живая?
Где гарантия, что с моим рассудком не играет какая-нибудь продвинутая механическая тварь, созданная в недрах Узла, например агломерация нанороботов наподобие трояна?»
Макс понимал – всё, что он задумал, попахивает откровенным безумием.
Но он сильно изменился с тех пор, как мнемотехники Хистера едва не превратили его в экспериментального сталтеха, послушного воле Ковчега.
Прежний Макс испугался бы внезапных видений, заподозрил бы сбой в имплантах, искал бы способ оттестировать работу расширителя сознания и забыть тревожащий образ.
Он сжал в зубах полученную от Шелеста капсулу, запил ее глотком воды.
Метаболический имплант, предварительно настроенный на усиление действия препарата, отработал как положено.
Веки тяжелели.
Его неодолимо клонило ко сну.
Сознание теряло нить ускользающих мыслей, он вдруг начал стремительно проваливаться в искрящуюся радужную бездну…

* * *

Макс не увидел ничего.
Расширитель сознания оставался активен, но… чуда не произошло. Он блуждал по непонятным, едва освещенным лабиринтам, упирался в

тупики, искал выход, громко, в крик, презирая сосущее чувство опасности, звал Яну, но не достиг желаемой цели.

Ее не было.

Макс рассчитывал, что, сконцентрировавшись на образе, он найдет ее, но лабиринт сознания был бесконечен, он блуждал в нем бесполезно и бессмысленно, пока вдруг не ощутил грубое физическое воздействие: кто-то тряс его за плечо.

Еще находясь в плену тяжелого сна, он резко сел, почувствовав головокружение.

Предметы плыли перед глазами, фигура Монгола в полной боевой экипировке на миг показалась худшим из виденных когда-либо исчадий.

– Макс, время. – Тяжелая рука отпустила его плечо. – Ты сам назначил выход на утро.

Реальность медленно просачивалась в рассудок. Он удержался от инстинктивных порывов, кивнул, тяжело приходя в себя.

– Дай мне пять минут. Я соберусь быстро.

Монгол ушел.

Зачем мне погоня за призраком?

Максим встал, плеснул в ладонь воды, отер лицо.

Неразумно бросать городище. Реконструкция в самом разгаре. Ну какое тебе дело до легенды о Светлом Тоннеле, до мифического скоргиума? Ты живешь здесь и сейчас. Есть люди, которым ты действительно нужен.

Надевая боевую экипировку, он включился в локальную сеть городища, отдал несколько неотложных распоряжений, затем вызвал Захара:

– Я ухожу на пару дней. План реконструкции у тебя есть. Если не вернусь в указанный срок, примешь командование.

– Макс, что-то случилось?

– Не бери в голову. Личное.

– Ты сказал «если не вернусь».

– Да, сказал. Что тут непонятного? Любой из нас, даже выйдя по нужде, может не вернуться назад. Жизнь такая, если ты до сих пор не понял. Всё, до связи.

Макс отключился.

Личное. Он застегнул последние крепления боевой брони.

Вот она – причина его внезапной неадекватности. Кроме страха и ненависти, у него, пожалуй, никогда не было ничего сугубо личного.

Он жил, как все. Трусил, отчаянно рисковал, спасал свою шкуру, убивал врагов, с трудом находил друзей, скалился, как зверь, когда загоняли

в угол.

А что в нем проснулось сейчас?

Надежда?

«Я влюбился в призрак? – с горькой иронией спросил себя Макс. – Не поздновато ли для чувств? Да и способен ли ты любить?» Он спрашивал себя серьезно и беспощадно: «Кем ты был? Опустившимся бродягой, доживающим свои дни в руинах подле Барьера? Тупым, бесчеловечным, как все окружающие тебя живые обломки цивилизации».

Вес ИПК. Привычная, машинальная проверка оружия. Тест имплантов.

«И кем ты стал?

Недоделанным исчадием техноса? Полусталтехом? Забавной игрушкой Генриха Хистера, по воле случая вырвавшейся на волю?»

«Стать человеком никогда не поздно, Макс», – шепнул внутренний голос.

«Личное» – слово каталось в рассудке, тревожило, ассоциировалось со смутным образом Яны.

«Это не тот узел, который можно взять и разрубить, – сумрачно усмехнулся Макс. – Я найду тебя, – с внутренней дрожью подумал он. – Найду и выведу тебя отсюда. Есть путь. Через Светлый Тоннель. Я верю». – Максим на миг закрыл глаза.

Мысли не успокаивались, но он привычным усилием загнал надежды и сомнения внутрь.

Пусть полежат пока на донышке очнувшейся души.

* * *

Вышли еще до рассвета.

Несмотря на выданный Максом бронекостюм с замкнутым циклом жизнеобеспечения, Тим поначалу ощущал себя беззащитным. Раздавленный силой неодолимых обстоятельств, он не сопротивлялся принятому помимо его воли решению.

Оставаться в захваченном сталкерами городище скоргов было еще страшнее, чем следовать за Максом в неизвестность.

Искорка надежды все же теплилась в душе, и, пока старенький БТР следовал дорогами техноса, Тим постепенно справился с дрожью, стал проявлять интерес к происходящему.

Боевая машина двигалась на высоте тридцати метров над землей. Сплетение мощных ветвей древовидных автонов образовывало подобие путепровода, ведущего к тамбуру Пустоши. В багряном рассеянном свете

вечных сумерек с высоты выстроенных скоргами коммуникаций у горизонта отчетливо просматривались угловатые постройки древней атомной станции, окруженные лениво извергающими магму коническими сопками.

В десантном отсеке не работало освещение, но никто из сталкеров не обращал внимания на такую мелочь. Немного освоившись с системами бронекостюма, Тим начал понимать, как эти люди воспринимают реальность. Сканеры выданной ему экипировки уступали имплантам по мощности и функциональности, но, соединенные с рассудком через чип мью-фона, они позволяли внутреннему взору Тима проникать сквозь незначительные препятствия, видеть окружающее, находясь при этом под защитой брони.

Ощущения, сравнимые с погружением в виртуальную реальность, поначалу вызвали приступ неверия в происходящее, словно все случившееся с ним являлось дурным, тяжелым сном, но обострившийся инстинкт самосохранения не позволил измученному рассудку спрятаться за ширмой иллюзий, и через несколько минут Тим уже внимал новым ощущениям, вполне отдавая себе отчет, что мир, раскрашенный в серо-зеленые полутона, – не генерация компьютера и не плод его разыгравшегося воображения.

Медленно поворачивая голову, он смотрел то в одну, то в другую сторону, поражаясь открывающимся картинам.

Тусклыми сполохами, похожими на одноцветное северное сияние, над зарослями металлорастений метался, вспыхивая и угасая, мертвенный, призрачный свет. Там, где появлялось загадочное свечение, автоны росли наиболее густо, сплетения металлических ветвей источали неяркую, различимую лишь посредством сканеров ауру, под разлапистыми кронами металлических деревьев сновали сотни мелких энергоматриц – это были механоиды различных видов.

Воображение Тима постепенно заработало, дорисовывая фоновые, теневые картины окружающего.

Он ясно представил металлический лес, где кишели порождения эволюции техноса, постепенно, по крохам, начиная осознавать: реальность, простирающаяся за бортом боевой машины, попросту непостижима для неподготовленного рассудка, в ней не осталось ничего привычного для человеческого восприятия, она объективно существует, но лежит за рамками понимания.

Чтобы выжить тут, мало иметь экипировку и оружие. Сейчас обрывочные впечатления, оставшиеся после тяжкого перехода через

Барьер, вспышечные, шоковые ощущения боя, долгий путь до захваченного сталкерами городища скоргов внезапно начали собираться воедино, укладываться, словно кусочки мозаики, в восприятие окружающего мира.

Мира машин.

Необузданной эволюции техноса, где человеку на первый взгляд нет места.

Тим невольно поежился.

Крохотные, стабилизированные Максом пятнышки серебристой проказы жгли руку фантомными ощущениями, панорама окрестностей, открывшаяся внутреннему взору, подавляла, сталкеры, спокойно сидевшие в десантном отсеке, казались мифическими существами, наделенными нечеловеческими способностями.

Так оно и было.

Тим почувствовал, как вернулась нервная дрожь, крупными мурашками поползла по спине, стянула кожу на затылке.

– Не дрейфь, – раздался по связи спокойный голос Шелеста. – Втянешься понемногу. Может, и уходить не захочешь.

Тима уже трясло не на шутку.

Несколько секунд он отчаянно пытался справиться с внезапной дрожью, чтобы ответить, не лязгнув при этом зубами.

– Зачем Макс взял меня с собой? – наконец сумел выдавить он. Заданный вопрос все больше и больше тревожил его. Фраза Максима о том, что Светлый Тоннель – его единственный шанс на спасение, выглядела как отговорка. Выжечь скоргов лазером было бы проще, чем тащить его через отчужденные пространства навстречу неизвестности.

– Пожалел, наверное, – пожал плечами Шелест. – Светлый Тоннель, если он действительно существует, – твоя единственная надежда вырваться отсюда, избавиться от скоргов, пока они не «встроились» в обмен веществ организма.

– А как это будет? – затаив дыхание, спросил Тим.

– Понятия не имею, – уклончиво ответил Шелест. – Я и в легенду-то не очень верю.

На самом деле он понимал, из каких побуждений Макс включил в состав группы совершенно не подготовленного к встрече с превратностями аномальных пространств парнишку. На жаргоне сталкеров Тим именовался «отмычкой». Никто не знал, что представляет собой мифический тоннель, действительно ли скапливающаяся в нем энергия воздействует на колонии скоргов, а если да, то каким образом? Проверить можно лишь одним способом – послав кого-то вперед. В этом смысле Тим идеально отвечал

отведенной для него роли. Несколько крошечных пятнышек стабилизированной колонии скоргов не нанесут ему серьезного вреда, даже если вдруг будут уничтожены загадочным излучением, но они определенно послужат в качестве индикатора происходящих в подземельях процессов.

Завязавшийся разговор прервало резкое изменение курса. БТР, сбросив скорость, пошел по спиральному спуску, и Тим непроизвольно сосредоточился на новых ярких картинах, что транслировались в рассудок сканерами экипировки.

Восприятие резко изменилось. Взгляд более не находил открытого пространства, повсюду встречая препятствия. Боевая машина двигалась по широкому спуску, попеременно то с одной, то с другой стороны на фоне головокружения возникали мрачные силуэты угловатых построек старинной АЭС, мелькали уровни металлического леса, блеклые энергоматрицы вспыхивали и тут же исчезали, словно Тим попал внутрь калейдоскопа.

Его начало подташнивать, но БТР внезапно притормозил, прокатился еще несколько метров и застыл на небольшой площадке, примерно в пяти-шести метрах над поверхностью земли. С тихим, вкрадчивым звуком работающих электромоторов повернулось башенное орудие, огрызнулось в багряную тьму тремя короткими очередями, и все стихло.

– На выход! – коротко распорядился Макс.

* * *

С высоты площадки хорошо просматривалась зона тамбура.

Очереди, выпущенные башенным орудием БТР, разметали группу механоидов. Местность впереди озарял мятущийся свет объятого пламенем раптора, сполохи зеленоватого, скользящего над землей сияния да резкие вспышки разрядов энергии, что окольцовывали вихрь, отмечающий центр зоны тамбура. Зрелище подавляло, изредка ослепительные изломанные нити били от вихря в сторону построек атомной станции.

Сталкеры вели себя спокойно. Макс и Монгол подошли к краю площадки, некоторое время о чем-то переговариваясь, всматривались во мглу, разрываемую вспышками молний.

– Нет, я же сказал: группой, по одному маркеру… – услышал Тим обрывок фразы.

– О чем это они? – Он обернулся к Шелесту.

Гонта, облаченный в такой же, как у Тима, боевой скафандр, отошел в сторону, видимо не желая принимать участия в каких-либо разговорах.

– Обсуждают, как лучше идти, поодиночке или группой, – охотно

пояснил Шелест. – Если раздать маркеры каждому из нас, на выходе в Новосибирской зоне получится большой разброс. Учитывая, что тамбур контролируют боевики Ковчега, вариант не из лучших.

– А как иначе?

– Один маркер на всех. Нужно двигаться плотной группой, тогда локальное возмущение Узла захватит всех сразу. Есть, конечно, риск «совмещения», но он невелик. Зато после транспортировки через гипертоннель нас выбросит кучно.

Тим снова поежился. Он почти не помнил своих ощущений после пережитого перехода, но приятного, даже в обрывочных воспоминаниях, было мало.

– Ты, главное, не вздумай бежать, – наставлял его Шелест. – Упал и затих. Примерно с минуту будет плохо, но от этого не умирают, поверь.

– А если эти… егеря?

– Отобьем тебя, не бойся. Я же говорю: главное, не суетись. Замри, пытайся восстановить дыхание. С егерями мы сами разберемся.

– Так, – Макс обернулся. – Двигаемся группой. Гонта, тебя тоже касается. Никакой самодеятельности. Повторяю: идем с одним маркером, после перехода всем залечь, никому не вскакивать, работаем только мы с Монголом. Всё, выгружаем наш подарок, – он кивнул на беспилотный аппарат, застывший в пасти открывшейся аппарели БТР, – и вперед.

* * *

Зона тамбура встретила сталкеров низкими громоподобными раскатами. Вспышки высоковольтных разрядов то и дело рвали сумрак, освещая исковерканный ландшафт, выхватывая из тьмы массивные угловатые здания энергоблоков. Старинные стены пронизывала густая паутина трещин, кое-где, срастаясь с ржавой арматурой, поблескивали побеги металлокустарников.

Тим шел в середине группы. Заросли автонов оборвались внезапно, их как будто отрезало у незримой черты, земля под ногами теперь хранила следы многочисленных искажений, она то дыбилась похожими на ледяные торосы образованиями, то щерилась огнедышащими разломами, то плавно изгибалась пологими волнами.

На фоне искаженного рельефа повсюду виднелись различные вкрапления: обломки зданий, принесенные пульсациями, тонули в твердой растрескавшейся почве, будто в мягком пластилине, их контуры уже мало напоминали части построек, созданных людьми, множество остовов самых невероятных механических существ ржавели под открытым небом, порой

образуя непроходимые завалы, на высоте десяти-пятнадцати метров в воздухе то и дело возникали полосы зеленоватого текучего мерцания, молнии рвали реальность на отдельные высвеченные ими стоп-кадры, казалось, что все происходит не на Земле, а где-то на другой планете…

Внезапно косматый столб мутного воздуха, вращающийся в центре зоны тамбура, на доли секунд осветился мертвенным сиянием, став похожим на чудовищную деформированную колонну из зеленоватого мрамора.

«Микропульсация…» – догадался Тим, и, подтверждая его мысль, метрах в пятидесяти от группы Макса вдруг материализовалось несколько человеческих фигур в боевой экипировке.

Видимо, матерые, опытные сталкеры. Зеленоватые отсветы еще не угасли, а они уже слились с местностью, растворились в сгущающейся подле вихря тьме.

Макс поднял руку.

Группа моментально рассыпалась, занимая укрытия, лишь Тим замешкался, но твердая рука Шелеста, взявшего над ним негласное шефство, заставила его присесть.

Еще раз полыхнуло.

Молнии, бьющие на высоте, вдруг разорвали энергетические цепи, окольцовывающие вихрь, дождем разрядов ударили в землю, оставляя в местах попаданий неглубокие раскаленные воронки, и на фоне внезапного энергетического ливня вдруг проступили зловещие очертания огромного техномонстра, вырвавшегося, словно мифический демон, из таинственных недр Узла.

Внезапный, неконтролируемый ужас парализовал рассудок Тима.

В первый момент ему показалось, что исчадие техноса заслонило собой всё сущее. Огромный техномонстр материализовался в нескольких метрах над поверхностью исковерканной земли, еще секунда, и чудовищной силы удар, сравнимый с толчком землетрясения, выбил в небеса тонны земли, окрестности тут же начали тонуть во взметнувшемся облаке пыли, но сканеры скафандра легко справились с внезапной помехой, не прекратив трансляции данных.

Вместо сумеречного силуэта Тим увидел гибридную модель, построенную его собственным рассудком на основе данных сканирования и реального изображения, промелькнувшего во вспышках молний.

От *такого* восприятия реальности можно сойти с ума за пару минут.

Тим ничего не мог сделать, его мышцы свело судорогой, кончики пальцев покалывало, во рту вдруг стало сухо, а исчадие техноса внезапно

ожило, траки облитых серебром гусениц пришли в движение, царапая остекленевшую почву, затем хрупкая корка начала крошиться под весом исполина, он вздрогнул, пробуксовал на одной гусенице, выворачивая отвалы земли в тяжелом развороте, и вдруг, взвыв мощными электродвигателями, вырвался с зыбкого участка, кроша попавшиеся на пути обломки здания.

Тим неотрывно следил за исполином, постепенно начиная догадываться, что когда-то это чудовище являлось огромным экскаватором – такие машины обычно работают в открытых карьерах.

Понимание не принесло облегчения. Взгляд хоть и выделил элементы исходной конструкции, но понять, что же за создание исторгла пространственно-временная аномалия, по-прежнему было сложно. Тим не обладал должными знаниями и опытом восприятия эволюционировавших механизмов, чтобы адекватно оценить механоида, понять, насколько серьезную угрозу он представляет.

Зато сталкеры, появившиеся в пространстве Пустоши за несколько секунд до исполина, прекрасно осознавали, с чем имеют дело. Для Тима минула целая вечность, но на самом деле прошла всего лишь минута с момента микропульсации. За это короткое время трое сталкеров успели не только справиться с последствиями гиперпространственной транспортировки, но и занять позиции. Намереваясь атаковать гигантского техномонстра, они отбежали метров на тридцать, одновременно расходясь в разные стороны. Укрывшись за обломками зданий, трое сталкеров совершенно безрассудно (по мнению Тима) вступили в бой, как только исполин вырвался из образовавшейся при его падении воронки и подставил борт, развернувшись в сторону построек атомной станции.

Жалящие разряды армганов ударили с трех сторон, впиваясь в бронированную шкуру чудовища. Охотники целили в кабину, где располагалась управляющая колония скоргов. Лазерные лучи с шипением проявлялись в напитанном пылью воздухе, они срубали различные, малопонятные неопытному взгляду металлоконструкции, густо оплетавшие кабину и платформу техномонстра. Схватка вскипела в считаные секунды. Лазерные разряды тускло вспыхивали во тьме, глухие, вызванные мгновенным перегревом взрывы звучали как гром, им вторил звон падающих с большой высоты металлических деталей, корпус механоида уже рдел десятком раскаленных язв, брызжущие фонтанами искры отмечали места наиболее сильных повреждений.

Исчадие техноса на миг замерло, затем его отдельные части пришли в движение: траки гусениц вгрызлись в землю, разворачивая многотонный

корпус, мощный манипулятор распрямил сочленения, вытягиваясь на всю длину, и внезапным боковым смещением нанес удар, очертив многотонным ковшом сокрушительный полукруг, превратив в горы обломков попавшиеся ему на пути фрагменты зданий.

Сталкеры к тому времени уже успели сменить позиции и, пока перезаряжались их армганы, встретили монстра плотным огнем трех «карташей». Огненные трассы прорезали сумрак, крупнокалиберные заряды впились в броню исполина, прошлись по ней цепочками огненных всплесков, выжигая при соударении изрядные куски обшивки.

– Ну, это надолго, – невозмутимо произнес Макс, пристально наблюдающий за происходящим.

Техномонстр наконец задействовал системы вооружений. Рывками продвигаясь вперед, пробивая широкую «дорогу» во вздыбленном ландшафте, он открыл огонь из установленных на кабине импульсных орудий, но сталкеры как будто презирали неимоверную мощь исчадия техноса. Они расчетливо перебегали от укрытия к укрытию, отступая к границе зоны тамбура, появляясь в разных местах, производя по нескольку выстрелов и вновь растворяясь в багряном сумраке.

– По сканерам бьют, – со знанием дела произнес Монгол. – Сначала ослепят, потом срежут вооружения, заманят в металлический лес и там спокойно добьют.

Тиму не верилось, что все происходит наяву.

Неужели трое сталкеров способны справиться с таким чудовищем? Их отчаянная смелость выглядела безрассудством. Исполинский техномонстр тем временем медленно двинулся к границе зоны тамбура, где начинались плотные заросли металлорастений. Его широкие гусеницы давили, перемалывая в пыль фрагменты возвышающихся над землей построек, два ажурных выступа, закрепленных на манипуляторе ковша, сплюнули сгустки плазмы, две ослепительные вспышки лопнули, будто раскаленные волдыри, оставив в истерзанной земле дымящиеся воронки, но это не остановило охотников.

– Хватит глазеть, – раздался по связи голос Макса. – Смыкаемся плотнее. Беспилотник пошел! Двигаемся следом!

Новосибирская зона отчужденных пространств…

Пыль, сумрак, багрянец подземного огня, светло-оранжевый оттенок воздуха, зеленоватые сполохи над энергополями, снопы искр, как будто срываемые порывистым ветром с ветвей металлокустарников, сумеречные контуры руин, зловещие энергоматрицы исчадий техноса, тлеющие на

пределе восприятия сканеров, – вот мир, открывающийся взору сталкеров со склонов трещиноватого холма, увенчанного зданием полуразрушенного универмага.

Зона тамбура Новосибирской зоны отчуждения.

На частотах М-связи сквозь помехи прорывались отдельные фразы боевиков Ковчега:

– Вояки, сволочи!.. Это они послали беспилотник!..

– Аааа… Твари… как больно…

– …Зигмунда вырубило… временно… без мнемотехника…

На склоне холма, ближе к вершине, весело полыхал беспилотный аппарат. Импульсные орудия молчали, зато егеря, поддавшись панике, вели беспорядочный, неприцельный огонь изо всех видов оружия, прочесывая очередями и без того изуродованные склоны возвышенности.

Пули свистели над головами сталкеров, впивались в землю, уходили в рикошет, словно светлячки, взмывали в небеса и там гасли.

Тим судорожно скорчился, отчаянно пытаясь вдохнуть. Все мышцы свело судорогой, боль пульсировала в каждой клеточке.

– Ну ты как? – Макс появился внезапно, будто призрак.

«Всё ему нипочем», – зло подумал Тим, содрогаясь от болезненных ощущений. Постэффекты мгновенного перемещения через Узел казались невыносимыми, он едва сдерживался, чтобы не заорать во весь голос.

– Сейчас полегчает, – пообещал сталкер. Присев подле Тима, он вскинул ИПК, сканируя окрестности.

Рядом возникла еще одна тень. Шелест, судя по запомнившимся царапинам на боевой броне.

– Посмотри, что с пацаном, – приказал Макс.

Закованная в тяжелую броню фигура присела подле Тима. Бионические способности Шелеста в данном случае не играли решающей роли, для эффективного воздействия на организм необходимо наличие в крови сталкера наномашин-симбионтов. А у «мотылька», как известно, они отсутствуют.

– Ну? – не прекращая сканирования, вновь спросил Макс. – Шелест, торопись. Поставь его на ноги. Уходить надо.

– Проблемы? – Из сумрака вынырнула фигура Монгола.

– Пока все нормально. Наш план сработал, – ответил Макс. – Егеря сыплют проклятиями в адрес военных. Судя по сигнатурам, что удалось засечь, их в здании универмага человек тридцать. Мнемотехники временно вне игры. Импульсные орудия тоже, но это ненадолго.

– Засекли нас?

– Пока нет. Где Гонта?

– Не видел его, – пожал плечами Монгол. Отыскав удобную позицию, он с невозмутимым видом изготовился к стрельбе, демонстрируя завидное хладнокровие. – Действуй, Макс, я прикрою.

* * *

Гонта в этот момент решал для себя нелегкую задачу.

Микропульсация выбросила его метрах в пятидесяти от основной группы. Он достаточно быстро пришел в сознание, преодолел слабость, справился с перехватившим дыхание приступом дурноты и теперь получил возможность действовать.

Сканирующий комплекс бронескафандра автоматически реактивировался в режиме пассивного приема данных. Имплантами, сросшимися с плотью, Гонта не воспользовался, они напоминали о себе лишь ощущением нестерпимого жжения, которое он упорно игнорировал. Сканирующий комплекс собирал данные, постепенно формируя на проекционном забрале подгружаемую карту местности с нанесенными на нее отметками энергетических аномалий. Несколько десятков стушеванных маскирующими полями термальных всплесков, по всей видимости, отмечали позиции боевиков Ковчега, блокирующих зону тамбура.

Гонта медленно повернул голову.

Картинка на проекционном забрале начала смещаться, чуть «притормаживая» при подгрузке новых данных. Сканеры боевого скафандра никуда не годились в сравнении с самым простеньким расширителем сознания, но Гонта еще не решил, как действовать дальше, и не торопился обнаружить себя включением в локальную сеть группы.

«Половина целей ложные, – подсказывал опыт. – Часть сигналов я попросту не фиксирую. Сколько боевиков блокируют зону тамбура и где их истинные позиции, пока непонятно. Факт, что в состав боевых групп Ковчега обязательно входят метаморфы и мнемотехники, – с этим обстоятельством приходилось считаться, оценивая показания электронных систем экипировки.

Непонятно, где Макс и остальные. На сканерах он не видел позиций группы, хотя понимал, что сталкеры находятся неподалеку. Если действовать, то немедленно. Спровоцировать огневой контакт и уходить, но вырвусь ли?»

Гонта попытался трезво оценить свои шансы на успех. Наивно было полагать, что зона тамбура блокирована только с двух направлений, где он четко фиксировал энергетические матрицы, сопоставимые с фоновыми

излучениями от работы систем тяжелых бронескафандров. Нет. Боевиков больше, чем показывают датчики. А еще где-то там позиции снайперов, – он взглянул в сторону сумеречных очертаний металлических деревьев, вздымающихся отдельными рощицами по внешнему периметру зоны тамбура.

«Нет. В одиночку не вырвусь. А жаль».

Приняв решение, он мысленным усилием задействовал мью-фон, включаясь в локальную сеть группы на защищенной частоте.

На проекционном забрале тут же появилось несколько зеленых маркеров. «Всего пятьдесят метров. Хорошо, что не стал рисковать. Они бы всё поняли. Ладно, Макс, я терпеливый. Подожду более удобного случая», – с такой мыслью Гонта совершил первую короткую перебежку.

* * *

– Где тебя носит? – зло прошипел Максим, когда Гонта появился в поле зрения.

– Импланты сбоят, – сухо ответил тот, спускаясь по оплывшему скату давней воронки. – А вас и с пяти шагов не видно.

Макс ничего не ответил, зато в рамках локальной сети начался обмен данными между чипами мью-фонов. Гонта мысленно усмехнулся. Так и есть, все цели, зафиксированные сканерами экипировки, – ложные. Глупо недооценивать противника. Егеря занимали позиции тремя группами, сосредоточившись в укреплениях на вершине холма. Три концентрические окружности, отмеченные Максом как рубежи сигнальных систем, на местности совпадали с порослью металлорастений. Над автонами, наверное, поработали мнемотехники Ковчега, сформировав в структуре металлокустарников нужные типы датчиков.

Редкие рощицы древовидных автонов, вздымающиеся к хмурым небесам за периметром зоны тамбура, были теперь отмечены как позиции снайперов.

Грамотно, ничего не скажешь.

Три укрепленных поста, где в данный момент сосредоточились основные силы боевиков, располагались на вершине холма, увенчанного мутным конусом вращающегося воздуха. Здание старого универмага, где и засели егеря, было искажено многочисленными пульсациями, его стены зияли темными провалами, кое-где проломы заложили мешками с грунтом, чуть ниже по склону громоздились кольцевые отвалы сожженной, ржавеющей под открытым небом техники.

Спуститься по склону незамеченным – задача не из легких. Егеря,

засевшие в старой постройке, полностью контролировали изрытое траншеями, перепаханное гусеницами механоидов, покрытое остекленевшими язвами воронок пространство. Учитывая, что их в любой момент поддержат огнем снайперы, засевшие в густых кронах металлических деревьев, сама возможность силового прорыва выглядела нереальной.

Так думал Гонта, но Макс придерживался иного мнения.

Теперь, когда группа в сборе, а Тим, после усилий Шелеста, пришел в себя и может нормально передвигаться, ситуация не казалась Максиму безвыходной. Егеря – серьезные противники, но и они не всесильны.

– Как будем действовать? – Гонта первым не выдержал затянувшейся паузы.

– Действовать буду я, – ответил Макс. – Меня прикрывает Монгол. Ты, – он повернулся, ожег Гонту пристальным взглядом, – ты работаешь в паре с Шелестом, отвечаете за Тима. Огонь без моей команды не открывать, что бы ни случилось. Понятно?

– Нет, – насупился Гонта. – Ничего мне не понятно. Что делать, если егеря нас заметят?

– Дистанционно они вас не обнаружат. А носиться по склонам им ни к чему. Так что сидите тут тихо, – с усмешкой ответил Макс.

– Ты не можешь ничего гарантировать!

– Заткнись, – посоветовал Гонте Монгол. – Если на тебя выскочит егерь, просто убей его. В других ситуациях – сидеть тихо, первыми огонь не открывать. Что тут непонятного?

* * *

Максим уже не слушал диалог Монгола и Гонты.

Прорыв через зону Новосибирского тамбура представлял собой сложную задачу. Для преодоления ковчеговских заслонов сталкеры применяли десятки различных приемов, начиная от тривиального подкупа, что работало в большинстве случаев, до самых изощренных методов маскировки. «Мотылькам» в этом смысле проще, они через зону тамбура не ходят, а пересекают Барьер с проводниками, некоторое время орудуют в отдельно взятом отчужденном пространстве и уходят тем же путем, через границы гравитационной аномалии.

Мысли не мешали Максиму осуществлять подготовку к мнемотехническому воздействию. Он не торопился, ждал совпадения необходимых факторов, чтобы его вмешательство не вызвало подозрений и было бы списано на слепую игру стихий.

На самом деле Ковчег не столько блокирует, сколько фильтрует поток сталкеров, перемещающихся между отчужденными пространствами, преследуя две цели – не допускать в Новосибирскую зону и не выпускать из нее тех, кто не в ладах с группировкой, а с остальных брать мзду.

В случае с Максом бескровные варианты не работали в принципе.

Генрих Хистер многое бы отдал, чтобы заполучить Максима в свои лаборатории. За ним не прекращалась охота даже на территории Ордена, где Ковчег имел очень слабые позиции.

Монгол и Шелест прекрасно понимали, что договориться с боевиками не удастся и в случае силового прорыва драться придется насмерть.

Тим и Гонта оставались в неведении относительно ближайших перспектив. Они надеялись на лучшее, а Макс уже начал работать.

С точки зрения неискушенного наблюдателя, на исковерканных склонах холма, увенчанного приземистым зданием универмага, ничего не изменилось, но наблюдатели Ковчега почему-то всполошились: в проломах, оборудованных как огневые точки, промелькнуло несколько фигур, затем вдоль склонов устремились узкосфокусированные потоки сканирующего излучения, – боевики явно почувствовали неладное и теперь пытались определить причину внезапного сбоя глобальной системы обнаружения.

Макс не шевелился. Его рассудок погрузился в виртуальную реальность, чип мью-фона вел передачу данных на частотах, недоступных для мнемотехников Ковчега.

Поднявшийся ветер нес пепел и серебристую пыль. Низкие клочковатые облака, наполовину состоящие из скоргов, были явными предвестниками приближающейся бури. Их появления и ждал Максим. Теперь он мог действовать. Его группу не обнаружили, а значит, мнемотехники Ковчега, придя в себя после внезапного удара ЭМИ, спишут сбой рубежей обнаружения на серебристую пыль, которую нес усиливающийся с каждой минутой ветер.

В редкой поросли металлорастений, тремя концентрическими окружностями опоясывающей холм, внезапно начали происходить изменения. Ветви автонов зашевелились, часть из них по непонятной причине утратила прочность, среди выращенных мнемотехниками Ковчега датчиков проступили капельки серебристого расплава, и в четкой, недвусмысленной картине восприятия окружающего внезапно появились помехи и искажения.

– Проклятая непогода! – выругался один из мнемотехников. – Что за день сегодня?! Сначала вояки подгадили, теперь скоргов ветром надуло… Фридрих, что у тебя?

– Рубежи замыкает.

– Вызвать бригаду очистки?

– А толку? Фронт бури только приближается. Скоро металлические «сугробы» наметет… Позже вызовем.

Макс слушал их переговоры, продолжая начатое воздействие.

На самом деле металлические частицы, принесенные ветром, до некоторого предела абсорбировались автонами, никак не влияя на работу датчиков. А вот воздействие Макса вело к появлению новых структур, которые и вызывали неполадки.

По опаленной, исковерканной многими схватками земле медленно поползли серебристые прожилки, соединяя между собой отдельные металлические растения, такие же «нити» потянулись от металлокустарников к нагромождениям подбитой техники. Макс действовал грубо, но расчетливо, он не тратил силы на эффектные демонстрации мнемотехнических способностей – он попросту соединил модифицированные металлические растения с массой нагроможденного вокруг металла, полностью парализовав работу систем обнаружения первого рубежа.

Теперь следующее кольцо…

* * *

Погода тем временем резко ухудшилась.

Взбесившийся ветер налетал шквалистыми порывами, вздымал тучи пепла и мелкой серебристой пыли, видимость (без расширителя сознания) мгновенно упала до нуля – вытяни руку, и ее поглотит беснующаяся мгла.

Используя импланты, сталкеры видели окружающее в радиусе десяти-пятнадцати метров. Тим, при работе всех сканеров бронескафандра, мог различить контуры предметов на дистанции в пять-шесть метров, не дальше.

Ну всё… Каюк…

Оказалось – нет.

– Макс, чего ждем? – голос Монгола прорвался сквозь внезапно накативший треск помех. – Самое время для рывка. Снайперам ни зги сейчас не видно. Да и не попадут они при таком ветре!

Действительно, вокруг уже бушевал настоящий ураган. Вросшие в потрескавшуюся землю проржавевшие остовы механоидов гулко подрагивали на ветру, один из «кузовов» внезапно подняло в воздух и, переворачивая, унесло во мглу.

– Третий рубеж еще работает, – зло ответил Максим. – Я до него не

«дотянулся». Мнемотехники что-то заподозрили.

Тим ничего не понимал. Подумаешь – рубеж обнаружения. Да что егеря сделают в такую непогоду? Не видно же ничего, хоть со сканерами, хоть без них…

Из беснующегося сумрака выдавилась фигура Шелеста.

Заметив, что Тим привстал, пытаясь вытянуть шею (совершенно бесполезное занятие, когда на тебе надет бронескафандр), он одной рукой заставил его сесть, другой без видимого усилия вскинул увесистый ИПК – оружие бесшумно выпустило сошки, вонзилось ими в мерзлую, комковатую землю.

– Не дрейфь, пацан. Прорвемся!..

– Что случилось-то? – Тим вообще потерял ориентацию в пространстве. Сканеры вязли в сумеречной мгле, поднятые в воздух металлические пылинки блокировали их работу, медленно, но неуклонно снижая радиус эффективного сканирования.

– Макс третий рубеж не успел вырубить.

– Ну и что?

– Ничего, – огрызнулся Шелест, но спустя пару секунд все же пояснил: – У егерей кабели от датчиков в земле проложены. Буря им не помеха. Засветимся, нас тут же из орудий расстреляют.

– И что теперь? – У Тима мгновенно пересохло во рту.

– Присядь, не мельтеши! Макс разберется…

Максим злился. Вот так бывает, чуть запоздал с воздействием, и тщательно продуманный план тут же начал рушиться. Серебристая пыль глушила М-связь, и он не успел полностью нейтрализовать самое дальнее кольцо сканеров.

– Мнемотехники спускаются, – сообщил Монгол. – Егеря в прикрытии. Группа из шести бойцов…

– Вижу, – откликнулся Макс. Он понимал, нужно спуститься ниже, сократить дистанцию, успеть привести в негодность датчики третьего рубежа, прежде чем мнемотехники Ковчега их осмотрят. – Гонта, Шелест, если что – прикроете огнем. Монгол, спускаемся на тридцать метров. Пока они исследуют верхние рубежи, я разберусь с последним. Давай, оружие за спину, прикроешь меня искажением.

– А если не успеешь?

– Буду валить мнемотехников.

– Может, я? – недовольно буркнул Монгол.

– Нет. Незачем егерям «визитные карточки» оставлять. Боеприпасы у тебя слишком приметные.

– Ладно. Работаем, Макс.

Фигуры сталкеров исчезли, растворившись в беснующейся мгле.

* * *

Тим сжался. Ничего не мог поделать с собой. Нервы на пределе. Дрожь стала уже привычной, окатила ознобом и ушла. Импульсный автомат он держал наготове, но толком не представлял, как и что делать, случись внезапное столкновение.

– Тихо ты. – Шелест обернулся. – Макс свое дело знает. Без боя пройдем…

Его фразу прервала внезапная пульсирующая вспышка. Полосы холодного света пронзили мглу, словно ледяные стрелы, и тут же угасли.

Микропульсация? Тим уже понемногу начал разбираться в аномальных явлениях – такой же пульсирующий сполох он видел в Пустоши, когда из вращающегося вихря появились трое сталкеров, а следом за ними – тот огромный техномонстр…

Не видно ничего. Сканеры берут уже на пару метров, не больше. Все, что удалось рассмотреть – это смутные очертания разбросанных по склону, ржавеющих тут механоидов.

* * *

Монгол, заметив вспышку, остановился.

Кто-то появился в зоне тамбура.

Он выждал секунду, другую, но наверху не взъярилась стрельба. Позиции боевиков Ковчега глухо молчали, хотя вспышка была серьезной, выбросило либо крупный объект, либо многочисленный отряд сталкеров.

Он на секунду задействовал активные системы поиска.

Фанатики! Три десятка бойцов! Во главе, судя по метке мью-фона, Молох. «Тесен мир», – мысль проскользнула спокойно, без злобы. Судьба ли, слепой случай или просто невезение, но боя теперь не избежать. Монгол сдернул с плеча автомат, присел, оценил случайное укрытие.

– Макс!

Тот остановился. Тяжелый ИПК в руках сталкера выглядел большим, громоздким не по росту и весу, но внешность обманчива, Максим легко управлялся с оружием.

– Фанатики в тылу!

– Вижу.

– Не разойдемся.

Максим машинально кивнул, хотя Монгол его не видел, а по

сигнатуре жеста не определить. В иной ситуации он бы не сомневался ни секунды, как поступить, принимать ли бой? Но это когда действуешь в одиночку или с проверенным напарником, тем же Монголом. А сейчас группа разделена надвое, и оставшиеся в прикрытии сталкеры никакого доверия в плане боевого опыта не внушают. Тим вообще не в счет, он балласт. Шелест хоть и бывший военный, но надежды на него немного. Разве что Гонта, но тот – темная лошадка, неизвестно, как себя поведет в критической ситуации.

Группа боевиков не задержалась у вершины холма дольше, чем нужно для обмена двумя-тремя фразами с засевшими там егерями. У Ковчега с Пламенным Крестом затянувшееся перемирие. Обе группировки люто ненавидят Орден и военных. Этого достаточно, чтобы не рвать друг другу глотки, а действовать сообща или (по ситуации) сохранять нейтралитет.

Сегодня, похоже, коридор для отряда фанатиков был оговорен заранее. Значит, дело у них серьезное. Какого же черта вы приперлись так некстати? – Макса злили подобные неувязки.

– Шелест, Гонта, не дергайтесь. К вам приближается отряд фанатиков. Мы их уведем в сторону. Нас не ждите, – встретимся, как договаривались, в двух кварталах от тамбура. Как приняли?

– Отчетливо, – голос Шелеста все же дрогнул, выдал внезапное волнение.

– За Тимом следите. Отбой.

* * *

Группа егерей, сопровождавшая двух мнемотехников, задержалась у первого поврежденного воздействием Макса рубежа обнаружения.

Фанатики уже начали спуск. Растянувшись длинной колонной, они шагали след в след, змейка отряда огибала препятствия, уже находясь в опасной близости от троих сталкеров, затаившихся среди груд исковерканного металла.

– Монгол, отвлеки их!

Макс стремительно метнулся вниз по склону в поисках подходящего укрытия. Вскинув ИПК, он повел стволом, выцеливая мнемотехника.

Кроткая очередь ударила сухо, но звук выстрелов поглотил порыв ветра.

Мнемотехник дернулся, начал мешковато оседать на землю, сопровождавшие его боевики тут же метнулись к ближайшим укрытиям, – в беснующейся хмари они не смогли определить, кто и откуда открыл огонь, а в такой ситуации своя жизнь дороже.

– Монгол, работай один!

Макс, ликвидировав мнемотехника, продолжил спуск. Сейчас главное – вырубить третий рубеж. Иначе никому из них не уйти со склонов холма живым. Даже в такую бурю очередь импульсного орудия, выпущенная по четко зафиксированной датчиками сигнатуре, – это смертный приговор.

Сократив дистанцию, почувствовав, что импланты наконец вошли в контакт с самым нижним рубежом модифицированных металлорастений, Максим замер, возобновляя мнемотехническое воздействие.

О егерях, что остались за спиной, он сейчас не думал, как и о многочисленной группе фанатиков, спускавшихся по склону. Либо Монгол отработает чисто, либо нам крышка.

Частички серебристой пыли, налипшие на автоны, нехотя начали собираться в тягучие капли. Ветер срывал их с веток, трепал создаваемые Максом тонкие нити, осложняя и без того трудную задачу.

Он стиснул зубы, усиливая воздействие.

* * *

Монгол размениваться по мелочам не стал. Тем более что фраза Макса относительно «визитной карточки» прозвучала вполне весомо. Незачем оставлять явные следы.

Проскользнув меж двух желтоватых вросших в землю бетонных глыб, он метнул плазменную гранату и тут же отпрянул назад, присев за укрытие.

Полыхнувшая вспышка разорвала змейку отряда фанатиков ровно посередине.

Беснующаяся непогода поглотила ярчайший всплеск разрыва, и тут же сомкнула тяжкий, напитанный металлическими частицами сталисто-пепельный саван.

Из-за свирепого завывания ветра вопли раненых и проклятья выживших звучали отдаленно, невнятно.

С позиций егерей, что прикрывали погибшего мнемотехника, заполошно ударили три «карташа».

Шквал неприцельных очередей резанул по склону, вздыбился всплесками попаданий, краем задел отряд боевиков секты, и те, не выдержав, огрызнулись, рассыпаясь по укрытиям.

Коварная это штука – вооруженный нейтралитет. Монгол перекатом ушел ниже по склону в примеченную загодя воронку.

Буря.

Неистовые порывы ветра, вездесущий пепел и металлическая пыль мгновенно стерли промелькнувшие активные сигнатуры, Макс отработал

на «отлично» – расчеты орудий не получили никаких указаний от третьего рубежа датчиков.

С вершины зачастило импульсное орудие, снаряды пронеслись вдоль склона, взрывая фонтанами огня и щебня попадающиеся на пути препятствия. Выпущенная наугад очередь только усилила неразбериху.

Пока на частотах Ковчега ярилась ругань, Макс вышел на связь:

– Я вырубил последний рубеж! Отходим! В темпе!

Монгол был солидарен с таким решением. Всех уродов не завалишь, как и всех денег не заработаешь. Хорошего понемногу. Пусть грызутся между собой…

В этот миг одновременно заработали сразу два импульсных орудия. Снаряды с воем проносились над головой, приглушенные вспышки разорвали мутную кашу ниже и чуть правее по склону.

Неужели наши попались?! Снайпера их засекли?

Метров через двадцать он нагнал Макса.

Орудия еще раз огрызнулись и замолчали, потеряв цель.

Свежие воронки появились через полсотни шагов. Максим на миг остановился, сканируя окрестности. Остаточных сигнатур не видно. Может, и обошлось. Хотя потеря мнемотехника для Ковчега как пощечина. Бросят отряды на прочесывание окрестностей, тут и гадать не нужно. Еще и фанатиков каким-то ветром принесло. Знать бы, зачем они здесь?

Сзади показалась фигура Монгола.

– Трупов не заметил, – сообщил он. – Били неприцельно. Как думаешь, наши проскочили?

– Поживем – увидим, – буркнул Макс. – Пошли, пока буря в разгаре. Нам еще мимо снайперов топать.

Монгол мысленно вызвал электронную карту местности.

Чипы мью-фонов троих сталкеров не сканировались. Непогода блокировала сигналы.

На склоне холма вновь вспыхнула перестрелка. Видимо, боевики секты, дезориентированные взрывом плазменной гранаты, нарвались на егерей, тащивших труп мнемотехника, и, не распознав, кто есть кто, вступили в бой.

«Нервные какие, – мысленно усмехнулся сталкер. – Вот воя-то будет, когда разберутся…»

Еще сотня шагов, и граница зоны тамбура осталась позади.

– Забираем правее, – пришел приказ Макса.

– С чего вдруг? – Монгол не видел причин для такого маневра.

– Впереди две группы механоидов. Первые движутся к кварталу руин.

Там сканируется слабое энергополе.

– Ну и?

– Делай, что говорю. Не одни мы непогоду используем. Вторая группа – «драконы». На охоту вышли.

– Понял, поворачиваем.

* * *

Группа модифицированных техносом боевых машин скользила в небе под прикрытием пылевого облака.

Внизу яркими раздражающими проблесками сканировались энергоматрицы крупных наземных механических форм.

В отчужденных пространствах мало кто решался вступать в открытое единоборство с «драконами». Единственным исключением из правила являлись «бронезавры». По огневой мощи они не уступали летающим созданиям, воспринимая их появление как вызов.

Трудно сказать, была ли вражда между «драконами» и «бронезаврами» наследием прошлого, данью вечному антагонизму между штурмовыми вертолетами и наземной бронетехникой или здесь сказывалась разгорающаяся в отчужденных пространствах эволюционная борьба между различными «ветвями» техноса, но два этих вида механических существ никогда не упускали возможности вступить в схватку.

Тим, Гонта и Шелест пробирались через квартал руин, когда сквозь завывание пепельной бури чуткие микрофоны экипировки уловили лязг.

– Ждите здесь! Я разведаю! – Гонта метнулся к окну здания, вжался в простенок, затем осторожно выглянул наружу. Такой способ наблюдения имел свои преимущества. Судя по лязгу, неподалеку двигались весьма тяжелые и опасные исчадия техноса. Сканировать улицу, выдавая свое присутствие потоками встречного излучения, сталкер счел слишком опасным.

Интуиция не подвела.

Картина, открывшаяся взгляду, вызывала оторопь. Колонна тяжелой бронетехники медленно втягивалась в ущелье улицы. «Бронезавры» двигались настороженно, стволы их орудий находились в постоянном движении, скорости и точности прицеливания позавидовали бы самые продвинутые из современных артиллерийских комплексов – доли секунд требовались многотонным исчадиям, чтобы резко повернуть башню, одновременно опуская либо поднимая стволы на нужный угол.

Наблюдать за мгновенным прицеливанием было, честно говоря,

жутковато.

– Тим, Шелест, вырубайте сканеры! – сдавленно произнес Гонта.

Почему «бронезавры» не стреляют, он догадался, лишь понаблюдав за их поведением в режиме пассивного приема.

Вокруг в руинах таилось множество смазанных, нечетких энергоматриц, выдающих присутствие всяческой механической нежити. Из-за разбушевавшейся непогоды, несущей по воздуху миллиарды металлизированных частиц, было сложно определить, насколько опасен затаившийся в руинах противник. Нужно отдать должное эволюционировавшим танкам – они реагировали мгновенно, но, убедившись в несоразмерности попавшего под прицел объекта, воздерживались от ведения огня, предпочитая экономить энергию и боеприпасы.

Гонта завороженно наблюдал за огромными и жуткими исчадиями технической эволюции. Они вели себя как наделенные зачатками разума существа и оттого казались еще более зловещими. Не размениваясь по мелочам, они неторопливо двигались к какой-то понятной только им цели.

Наверное, если б техномонстры крушили все на своем пути, тупо сметая препятствия, уничтожая любой источник энергетической активности, Гонта ощущал бы сейчас свое превосходство над «чугунками», а так – хотелось отпрянуть от окна, потому что по улице двигались жуткие создания, наделенные инстинктами эволюционной борьбы, вполне осознающие себя полноправными хозяевами аномальных пространств.

В их поведении сочетались признаки работы компьютерных программ и некоторых не подчиненных логике действий. Гонта отчетливо видел, как два исполина вдруг сблизились, потерлись бортами друг о друга, сдирая окалину, затем, двигаясь в паре, свернули в просвет руин, где серебрилась поросль металлорастений, вломились в самую гущу металлокустарника и некоторое время *нежились* в потоках бьющих со всех сторон искр, словно принимали энергетический душ и испытывали от этого явное удовольствие.

Гонта с ненавистью смотрел на огромных исчадий. Он относился к той категории людей, кто боится и ненавидит всё, что не в силах обуздать, объяснить или сломать, на худой конец.

Тем временем колонна «бронезавров» полностью втянулась в теснину улицы. Два отбившихся от «стада» исполина, завершив прием энергетического душа, вернулись к собратьям, по пути продемонстрировав наблюдавшему за ними сталкеру еще одну весьма необычную, нехарактерную для боевых машин деталь поведения.

Посреди улицы располагался участок ровного, даже не потрескавшегося асфальта. Вокруг вздымались горы строительного мусора, а на небольшом отрезке сохранившегося дорожного полотна не было видно даже мелких камешков.

«Топь», или «зыбучий асфальт». Ловушку называли по-разному, но суть ее воздействия от этого не менялась. На самом деле посреди улицы располагалась воронка, заполненная непомерно разросшейся дикой колонией скоргов. Миллиарды наномашин ждали жертву, из которой будет воссоздан их носитель. Они имитировали участок асфальта, но горе тому, кто по неосторожности попадет на «твердую» поверхность.

«Бронезавры» объезжали участок «топи» краем улицы, без усилий взбираясь на отвалы строительного мусора, ровняя с землей невысокие огрызки стен, лишь один, видимо не так давно преобразованный техносом танк, – если Гонте не изменяло зрение, это был музейный «Т-34», – продолжал двигаться прямо. Должно быть, управляющая им колония скоргов еще не успела накопить достаточного «жизненного опыта», чтобы распознать потенциальную опасность, исходящую от фрагмента зыбучего асфальта.

Два «бронезавра» постарше резко увеличили скорость, взметнулась пыль, траки их гусениц давили в мелкий щебень обломки кирпича и бетона. Двигаясь наперерез «тридцатьчетверке», они остановили «малыша» за десяток метров до ловушки. Подталкивая стволами орудий, они заставили его изменить курс, показали обходной путь.

Гонта с внутренним содроганием наблюдал за поведением техномонстров.

Мертвые глыбы металла, демонстрирующие качества, присущие живым существам. Что может быть страшнее?

Он не успел ответить на заданный самому себе мысленный вопрос.

Головной «бронезавр» находился в одном квартале от здания, где затаились сталкеры, когда из мутной, сминаемой ветром пелены над вершинами полуразрушенных зданий появился не менее зловещий, но намного более стремительный контур.

«Дракон», вырвавшийся из пепельной облачности, шел курсом атаки.

Сумеречный силуэт модернизированной техносом «Пустельги» взорвался огнем. Одновременно заработали курсовые импульсные орудия, разрядились расположенные по бортам лазеры, с оружейных подвесок стартовали ракеты.

Доли секунд техногенной схватки спрессовывают в себе множество событий.

Ответная реакция «бронезавров» была мгновенной. Руины осветились частыми вспышками зенитного огня, машины выпускали ложные цели, резко маневрировали, уклоняясь от попаданий, рассредотачиваясь, но «Пустельга», вспоров пространство улицы длинными очередями автоматических орудий, обозначив пытающиеся вырваться из зоны поражения цели всплесками разрывов, подсветив их лазерными лучами, исчезла во мгле, а вслед за ней из пепельных облаков появилось уже целое звено «драконов».

Их атака, как и противодействие потенциальных жертв, наводила жуть, низвергала рассудок в пучину животного ужаса.

Смертельные, грациозные, стремительные машины обрушили на «бронезавров» титаническую огневую мощь, при этом ни один снаряд, ни одна ракета или лазерный разряд не были направлены для удара по площадям – каждый из «драконов» «вел» десятки целей, под ураганный обстрел попали не только крупные представители техноса, досталось и множеству мелких тварей, что таились в руинах.

Пять или шесть «бронезавров» вспыхнули, одного перевернуло ударами взрывных волн, остальные вели ответный огонь в движении, постоянно маневрируя, проламывая широкие просеки в руинах, сумрак пылевой бури превратился в ослепительный полдень, воздух пылал, в здании, где прятались сталкеры, по стенам прыснули трещины, часть фасада начала оседать, рушась в пространство улицы, Гонту отшвырнуло от окна, словно тряпичную куклу, – не будь на нем бронескафандра, он бы погиб от баротравм и переломов просто потому, что оказался в опасной близости от титанической схватки.

Через несколько минут он сумел привстать, стряхивая обломки кирпича, повел взглядом, дико озираясь по сторонам.

В полусотне метров от позиции сталкеров, вращаясь, падал «дракон». Его металлическая шкура зияла множеством пробоин, изнутри рвались языки пламени, лопасти двух соосных винтов еще резали мглисто-оранжевый воздух, но участь захваченной техносом «Пустельги» уже была предрешена – еще секунда, и глухой удар потряс землю, ослепительный выброс пламени ударил в небеса, следом полыхнуло еще и еще раз…

Пошатываясь, цепляясь за огрызки стен, Гонта в самоубийственном исступлении упорно пробирался назад, к рухнувшей части фасада, откуда мог взглянуть на разворачивающиеся события без посредства сканеров или имплантов.

Он просто боялся задействовать электронику. Способности метаморфа у него отсутствовали, и среди битвы машин в распоряжении

Гонты оставался единственный способ маскировки – понизить до минимума энергопотребление систем бронескафандра и не раздражать исполинов направленным на них сканирующим излучением.

Добравшись до иззубренной границы обвала, он затаился.

Бой уже закончился.

В пространстве улицы пылали девять подбитых «бронезавров» и два изувеченных «дракона». Куда подевались остальные машины, оставалось только гадать.

Гонта испытал внезапное облегчение, граничащее с чувством эйфории.

«Я жив…»

Мысль билась в опустевшем рассудке, вызывая нервную дрожь, взгляд блуждал по неузнаваемо изменившимся окрестностям. Он уже понял, что выжить в отчужденных пространствах ему не под силу. Скорость и качество эволюционных изменений техноса не поддавались осмыслению.

– Тим, Шелест, как вы? – сипло выдавил он, пытаясь унять бьющий мурашками озноб.

– Бывало и лучше… – раздался по связи ответ Шелеста. – Что там снаружи?

– Бой закончился… – Гонта вдруг вздрогнул, уловив характерный звук работающих сервомоторов. На несколько мгновений он задействовал сканеры и ужаснулся – к месту недавней схватки спешили десятки среднеразмерных механических тварей.

– Ну и местечко выбрал Макс для точки сбора… – тихо произнес Гонта. – Шелест, сюда движутся механоиды. Надо уходить!

– Нет.

– Почему?

– Ты сканеры не отключай, поймешь.

Гонта зло скрипнул зубами. Задействовать системы обнаружения ему было попросту страшно.

– Шелест, толком объяснить можешь? Что случилось?

– Макс с Монголом недалеко. Их маркеры появились минуту назад.

Новосибирская зона отчужденных пространств…

Шел проливной дождь.

Пепельная буря улеглась. В теснине улицы пылали машины. Скелеты зданий рвались ввысь, вонзались во тьму, отсветы пламени заглядывали в пустые, мертвые окна нижних этажей.

Отовсюду слышались ноющие звуки работы сервомоторов. Они приближались, становились отчетливее, визгливо рвали по нервам.

– Технос. – Макс как будто сплюнул скрипящее на зубах слово.

– Что технос? – нервно озираясь, переспросил Тим.

– Воюют между собой. И это нехорошо.

– Почему?

– Нам проблем прибавляется, – скупо ответил Максим, а затем добавил: – Количество механических тварей постоянно прирастает, ввяжешься в бой с одним – тут же еще с десяток приползет. Как сейчас, например, – он выразительно очертил рукой окрестные руины, затем перевел взгляд на пылающих «бронезавров». – Да и под такую вот раздачу попасть для сталкера, считай, верная смерть.

– И что же делать?

Макс усмехнулся.

– Тебе – не напрягаться, – приободрил он Тима. – А мы понемногу привыкаем. Адаптируемся.

Монгол тем временем запрыгнул на ближайший, уже обуглившийся и теперь лишь истекающий едким дымом корпус «бронезавра», ударом кулака, с «перчаткой» из фрича проломил обугленную броню, вскрыв внутренний отсек.

– Макс, притормози. Тут арпогреб уцелел. Штатные заряды для ИПК, энергоблоки и плазменные гранаты, – перечислил он содержимое ячеек боевого эскалатора. – Забираем, лишним не будет.

– Добро. – Максим остановился. – Гонта, помоги Монголу. Тим, к стене. Шелест, со мной.

Звуки сервомоторов слышались уже в гулких пустых этажах окрестных зданий.

– Они идут, – не выдержав, глухо произнес Шелест.

– Слышу. Нам все равно не вырваться без боя.

– Зачем мы воюем, Макс?

– Это не война, Шелест.

– Работа?

– Это наша жизнь, – Макс ответил тихо и серьезно.

Импланты выли тревогой.

Механические твари приближались. Они шли за законной добычей, их интересовали остатки поверженных «бронезавров», а сталкеры…

Сталкеры – лишь букашки на пути тяжелой эволюционной поступи техноса.

– Монгол, долго возишься!

– Уже готово! Гонта, забирай гранаты и погнали!

«Наша жизнь…» – бились в рассудке Шелеста слова Макса.

Он вскинул «шторм», попятился, внезапно почувствовал спиной спину Монгола, который застыл, держа на прицеле оконные проемы соседнего здания.

Спина человека. Друга.

«Этим мы отличаемся от машин? Тем, что у нас всегда остается мечта, надежда, что мы можем хоть иногда действовать вот так – спина к спине?»

Первые вспышки выстрелов разорвали сгущающуюся тьму.

– Энергоматрицы повсюду! – Гонта нервно крутанулся, прошив длинной очередью чернеющие в стенах проломы.

– Идем через здание! – Макс скинул по локальной сети маркер направления. – Там всего пять механоидов!

Из глубины первого этажа, сметая остатки межкомнатных перегородок, ударило мелкокалиберное импульсное орудие, с противоположной стороны улицы из руин резанул лазерный разряд.

Мимо.

Почему мимо, когда у машин самые совершенные системы наведения?

Все-таки Шелест был немного не от мира сего. Как можно задаваться техническими вопросами в такую секунду?

«Этим мы тоже отличаемся от машин?»

Макс и Монгол исчезли в сумраке здания. Тим и Гонта последовали за ними, Шелест теперь шел замыкающим.

– Обойдем поверху! По второму этажу! – Монгол указал на лестничные марши.

– Нет! – Макс поднял ИПК. – Они станут бить в потолок и обрушат остатки здания! Приготовь плазменную гранату! Установи вариатор на четверть мощности!

На улице раздался лязг раздираемого металла. Кто-то уже мародерствовал, взламывая корпуса сгоревших «бронезавров» и подбитых «драконов».

Хорошо. Это надолго задержит многочисленных механоидов, подтянувшихся к месту недавней схватки. Им есть чем заняться.

– Готов? Погнали! – Макс резко выскочил в коридор, ведущий через весь этаж, пробежал метров десять, резко притормозил у дверного проема.

Монгол мотнул головой, словно ему врезали по лицу, – это Макс ударил мнемотехническим воздействием, ломая локальную сеть стаи механических тварей.

– Предупреждать надо!

Максим не ответил. Резко появившись в дверном проеме, он дал две короткие очереди. Заряды ИПК оставили в корпусе дезориентированной механической твари огромную дымящуюся дыру. При желании в нее можно было просунуть голову, но Монгол ограничился тем, что сунул внутрь эволюционировавшего механизма плазменную гранату.

– Назад!

Вспышка.

Дрожь стен. Осыпающиеся обломки кирпича и бетона.

– На два часа! «Косильщик!»

Стена вспухла крошевом кирпича. «Адский косильщик» проломил препятствие, ведя огонь из двух лазерных установок. Гонта отреагировал первым, ударил несколькими короткими очередями, целя по кабине бывшей сельхозмашины.

Вокруг, что характерно для большинства заброшенных построек, разом активировалось множество ловушек. Тонкие язычки напряженно гудящего пламени обозначили расположение нескольких энергогейзеров, сталистым отблеском во рвущих тьму вспышках с потолка спускались нити серебристой паутины, готовые схватить и мгновенно спеленать жертву, осколки металла, отлетевшие от кабины «косильщика», вдруг припечатало к полу и стенам – это сработали «Магниты», черным пятном на фоне серого бетона обозначился участок «Топи» – старой воронки, заполненной скоргами.

Сбоку ударили ИПК Макса и автомат Монгола. Под перекрестным огнем громоздкий механоид продержался недолго, сталкеры изрешетили его кабину, управляющая колония скоргов временно вырубилась, но никто не обольщался по поводу одержанной победы, даже Тим, не принимавший участия в схватке, понимал: пройдет немного времени – и скорги восстановят повреждения. Уничтожить механическую тварь можно только одним способом – распылив ее на молекулы.

Выстрелы еще не стихли, когда в узком коридоре раздался рев.

Два механоида, обтекаемые, стремительные, эволюционировавшие из спортивных «Хонд», ринулись на Макса и Монгола.

Сталкеры не успевали отреагировать огнем, слишком высока была скорость двух исчадий техноса.

У Тима что-то оборвалось в груди.

Все, им крышка!..

В следующий миг Макс совершил невозможное с точки зрения акробатических способностей обычного человека. Он подпрыгнул и на

несколько секунд «прилип» к потолку, пропуская под собой ревущую смерть.

Монгол поступил проще – он отпрянул в дымящийся дверной проем.

Две облитые серебром «Хонды», стреляя на ходу, вырвались на простор обширного зала (до Катастрофы первый этаж этого здания занимал магазин) и ушли на круг, разбрасывая в разные стороны покореженные витрины, опрокидывая стеллажи. Из-за нанесенного Максом мнемотехнического удара они заметно «притормаживали», ведя беспорядочный огонь, сталкиваясь с препятствиями, мешая друг другу, вместо того чтобы совместно атаковать сталкеров.

Шелест воспользовался моментом.

Привстав над укрытием, он открыл огонь из лазерного излучателя. Серия разрядов взорвала фрагмент стены, он понял, что не успевает за стремительными перемещениями пары механоидов, и толкнул вариатор импульса в крайнее положение.

В результате задымленное помещение пересек кажущийся непрерывным[17] сочно-вишневый «шнур».

Механоидов попросту разрезало на выходе из виража. Куски «мотоциклов» с грохотом отлетели к дальней стене помещения, задымили.

– Остался один! – Макс уже стоял на ногах, напряженно сканируя этаж. – Он направился в обход! Учатся, твари! Валим отсюда! В темпе!

* * *

Вырвавшись из западни, сталкеры остановились только через километр, когда кишащий механоидами, охваченный пламенем междоусобных столкновений квартал руин остался далеко позади.

– Пять минут на отдых! – скомандовал Макс.

Тим в изнеможении повалился на землю. Гонта присел рядом с ним, настороженно озираясь по сторонам, Шелест напряженно смотрел в сторону металлического леса, ожидая очередного сюрприза от техноса, Монгол по укоренившейся привычке изучил окрестности, нашел укрытие с хорошим сектором обзора и позвал остальных:

– Идите сюда. Место чистое, и подступы просматриваются.

Макс, анализируя обстановку, остался доволен полученными данными. Большинство механических тварей сконцентрировались сейчас в границах охваченного огнем квартала руин. Путь в нужном направлении был свободен.

По достоинству оценив найденное Монголом укрытие, он на минуту расслабился, отключив расширитель сознания и позволив метаболическому

импланту поработать над восстановлением жизненных сил, затем, вновь включившись в события, задумался над очередностью дальнейших действий.

Первый, наиболее понятный этап операции отработан. С рискованными импровизациями, но как же без них?

«Знать бы, куда исчезли боевики Дьякона?» – размышлял Макс. При сканировании он не обнаружил ни фанатиков, ни ковчеговских патрулей. Это и радовало, и настораживало одновременно.

Прямо по ходу следования, если придерживаться заранее разработанного маршрута, находилась пустошь. Слева начинался металлический лес, справа, примерно в полукилометре, рыжела окислами «жестянка». Странная проплешина постепенно расширялась к горизонту, тонула в дымке.

Гонта стянул дыхательную маску, достал мятую сигарету, прикурил.

– Смотри, так можно пулю схлопотать, – предупредил его Макс.

– Из-за сигареты? – недоверчиво фыркнул тот, поперхнувшись дымом.

– Ладно, кури. Я искажением тебя прикрыл. Но в другой раз хотя бы предупреждай, прежде чем зажигалкой щелкать.

– Нет, я не понял? – не унимался сталкер.

– Да что тут непонятного? – обернулся Монгол. – Нормальный снайпер со стандартным ковчеговским расширителем сознания уголек твоей сигареты за пару километров зафиксирует при хорошей погоде. А выстрел – это уже дело техники.

Гонта приумолк, пригнулся, прячась за огрызком стены.

Макс подсел к Шелесту.

– Что у нас по карте?

– Всё как я и говорил. Вкрапление скоргиума в полутора километрах отсюда. Видишь дымку у горизонта? Как будто облака в воронку закручивает?

Макс привстал, глянул в ту сторону и невольно вздрогнул.

– Это и есть Зыбучий Холм?

– Да. Он расположен на границах сильнейшего энергополя. Вкрапление под ним на глубине ста пятидесяти метров.

– Что там было до Катастрофы?

– Квартал элитной застройки.

Макс, манипулируя датчиками имплантов, сосредоточил внимание на странной пустоши.

Расширяющийся клином пустырь. Множество холмиков из серого спрессованного праха. Кое-где из-под земли выступают детали различных

машин, как модифицированных скоргами, так и обычных, армейских, по непонятной причине брошенных ржаветь посреди открытого пространства.

– Прямо кладбище техники… – удивился он. – Дальше километра сканерам не пробиться. Что-то блокирует.

– Граница энергополя вызывает помехи, – охотно поддержал его Шелест.

– И троп не видно. Металлорастительности нет. Странный пустырь. Как думаешь, пройдем по нему до холма? – задавая риторический вопрос, Макс проверял свои выводы.

– По поверхности даже и пытаться нечего, – мотнул головой Шелест. – Идти надо под землей.

– Чтобы к скоргиуму поближе? – усмехнулся Максим.

– Чтобы пулю в башку не схлопотать, – в тон ему ответил Шелест. – Макс, – он с подозрением взглянул на сталкера, – ты как будто вчера родился. Говорили же вроде на эту тему. Холм Снайпера, Зыбучий Холм – два разных названия одного и того же места. Боевики Ковчега эту аномалию за десять верст обходят. А вот технос периодически пытается туда проникнуть.

– Безуспешно?

– А ты сам не видишь? – Шелест понемногу начал раздражаться. Поведение Максима настораживало, казалось необычным.

– Ладно. Не злись, – примирительно произнес сталкер. – По прямой не пройти, я понял. Гонта, – позвал Максим. – Подойди.

– Ну?

Над поверхностью земли возникло голографическое изображение трехмерной карты местности.

– Пришла пора поделиться информацией. Вот аномалия Зыбучий Холм. Вот бункеры Ковчега. Мы находимся вот тут. – Макс поставил метку, затем добавил информацию со спутников, полученную от Шелеста. На карте обозначились нечеткая, расплывчатая схема древних тоннелей, непонятное темное пятно и сетка тектонических разломов, лучами расходящихся от холма-аномалии. Центральная точка разломов находится под ним. Максим наморщил лоб. – Что же удерживает возвышенность? Энергия Узла? Давай, Гонта, не тяни. Как пройти к Светлому Тоннелю? Где точка входа в подземные коммуникации?

– Вот тут. – Палец сталкера указал на темное пятно, расположенное в трех километрах от аномалии Зыбучий Холм.

– Что за объект?

– Многоуровневый подземный паркинг. Недостроенный. Там еще до

Катастрофы проблемы возникли. Строители наткнулись на старые тоннели. Говорят, эти элитные микрорайоны изначально встали военным, словно кость поперек горла. Еще на стадии проектирования хотели запретить возведение зданий, да неувязочка вышла. Кто-то из влиятельных людей успел огромные суммы вложить в подготовку строительства.

– И что?

– Да ничего, – пожал плечами Гонта. – Один квартал элитного микрорайона построили, дороги проложили, начали дальше двигаться, а там проблемы. Полости под землей странные, вроде как тоннели, проложенные еще в прошлом веке. Но я-то их видел. Сначала действительно отрезок старых коммуникаций, сводчатый такой, выведен кирпичной кладкой. А дальше всё современное. Такие мощные тюбинги уложены – мама не горюй. Вот за ними, – он указал на размытые полоски зафиксированных спутниками подземелий, – за ними Светлый Тоннель и расположен. Не знаю, отчего его так назвали, я бы сказал, что помещение похоже на огромный подземный ангар, полный всякой аппаратуры.

– Как же ты за Барьер выбирался? – с подозрением спросил Макс.

– Не знаю. Аномалия там. У задней, тупиковой стены ангара. Помню, как пошел на свет, потом зеленым полыхнуло, сознание потерял. Очнулся уже за Барьером.

– Странно как-то все сходится, – буркнул Макс. – И холм-аномалия, и тоннели под ним, и вкрапление скоргиума…

– Что за скоргиум? – насторожился Гонта.

– Не твоего ума дело. – Макс выключил изображение. – Давай-ка мы с тобой к этому темному пятну прогуляемся. Нужно разведать, что к чему. – Остальным, – Макс обернулся, – отдыхать до нашего возвращения.

* * *

Макс и Гонта ушли.

Делать было решительно нечего. Оставалось сидеть в укрытии и терпеливо ждать возвращения разведчиков.

Тим не знал, чем себя занять, как отогнать тяжелые мысли, теснящиеся в голове. Некоторое время он сидел, привалившись к невысокому огрызку стены, пытался хотя бы задремать, но не вышло, слишком сильно было напряжение в ожидании грядущих событий.

Монгол наблюдал за окружающей обстановкой, Шелест пристроился рядом, они о чем-то негромко переговаривались.

Тим невольно прислушался к разговору сталкеров.

– Давно хотел тебя спросить… – Монгол ввел расширитель сознания в

режим автоматического сканирования и полуобернулся, взглянув на Шелеста. – Вот ты у нас дока по части скоргов, верно?

– Кое-что знаю, – кивнул Шелест.

– Вот объясни, Макс постоянно твердит: «частоты техноса», «частоты техноса». Он и Гонту «раскусил» сразу, мол, мью-фон у тебя кустарный и не сталкер ты вовсе. Это как понимать? Я вон сколько в отчужденных пространствах живу, и никаких левых частот в моем чипе нет. Работает нормально, ну, связь с другими сталкерами, сеть наша. Никто из «чугунков» мне в мозги не лезет…

Шелест усмехнулся.

– Вопрос понятен. – Он выдержал паузу, собираясь с мыслями. – Дело в том, что М-связь была разработана еще до Катастрофы, – начал он.

– Ну, это любому известно.

– Ты не перебивай, а слушай, если спросил. Макс мыслит правильно, но термины использует не совсем точные. М-связь проектировалась исключительно для проекта колонизации Марса. Если б не Катастрофа, мы уже начали бы осваивать эту планету.

– Ты мне лекции про космос не читай. Знаю я тебя. Сейчас начнешь заумные теории толкать.

– Эх, Монгол, вот ты вроде не глупый. А все туда же!

– В смысле? – насторожился сталкер.

– Не хочешь толком ни в чем разобраться. Фаталист, как и большинство сталкеров. Есть такое высказывание: «зри в корень». Это значит, понимай причину, а не следствие.

– Ну, пристыдил. Продолжай.

– Ладно, постараюсь объяснить попроще. Ты обратил внимание, что все чипы мью-фонов – устройства внешние? Почему «жженые» пользуются двумя чипами связи?

– Ну, один у них был еще до Катастрофы. Имплантированный. Его и вплавило первой пульсацией. А второй трофейный.

– Вот. До Катастрофы чипы М-связи являлись устройствами строгого учета. В продажу не поступали, и вообще на Земле их использовать не собирались. А теперь постарайся понять, что такое колонизация иной планеты. Ни растительности, ни кислорода, пустыни, герметичные убежища, замкнутые циклы жизнеобеспечения, вода, воздух, продукты – всё на первых порах доставляется с Земли через бездну пространства.

Монгол представил, пожал плечами.

– Ну, все как здесь у нас, в отчужденных пространствах. На автонах тоже апельсины не растут. М-связь при чем? Ходишь вокруг да около.

– Так вот, первые люди на другой планете должны были подготовить базу для массового переселения, осуществить начальный, черновой этап преобразований. Для этого разрабатывалась уникальная планетарная техника. Но подумай сам, как горстка людей справится с эффективным управлением десятками тысяч машин? Как станет контролировать их действия, когда каждую минуту может возникнуть нештатная ситуация и нужно будет не только принять мгновенное решение, но и сформировать для исполнительных механизмов новую программу действий, адекватную возникшей угрозе?

– Не знаю. – Монгол осматривал окрестности в оптический прицел. – Ты говори, я слушаю.

– Для этого и была придумана М-связь. Чипы мью-фонов – на самом деле очень сложные устройства. Они работают в нескольких режимах. Первый обеспечивает связь между людьми. Второй отвечает за контакт чипа связи с имплантом своего хозяина, то есть открывает доступ к рассудку и обеспечивает поддержку интерфейса мысленных команд. И, наконец, третий, «опционный», режим осуществляет подключение устройства к любой доступной локальной сети микромашин и дает возможность мгновенного прямого соединения с любым удаленным механизмом. Понимаешь? Человек посредством М-связи мог войти в систему любой планетарной машины и управлять ею дистанционно.

– Ни фига себе… – Монгол присвистнул. – Это получается, механоид тоже сможет влезть мне в башку?

– Нет. Обратная связь не предусмотрена. Механизмы могут обмениваться информацией между собой. Но воздействие на мозг человека им недоступно.

– А что мешает?

– Импланты, которые мы сейчас называем «расширителями сознания», способны принимать только общетехническую информацию и данные, снятые со сканеров машины. Мы можем влиять на поведение машин, отдавать им прямые мысленные команды, а они повлиять на нас не сумеют.

– А как же «частоты техноса»?

– Неверный термин. Да, есть частоты связи, на которых формируется общее для машин информационное поле. Глобальная сеть. В нее способен войти любой сталкер, нужно лишь правильно сформулировать мысленную команду.

Монгол опустил оружие.

– Ну ты загнул. Если у механоидов общая сеть, чего же они между

собой грызутся? И почему трофейные мью-фоны легко используются мнемотехниками? Да и вообще, тебя послушать, так каждый сталкер сумеет механоидами рулить, как ему вздумается?

– Это в идеале, Монгол. Когда вся техника соответствует исходным, эталонным образцам, а люди прошли техническую и, что главное, психологическую подготовку. Проще говоря, имеют понятие о мнемоническом интерфейсе и обладают опытом его практического использования.

– Блин, Шелест, сколько лет тебя знаю, а разговариваю, как с инопланетянином, – с досадой произнес Монгол.

– Это из-за недостатка технического образования, – спокойно ответил Шелест. – А чипы мью-фонов, что устанавливались в планетарную технику, – устройства полнофункциональные. То есть любой чип может использоваться человеком. Но третья опция работает только в связке с расширителем сознания.

– Значит, и я могу стать мнемотехником? – напирал Монгол.

– Можешь, – усмехнулся Шелест. – Если рассудок выдержит. Ты с Титановой Лозой или с Аскетом поговори, когда в Ордене будешь.

– А почему ты потренировать меня не хочешь?

– Я теоретик. Они – практики. В теории все гладко, а в реальности – сбойные программы, противодействие управляющих колоний скоргов, да и вход в общее информационное поле техноса способен свести с ума кого угодно. Этого словами не объяснишь. Нагрузка на мозг такая, что свихнуться – дело пары секунд. Технос давно не тот, каким мы его проектировали, любой контакт с механоидом – это огромный риск. Поэтому и настоящих мнемотехников по пальцам пересчитать можно.

Тим нервно прислушивался к их разговору.

Кое-что он понимал, но большинство пояснений Шелеста заглушалось чувством страха и неопределенности.

«Плевать мне на этот технос, – думал он. – Лишь бы Макс сдержал слово, избавил меня от скоргов. Выбраться отсюда и забыть все, как кошмарный сон…»

* * *

Гонта и Макс пробирались через квартал руин.

Вокруг кипела механическая жизнь, но большинство ее проявлений не несло явной угрозы для сталкеров. Опасность представляли различные ловушки, образованные как дикими колониями скоргов, так и всплесками аномальной энергии, которые воздействовали на саму ткань пространства-

времени, вызывая искажения во всех физических процессах. По крайней мере именно так однажды пояснил Максу природу возникновения энергетических аномалий Приор Глеб.

По сфере эффективного сканирования фиксировались различные, в том числе и крупные, представители эволюционировавшего техноса, но повода для тревоги Макс пока не находил.

Гонта резко остановился, вскинул оружие.

– Чуть левее угла здания! На восемь часов! Макс, ты не видишь, что ли?!

– Остынь! – Максим еще минуту назад заметил двух рапторов и ЭРЗа. Механизмы на колесных шасси показались ему довольно опасными. Они катались по разлому улицы, лихо преодолевая препятствия, стремительно въезжая на кучи спрессованного строительного мусора, оставляя в молодой поросли металлокустарников широкие просеки, вызывая недовольство копошащихся в чаще скарабеев и прочей мелкой механической живности. Пара металлических крыс перебежала на другую сторону улицы, в проломе стены тускло сиял «Голубой экран» – опасный тип ловушки, воздействующий на расширитель сознания, уводящий сталкера в губительную страну грез.

– Я сказал, не дергайся. – Макс проследил взглядом за роем «мозгоклюев», которые вились над энергогейзером. Ловушка выбрасывала обжигающие щупальца, но летающие механизмы ловко уворачивались – рой то распадался на отдельные частицы, то вновь собирался в гудящее облачко, нежась в фоновом излучении, возникающем после каждого выброса.

– На голубое сияние не смотри, – предупредил он Гонту. – И запомни, большинству механических тварей до тебя нет никакого дела. По крайней мере до тех пор, пока мы идем под прикрытием искажения реальности. Взгляни на ЭРЗа. Видишь, он спокойно копается в куче мусора, железки выискивает? Значит, серьезной опасности поблизости нет.

– А эти двое?

Один из рапторов, издали похожий на крупный квадроцикл, с боевым обвесом по бортам и угрожающей надстройкой в районе водительского сиденья, в очередной раз лихо въехал на холмик, подпрыгнул, используя возвышенность, как трамплин, приземлился на четыре колеса, резко развернулся, подняв клубы пыли.

– Резвятся. Энергополе поблизости, энергию девать некуда, – отмахнулся Макс. – Пошли, некогда их разглядывать.

Гонта опустил ИПК.

– В мое время все иначе было, – пробурчал он. – «Чугунка» заметил – стреляй.

– То-то я смотрю, дерганый ты весь, – отозвался Макс. – Раньше страха у сталкеров было больше, а механических тварей – меньше, – пояснил он, пролезая в пролом стены. – Сейчас искусство сталкера определяется не количеством уничтоженных «изделий», а умением ходить, не привлекая к себе внимания со стороны техноса. Выживать стало труднее, нежить на каждом шагу, и умнеют твои «чугунки» не по дням, а по часам.

– Ладно. Веди, – примирительно согласился Гонта.

* * *

Тим ненадолго провалился в дрему.

Ему грезился чудовищный, извращенный по всем понятиям мир техноса.

Кошмары преследовали его постоянно, стоило только закрыть глаза – и уже через минуту он вздрагивал, просыпался, чувствуя, как холодные капли пота струятся по спине.

Где ж тут уснешь?

Неизвестность пугала. Он плохо понимал, куда его ведут, что это за Светлый Тоннель такой и как подземная аномалия поможет ему избавиться от въевшихся в кожу скоргов?

Не находя себе места, он вновь начал прислушиваться к неторопливой беседе двух сталкеров.

– Вот ты говоришь, что скорги – это нанороботы. Типа для колонизации другой планеты, ремонта техники предназначены. Это понятно. Но кто их убивать-то научил? С какого перепуга они стали разную ржавую рухлядь захватывать да стволами ее обвешивать?

– Эх, Монгол, вроде бы сталкер ты умный, толковый. А вопросы задаешь наивные.

– Ты мне зубы не заговаривай, – насупился Монгол. – Не знаешь, так и скажи: «Не знаю». Только не надо умный вид делать и разными непонятными словечками мне мозг грузить.

Шелест вздохнул:

– Ты о двойных технологиях слышал?

– Анекдот, – хохотнул Монгол. – О том, как «мирный русский трактор подавил китайскую батарею и улетел на свою базу во Владивосток»?

– В точку, – удивился приведенному сравнению Шелест. – Только не так уж смешно, – добавил он, достав сигарету. – Как бы тебе объяснить

попроще… – Он прикурил, осмотрелся, пряча крошечный источник тепла в ладони. – Все работы, связанные с созданием наномашинных комплексов, плотно курировали военные, а если быть точнее – военно-космические силы. Все лаборатории нанотехнологий являлись подразделениями ВКС. Сначала был создан так называемый базовый модуль. Колония наномашин, которая содержала универсальную программу.

– Типа управляющей колонии скоргов?

– Ну да. Практически неуничтожимое ядро. Агломерация наномашин, которая способна объединять подключаемые к ней модули в архитектуру любой сложности.

– А почему ты назвал ядро «неуничтожимым»? – удивился Монгол.

– Каждая наночастица, или, как тогда их называли, «нанит», сама по себе ничего не может. Но наниты изначально запрограммированы на объединение с себе подобными.

– А если рядом нет других микрочастиц?

– Тогда нанит переходит в режим ожидания, а если поблизости есть источник энергии, он реплицируется. Получатся две микромашины, затем четыре, восемь и так далее в геометрической прогрессии, пока их количество не позволит образовать ядро. Потому я и сказал – их в принципе невозможно уничтожить. Хотя бы несколько нанитов сохранится, даже при самых неблагоприятных условиях.

– Жесть… И что дальше? Создали вы это универсальное ядро…

– Затем разработали так называемые программные модули. Колонии наномашин, обладающие узкой специализацией. Тоже, кстати, самореплицирующиеся. Например, ресурсодобывающий модуль. Подключаясь к ядру, он начинает исполнять программу, добывать металлы. Различных узкоспециализированных модулей было разработано тысячи. На все случаи жизни, – невесело усмехнулся он. – Тем, какие именно микромашинные модули подключились к универсальному ядру, определялась дальнейшая специализация колонии нанороботов.

– А если подключилось несколько разных? – живо поинтересовался Монгол.

– Вот тут и происходит самое интересное, – кивнул Шелест. – Мы предлагали маркировать ядра, предопределяя их специализацию. То есть блокировать заранее некорректные конфигурации. Чтобы не получилось так: к ядру присоединяется ресурсодобывающая колония, а в паре с ней, допустим, метаболическая, предназначенная для внедрения в человеческий организм. В таком несуразном варианте что получается?

Монгол на секунду задумался.

– Такая колония станет поддерживать человеческую жизнь и одновременно тянуть из организма металлы, так, что ли?! – Его передернуло. Сколько раз он видел, как из вздувшейся плоти инфицированных скоргами сталкеров прорастает различная металлическая дрянь!

– Молодец, соображаешь. А подключаемых модулей, как я сказал, было создано несколько тысяч. Треть из них – военного предназначения. Еще треть – модули усовершенствования. Представляешь, сколько существует комбинаций случайного подключения? Нашу идею с маркировкой ядер забраковали. Хотели создать и испытать единый модуль координации. Специальную систему, которая принимала бы сигналы от нанитов при подключении их друг к другу и выдавала заключение – можно ли колонии существовать в конкретной конфигурации или следует произвести «расстыковку». Вообще использовать наномашины планировали очень осторожно, конфигурировать колонии предполагалось в лабораторных условиях и только затем, уже стабилизированными, «выпускать на волю». А пока не был решен вопрос с автоматической сортировкой подключений, каждый штамм наномашин хранили отдельно друг от друга.

– А затем рвануло, да?

Шелест угрюмо кивнул.

– Рвануло, рассеяло, перемешало, унесло пульсацией в другие пространства Узла, где время течет иначе, а через сутки по нашему, земному времени вернуло, понимаешь? Неисчислимое количество нанитов, способных образовать немаркированные ядра, присоединять к себе программные модули в миллиардах различных комбинаций.

Монгол поежился.

– Блин, Шелест, вы же люди, ученые! Как вы могли создать… такое?

Шелест загасил сигарету.

– Люди… – Он криво усмехнулся. – Обезьяны с гранатой, вот мы кто. Подорвали бы себя в любом случае, из чистого любопытства… Теперь понятно, откуда взялся технос и все его исчадия?

– Во ты загнул, в голове не укладывается… – Монгол выглядел растерянным.

– Да просто все, – махнул рукой Шелест. – Я же сказал, треть запрограммированных колоний являлась военными разработками. Еще треть – так называемые модули оптимизации, способные улучшать определенный механизм, узел, повышая его надежность и функциональность. Так и вышло. Все ведь перемешалось пульсациями. Ну,

допустим, «врастала» где-то в землю старая, ржавая легковушка. А тут на нее попадает ядро колонии с несколькими подключенными модулями. И понеслось. Механизм старый – надо ремонтировать. Узлы несовершенные – надо сделать апгрейд в соответствии с последними технологическими базами данных. А тут еще парочка боевых наномашинных комплексов подключается: один отвечает за оснастку техники вооружением, а другой – за управление огнем. Вот так из ржавевшей на свалке легковушки получается раптор, обвешанный броней и орудиями, и тут же – на тебе – на его пути возникает какой-то объект футуристический, а потому неопознанный, но тоже вооруженный, а значит, потенциально опасный. Вердикт – уничтожить. Так и началась их эволюция. По Дарвину. Выживает сильнейший. Тот, кто выстрелил первым. Вот так и повелось: пульсация, смешение, разрушение, возрождение, захват носителя, выживание, одно усовершенствование, другое, третье… Механическая эволюция, которую сдерживает сейчас только отсутствие энергополей за границами Барьеров.

Монгол лишь покачал головой.

Заумно Шелест все объясняет. А все равно жутковато становится. Что же будет дальше, во что превратится технос еще лет через пять?

«Сталкеры столько не живут…» – мрачновато шепнул внутренний голос.

Глава 5

Новосибирская зона отчужденных пространств

Зыбучий Холм возвышался над окрестностями и был виден издалека.

Макс то и дело направлял сканеры в сторону необычной аномалии. Новосибирскую зону он знал неплохо, когда-то начинал тут «мотыльком» в небезызвестном лагере торговца по прозвищу Грех, но в эту часть отчужденного пространства вольные сталкеры ходили редко, а Макс и вовсе тут не бывал. Проблема заключалась в близости бункерной зоны Академгородка и обилии боевых групп Ковчега, считающих данную территорию своей вотчиной.

– Гонта, притормози. – Макс нашел удобную позицию, откуда хорошо просматривались загадочный холм и распластанная вокруг него пустошь. Повсюду виднелись ржавые холмики, отмечая места гибели различных механических тварей. Металлорастительности практически нет, вновь машинально отметил Макс. Хотя энергополе в районе холма необычайно мощное. Неудивительно, что технос не прекращает попыток добраться до обильного энергетического «пастбища», но многочисленные останки недвусмысленно указывали на плачевную судьбу предприимчивых механоидов.

Он сфокусировал сканеры. В формате компьютерного зрения граница энергетической аномалии была похожа на приплюснутый, переливающийся радужной пленкой мыльный пузырь.

Макс включился в сталкерскую сеть, затем открыл доступ к базам данных Ордена, воспользовавшись личным паролем, и затребовал всю доступную информацию о строениях, находившихся тут до Катастрофы.

Ага, все-таки это здание!

Данные подгружались, перед мысленным взором Максима возник комплекс из четырех высотных построек. В действительности три из них исчезли без следа, а вот нижняя часть четвертого здания, похоже, устояла. Двадцать пять этажей рухнули, образовав конический холм, в недрах которого, судя по всему, был погребен уцелевший фрагмент небоскреба. Этажей семь или восемь, мысленно прикинул Макс.

Странно, что холм столько лет сохранял коническую форму, будто обрушение многоэтажной постройки произошло совсем недавно. Значит, слухи о существующей тут аномалии нисколько не преувеличены. Вершину холма укрывали густые облака, создавалось впечатление, будто небо

тянулось к руинам, прогибалось над холмом, касаясь его вершины.

«Гравитация? Непонятно… Сканеры ничего не фиксируют».

Макс переключился на изучение окрестностей.

Места действительно гиблые.

Данные, полученные из сети, свидетельствовали о многократных попытках ковчеговцев подняться на холм, но все они оказались безуспешными. Масса обломков находилась в шатком равновесии, бетонные оползни похоронили множество любопытных, а таинственный остов здания так и остался неисследованным. Отчаявшись разведать аномалию, боевики по приказу Хистера дважды пытались снести злополучный холм при помощи тяжелой техники, но машины глохли на подступах к засыпанному строению, и никакая сила уже не могла заставить их сдвинуться с места. Пять универсальных вездеходов, заглохших при втором штурме, вытащить не удалось, они так и остались ржаветь на подступах.

Неудивительно, что это место быстро обросло множеством легенд и слухов. Макс просматривал информацию из сети, продолжая пристально наблюдать за окрестностями. Говорили, что к зданию все же ведут несколько безопасных троп, но объективного подтверждения в сети не нашлось. Господствующий над прилегающими руинами конический холм привлек внимание военных в период Большой Зачистки – уж слишком выгодная позиция для снайпера. В итоге были потеряны два боевых вертолета, пытавшихся прорваться к вершине аномальной возвышенности.

Макс долго рассматривал окрестности, подмечая множество странных деталей.

Гонта терпеливо ждал окончания рекогносцировки.

– Что скажешь? Знакомые места? – наконец обратился к нему Макс.

Гонта кивнул.

– В километре от нас, вон за теми зарослями автонов, у Ковчега полигон. Рядом с ним глубокий провал. Выглядит как оплывший строительный котлован. Стены местами пологие, спуститься можно без особого риска, на дне – сплошь мешанина из бетонных конструкций и металлорастений. Почва зыбкая, много оползней. Егеря заманивают в котлован механоидов, а затем дают пострелять новичкам.

– Весело, – ухмыльнулся Макс. – То-то я слышу, стрельба не стихает. Так этот котлован и есть недостроенный подземный паркинг?

– Ну да. Только теперь это «паркингом» можно назвать с большой натяжкой. Все пульсациями перемешало, лишь кое-где огрызки разных уровней парковки сохранились.

– А сталкеры из твоей группы под землю спускались?

– Нет. Я один прорвался. Нас егеря еще на подступах засекли, загнали в котлован. По большому счету, если бы не механоиды, что встретили нас внизу, я бы никогда не нашел тоннель. Побежал в поисках укрытия, потом чувствую – заблудился.

– А к тоннелю как вышел?

– Говорю же – сутки блуждал под землей. Случайно на него наткнулся.

– И как ты аппаратуру включил?

– Никак. – Гонта насупился. – Всё, больше ничего не скажу. На место придем – там и поговорим.

Он ожидал от Макса резкой, неприязненной реакции, но тот лишь кивнул, продолжая изучать карту со сделанными им пометками. На месте – значит, на месте. Гонта не дурак, понимает, что при таком раскладе его будут защищать. А расскажи всё сейчас – могут и прикончить.

По обозначенному на карте приблизительному направлению получалось, что подземные коммуникации ведут в сторону аномального холма. Линия, начерченная Гонтой, обрывалась в полукилометре от него, но это ничего не значило. Трудно оценить пройденный путь, когда пробираешься по подземельям, то и дело отклоняясь от прямого маршрута, чтобы обойти очередное препятствие. Выходит, что тоннель мог располагаться и под холмом, и даже за ним.

Макс задействовал мью-фон:

– Монгол, как там у вас?

– Пока тихо, – пришел ответ.

– Зафиксируй мою позицию.

– Есть.

– Выдвигайтесь. Впереди особо опасных мест я не заметил, но не расслабляйтесь. Патрули Ковчега тут не редкость. Да и куда фанатики делись, непонятно. Как сквозь землю провалились.

– Понял тебя. Не светись, отключайся. Скоро будем.

* * *

Пока Макс и Гонта дожидались подхода второй части группы, стрельба в районе ковчеговского полигона вдруг взъярилась с необыкновенной силой, а затем внезапно стихла.

Максим сверился с ощущением времени.

Час пополудни. Еще стрелять и стрелять. Может, у кандидатов в егеря мишени закончились? Всех механоидов перебили? «Или война войной, а

обед по расписанию?» – мысленно усмехнулся он.

Гонта тоже прислушивался к наступившей вдруг тишине.

Густая «жестянка» мешала работе сканеров, на дистанции в сотню метров ощущения начинали стушевываться, расширитель сознания выдавал что-то зыбкое, серое, нематериальное.

Максим извлек из кармашка разгрузки маленький шипастый шарик. Гонта покосился на необычный артефакт, но промолчал.

«Выдержку демонстрирует».

Макс активировал вживленные в кончики пальцев генераторы. В левой руке он держал артефакт, а в правой, между слегка согнутыми пальцами и ладонью, вдруг начал формироваться зеленоватый сгусток энергии. Через секунду он вырос до размера теннисного мяча, внутри обозначилось ядро, от которого к оболочке потянулись изломанные прожилки энергетических разрядов.

Медленно, миллиметр за миллиметром, Макс начал сводить ладони. Шипастый шарик коснулся энергетического сгустка, сыпанул искрами, затем прошел сквозь оболочку, оказавшись внутри.

Максим некоторое время держал ладони сомкнутыми «лодочкой», затем вдруг резко разжал их, совершив движение, словно выпускал на волю голубя.

Редчайший артефакт – плод металлорастения «Титановая Лоза»[18], над которым предварительно потрудились мнемотехники, взмыл вверх. Энергетический кокон питал его энергией, а заодно и маскировал. Издали отправленное Максом в полет устройство, выглядело как обычная «шаровуха»[19].

На самом деле доработанный плод металлорастения выполнял функции разведывательного зонда. Поднявшись высоко над зарослями автонов, он, подчиняясь незримым эманациям энергии, испускаемым имплантами Максима, начал медленно удаляться в сторону бункеров бывшего Академгородка.

Информация, поступавшая от сканеров зонда в расширитель сознания, обрабатывалась рассудком сталкера, и через минуту он сумел воссоздать вполне приемлемую панораму окрестностей.

По разветвленной сети дорог и просек неторопливо шагали патрули Ковчега. Макс детализировал и укрупнил изображение интересующего его квадрата, одновременно транслируя полученные данные Гонте.

Ага, вот и примечательная котловина. Та самая.

Боевики на обед не ушли. Они стояли в плотном оцеплении, держа

оружие наготове, пристально всматриваясь вниз, в рваный туман поднимающихся со дна испарений.

Макс был озадачен. Что они там высматривают? Почему так заметно напряжены?

Подчиняясь его воле, шипастый шарик начал снижаться. Расширитель сознания едва успевал обрабатывать данные, формируя динамичную картину окружающего: вот промелькнул край обрыва, на миг все потонуло в желтовато-белесой мути, затем появился первый уступ, от которого вниз уходила узкая тропа, за опасным отрезком неширокого карниза, образованного выступающей из обрыва искаженной бетонной конструкцией, начинался коварный участок недавнего оползня.

Внезапно из тумана начали проступать фигуры в тяжелой боевой броне.

Ошибиться в принадлежности отряда бойцов, двигающихся друг за другом, след в след, было невозможно. Отличительный знак в виде объятого пламенем креста был прекрасно виден на фоне покрытой выщербинами, порядком потрепанной брони.

Макс беззвучно выругался, а Гонта не выдержал, резко высказавшись вслух по поводу увиденного.

Три десятка боевиков секты спускались в туманную тьму провала под неусыпным наблюдением полусотни отборных ковчеговских егерей.

Неслабая связка.

Данные с зонда пошли со сбоями, еще секунда – и сигнал вовсе пропал.

– Егеря наверху, фанатики спускаются вниз. – Макс присел. – Что бы это значило? – Он поднял вопросительный взгляд на своего спутника.

– Понятия не имею, зачем боевики Пламенного Креста идут в подземелья, – ответил Гонта. – Но между ними и Ковчегом явно существует договоренность.

– Это еще в зоне тамбура было заметно, – ответил Макс. – Странно. Я бы сказал, очень странно. Обычно Ковчег на свою территорию отряды других группировок не допускает.

– Значит, цель фанатиков того стоит. Хистер за жизни своих бойцов особо не переживает, но ты сам сказал – обстановка сложная, много сталкеров за последнее время погибло. В такой ситуации загребать жар чужими руками – вполне в духе Хистера.

– Хочешь сказать, на территории Ковчега обнаружилось *нечто*, весьма притягательное для секты?

– Угу. И весьма опасное. Иначе егеря обошлись бы своими силами.

– Смотри, Гонта, – покачал головой Макс. – Если фанатики ни с того ни с сего вдруг начали искать Светлый Тоннель – ты у меня первый под подозрение попадешь.

– Можно подумать, до этой минуты ты мне доверял, – криво усмехнулся сталкер.

– Ладно. Разберемся. Хотя три десятка бойцов секты – соседство малоприятное, особенно в лабиринте тоннелей.

– Макс, скажу одно: я не самоубийца. Да и с фанатиками этими никогда дел не имел. Не думаю, что они спускаются с той же целью, что и мы.

Максим промолчал.

«Скорее всего, они идут за скоргиумом, – размышлял он. – Часть груза погибла, но часть спецконтейнеров (по рассказу Монгола) осталась за Барьером, в схроне. Времени прошло достаточно, чтобы снарядить и провести еще один караван. Эх, заглянуть бы к ним в подсумки, сразу стало бы ясно».

Шелесту такая новость оптимизма явно не добавит. Оказывается, не он один такой умный, а информация, полученная с военных спутников, вовсю покупается и продается. И Дьякон из нее далеко идущие выводы сделал уже давно, иначе не заказывал бы во Внешнем Мире такое количество контейнеров для транспортировки скоргиума. А может, он взялся работать на конкретного заказчика? Зачем ему аномальный элемент, если не на продажу? С Министерством обороны у Дьякона столь глубокая взаимная ненависть, что на сделку с военными он не пойдет, да и те дел с ним вести не станут. Здесь кто-то левый. Кто не гнушается ни Пламенным Крестом, ни Ковчегом.

Неужели Хантер был прав?

Честно говоря, при разговоре с командором известие о некоей мифической корпорации, вознамерившейся добывать скоргиум в отчужденных пространствах, Макс встретил со здоровой долей скептицизма. Скоргиум нужен Ордену. Это понятно и объяснимо. А транснациональную структуру, как думалось Максу, Хантер добавил для пущей весомости проблемы.

Но по здравом размышлении в свете последних событий получалось, что командор вполне мог говорить правду.

«От его имени действует Шелест. Он толковый ученый, да и сталкер достаточно опытный. Не первый год в отчужденных пространствах. Этого вполне достаточно, учитывая, что я пообещал поддержать его миссию, – размышлял Макс. – Ордену уж точно фанатиков нанимать нет никакого

резона, да и на сепаратный сговор с Ковчегом Савва Хантер не пойдет. При всех его недостатках в некоторых вопросах командор оправдывает свое давнее прозвище – Железная Башка. Упрется – не своротишь. А его ненависть к Хистеру уже давно стала притчей…

Ладно. Под землю спустимся – там посмотрим. Может, кого из фанатиков удастся взять живым и допросить. Нужно узнать, на кого они подрядились работать».

Окрестности недостроенной парковки.

Час спустя…

– Ну и что делать будем? – выслушав Макса, спросил Монгол. – Отложим экспедицию до лучших времен?

Шелест хотел было возмутиться, но его опередил Максим:

– А когда они настанут, твои лучшие времена? – Он с усмешкой взглянул на Монгола. – Что сейчас, что завтра, все равно мимо егерей топать.

– Фанатиков ты уже сбросил со счетов? Не рано ли?

– Подземелья тесные, – философски ответил Макс. – Любое численное преимущество там легко свести на нет. Да к тому же любопытно, зачем Пламенный Крест в геенну лезет? Надоело ждать пришествия своего антихриста? В гости решили наведаться?

– Что-то, Макс, ты балагурить начал. – Шелест угрюмо взглянул на сталкера. – Нервничаешь?

– Эх, Шелест, мне б твои проблемы… – Максим встал. – Всё, собираемся.

– План действий? – Монгол любил определенность и никогда не скрывал этого.

– Да прежний план. Успокойся. Идем по возможности тихо. Я ставлю искажение, двигаемся по следам фанатиков. По крайней мере они для нас все ловушки по ходу следования вскроют. От механоидов котловину егеря зачистили, тут недавно такая пальба была… – Макс махнул рукой. Думал он явно о чем-то своем.

– На пару слов. – Шелест коснулся его плеча. – Отойдем.

– Ну?

– Я хочу, чтобы ты подтвердил порядок действий.

– Всё как договаривались, без изменений. Центр аномалии примерно совпадает с указанным Гонтой расположением Светлого Тоннеля. На одной ли они глубине, я пока не знаю, на месте выясним. Но, думаю, если тоннель не миф, то он обязательно взаимосвязан с вкраплением скоргиума.

– А боевики секты?

– А что боевики? – пожал плечами Макс. – Ты как будто вчера родился. Пусть себе ищут. Ты сам подумай, зачем таким скопом под землю лезть?

Шелест вопросительно посмотрел на Макса.

– Не знают они, что их ждет. Вот Молох и ведет с собой смертников. А это значит, что количество наших противников будет уменьшаться пропорционально расстоянию до вкрапления. Сам ведь недавно по огненным трещинам лазил, должен понимать.

– Макс, ты ведь что-то задумал. Я чувствую. Ты…

– Я не собираюсь уходить через Светлый Тоннель, – склонившись к уху Шелеста, тихо, но отчетливо произнес Максим. – По крайней мере сегодня. Дело у меня тут осталось незавершенное. Так что заткнись и успокойся. На нервы уже действовать начинаешь. – Он обернулся. – Всё, пошли. Монгол впереди, я прикрываю группу, Шелест замыкающий. Гонта, ты отвечаешь за Тима.

* * *

По пути к ковчеговскому полигону Шелеста не покидали мрачные мысли.

Фраза, что шепнул ему на ухо Макс, прозвучала как гром среди ясного неба.

У каждого сталкера есть мечта. Причем мечта трансформируемая.

Подавляющее большинство искателей приключений, пришедших в отчужденные пространства позже момента Катастрофы, проникли сюда, действуя на свой страх и риск, стремясь получить адреналин и заработать большие деньги. Есть определенные категории людей, однобоко воспринимающие понятие «цивилизация». Они желают пользоваться ее благами, но ни в грош не ставят ее законы, считая, что деньги решают всё.

Если употреблять мягкие термины, то, по мнению Шелеста, большинство сталкеров «второй волны» являлись асоциальными элементами, авантюристами, людьми неробкого десятка, которым во Внешнем Мире были уготованы весьма сомнительные пути достижения своих целей.

Он не собирался никого осуждать, всего лишь наблюдал, делал выводы, констатировал факты. Многих из группы антисистемных и антисоциальных элементов Шелест уважал, ибо аномальные пространства резко меняли людей, преподавая жестокие, но наглядные жизненные уроки.

Первым приходило черное, всепоглощающее отчаяние.

Мир отчужденных пространств не просто захлопывал двери за каждым, кто входил сюда, преодолевая границы Барьеров, он комкал и выбрасывал в мусор прошлое понятие «смысла жизни», но, за редкими исключениями, не предлагал новой мотивации поступков, кроме истового желания выжить. Выжить любой ценой.

Мечта среднестатистического сталкера стремительно и необратимо трансформировалась.

Тот, кто сумел продержаться хотя бы год, в последующем легко сколачивал огромные состояния. Вопрос в том, имеют ли деньги хоть какой-то смысл для человека, оказавшегося вне общества, вне цивилизации, вне ее благ, один на один со смертью?

Где и как тратить заработанный капитал?

На сталкерских рынках?

В полуподвальных притонах, именуемых громким словом «убежища», наводненных темными личностями?

Тут практически невозможно осесть на одном месте, как-то обустроиться, радикально изменить жизнь. Грянет пульсация – и все будет стерто. Придет технос и не оставит камня на камне, даже если глубоко зарыться, оборудовать какие-то подземные укрытия.

В данном случае Шелест подразумевал не группировки, а отдельно взятых личностей. Например, Макса.

Он попал в отчужденные пространства волей злого случая и собственного безволия, выжил, возмужал, познал такие муки, что и не снились большинству сталкеров. Его мечтой, насколько знал Шелест, многие годы являлась месть. Он медленно, по капле убивал себя, вновь и вновь пытаясь добраться до Хистера, зная, что минута мщения будет коротка, а после наступит абсолютная опустошенность, окончательная потеря смысла существования.

Шелест твердо знал: для большинства сталкеров самой заветной, самой сокровенной мечтой, о которой не принято говорить вслух, являлась свобода. Он своими глазами видел, как многие умирали от приема кустарно изготовленных «таблеток Шульца» – мифического препарата, якобы способного вывести из организма скоргов. Настолько сильной становилась мечта о свободе, что любой риск выглядел оправданным.

Макс не был исключением из общего правила. Он стал личностью, превратился из опустившегося бродяги, отловленного вербовщиками в пригородах Санкт-Петербурга, в настоящего бойца, человека железной воли, знающего подлинную цену жизни и смерти.

Неужели минута мести, агония жертвы у ног победителя для него

весомее, значительнее свободы?

Шелест являлся одним из немногих, кто мог обосновать существование Светлого Тоннеля не с точки зрения мечты или легенды, а с позиций науки.

Макс знал об этом. Потому его фраза «Я не уйду» пугала Шелеста до дрожи.

Он что-то задумал. Макс в последнее время вел себя словно одержимый. Но непонятно, чем он одержим, что так сильно повлияло на его рассудок, который оказался способным преодолеть поистине бескрайнее отчаяние, когда его едва не превратили в сталтеха, а затем, вырвав из лап техноса, оставили в какой-то непонятной категории, внесли в список чего-то жуткого, среднего между человеком и нежитью.

Шелесту и в голову не приходило, что ответ на мучивший его вопрос может быть простым и древним, как сам мир.

* * *

Автоны начали редеть. Подлесок металлокустарника почти исчез, древовидные формы металлорастений вздымали разлапистые, нервно поскрипывающие кроны на огромную высоту, впереди через просветы уже виднелись какие-то старые покосившиеся постройки, окольцовывающие огромный провал в земной тверди.

Монгол поднял руку в предупреждающем жесте, останавливая движение группы.

Шелест замер и чуть пригнулся, держа оружие наготове. Тим инстинктивно отступил на шаг, под его ногой протяжно скрипнула металлическая ветвь.

Гонта осуждающе зыркнул на него, показывая рукой: «присядь».

Егеря. Патруль.

Котловина диаметром в несколько сотен метров оказалась плотно блокированной силами Ковчега. Ни о каких учебных стрельбах, похоже, речи не шло. В состав боевых групп входили только опытные сталкеры, о чем немо свидетельствовали особые знаки различия на их боевой броне.

Гвардия Хистера. Неслабо…

Чем дальше развивались события, тем отчетливее понимал Шелест: дело пахнет миллиардами, а в перспективе – безграничной властью. За меньшее Хистер и пальцем бы не пошевелил.

Казалось бы, что значат полсотни егерей да три десятка фанатиков при таких высоких ставках?

Нельзя забывать – здесь отчужденные пространства. В условиях

аномальных зон полсотни опытных, хорошо экипированных бойцов эквивалентны целой армии. Ну а если вдруг поднимется тревога, то к ним присоединятся еще человек двести. Уже не элита, но и не зеленые юнцы. Тогда шансов выбраться не будет и вовсе.

«Может, ну его к черту, этот скоргиум?» – промелькнула в голове крамольная мысль.

Шелест пришел в отчужденные пространства по одной причине. Он был смертельно, неизлечимо болен, врачи давали ему год жизни, не больше. До Катастрофы он работал с наномашинными комплексами и понимал: только скорги способны побороть его недуг. Внешний Мир ему опостылел, он находился на краю отчаяния, твердо пообещав себе: если выживу после имплантации, излечусь, то посвящу себя исследованию аномальных пространств.

Прошли годы.

Он выжил. И данные самому себе клятвы постепенно начали тускнеть за вуалью забвения.

Он сделал много открытий, прославился как ученый, и теперь мысли об обретении свободы посещали его все чаще. Вот только выхода не было, по крайней мере до тех пор, пока Макс не стал расспрашивать его о Светлом Тоннеле.

Максим прав. В подземельях наверняка находится одна из лабораторий, предназначенная для «стерилизации» сбойных колоний наномашин. До Катастрофы в таких «особых зонах» отрабатывались и доводились до некой степени абсолюта перспективные системы безопасности, контроля над наномашинными комплексами.

И здесь Макс совершенно прав в интуитивно сделанных выводах. Аппаратуре секретной лаборатории совершенно безразлично, кто ты, зачем пришел, какими деяниями отягчена твоя душа. Главное – знать коды доступа.

Или аппаратура Светлого Тоннеля теперь работает постоянно? В аномальных пространствах подобное не редкость.

«А что? Я достаточно сделал для изучения отчужденных пространств, так не пора ли назад, во Внешний Мир?» – Шелест представил просторный кабинет в каком-нибудь престижном исследовательском центре, дом, семью…

Нарисованная воспаленным воображением радужная перспектива неожиданно померкла. Гонта тронул Шелеста за плечо – пошли!

Ковчеговский патруль уже начал удаляться, до подхода следующей группы оставалось не больше двух минут.

Нужно успеть проскочить в образовавшееся «окно» и при этом не выдать себя.

Макс надежно закрыл группу искажением, но у противника тоже есть метаморфы, они способны *ощутить* деформацию реальности, заподозрить неладное…

Мысли запаздывали за действием. Тим, а вслед ему и Шелест уже преодолели идущую по краю котловины тропу, когда-то проложенную крупными механоидами, и теперь скользили по пологому склону, до первой контрольной площадки, заранее намеченной Максом.

Всё.

Теперь пути назад нет. Любой, кто решил бы выйти из состава группы, уже не имел шансов на возвращение. Только вместе и только вперед. А там – как судьба рассудит.

* * *

Первая площадка преподнесла неожиданную проблему.

Накрененный фрагмент монолитной бетонной конструкции выступал из склона. Подсохшие и потрескавшиеся русла грязевых потоков огибали его с двух сторон. Над рельефом желтовато-серой плиты изрядно потрудились аномальные энергии пульсаций. В центре обширного бетонного выступа образовалась воронка с лужей темной стоячей воды, от нее плавными изгибами уходили волны искажений высотой около полутора метров, кое-где виднелись вкрапления различных объектов, принесенных пульсациями из иных пространств.

Макс спустился последним. Он осмотрелся, но поначалу не заметил ничего необычного, внимание привлекли лишь побитые ржавчиной кузова тяжелых строительных машин, наполовину утонувших в бетоне. Экскаватор и два бульдозера со следами деятельности скоргов застыли тут на века, став немыми памятниками чудовищных процессов, протекающих в отчужденных пространствах.

Скорги пытались захватить технику, но не преуспели. Множественные серебристые пятна уже потускнели, их покрывали шелушащиеся окислы.

«Наверное, егеря периодически обрабатывают котловину из ЭМИ-излучателей, – подумал Шелест. – Еще бы. Внизу входы в подземелья, а что за исчадия там обитают, никому не известно. Логично было бы подстраховаться. Потому и скорги погибли, не захватив потенциальных «носителей», и металлорастений тут до смешного мало».

Макс замер. Подчиняясь его жесту, группа рассредоточилась, даже Тим действовал достаточно быстро и сноровисто, заняв ближайшее

укрытие.

Монгол держал палец на спусковом крючке автомата. В условиях ближнего боя его оружию не было равных. Жаль, что у этой модели «калашникова» нет интегрированного глушителя…

Рядом, буквально в десятке метров, находился метаморф.

Максим почувствовал его каждым нервом. Впрочем, противник тоже заподозрил неладное. Ближайшая «бетонная волна» внезапно начала таять, – как выяснилось, она была лишь иллюзией, частью измененного метаморфом пространства. Секундная ошибка егеря позволила Максиму на миг зафиксировать реальную обстановку: за уплотнением воздуха, имитирующим искажение бетонной конструкции, на самом деле располагался «новодел» – долговременная укрепленная огневая точка, с узкими амбразурами и массивной бронированной дверью, покрытой слоем активного пластика, защищающего металл от скоргов.

Стволы тяжелых импульсных пулеметов контролировали все окружающее пространство, без мертвых зон – это Макс определил мгновенно.

Следовало догадаться, что егеря не оставят без надежного прикрытия один из немногих спусков в котловину.

Ковчеговский метаморф не успокоился.

Раздался гулкий вибрирующий звук. Открывалась массивная дверь.

Макс машинально выхватил боевой нож, одновременно формируя искажение-приманку.

Монгол вскинул автомат, прицелился. Гонта рванул из подсумка плазменную гранату. Ему казалось, что он оценил ситуацию наиболее трезво. «Мимо ощерившегося стволами тяжелых «импульсников» укрепления нам по любому не проскочить», – подумал он, активируя сенсор.

Макс начал смещаться. Он готовился нанести метаморфу смертельный бесшумный удар, Монгол, подчиняясь жесту-приказу, также обнажил клинок.

Пулеметные расчеты нужно вырезать бесшумно, ворвавшись внутрь укрепления через открывшуюся дверь.

В этот миг из-за спины сталкера вылетела брошенная Гонтой граната. Ударившись о бронепластиковый порог, она подпрыгнула, вкатилась внутрь и…

Неистовая вспышка озарила замкнутое пространство, ослепительный свет узкими лучами ударил из амбразур, выжигая на склонах ровные линии, а спустя долю секунды стены строения дрогнули, покрываясь

трещинами, через которые вырвалось пламя.

Метаморф, находившийся напротив открытого дверного проема, сгорел в одно мгновенье.

Тима вдруг начало тошнить.

Он едва успел поднять визор боевого шлема, и скорчился, содрогаясь в конвульсиях.

В воздухе воняло горелым мясом и остро пахло озоном.

Макс и Монгол уцелели. Они заметили брошенную Гонтой гранату и метнулись к ближайшим укрытиям за миг до взрыва.

– Урод… – просипел Макс.

Нужно было спасать положение.

Егеря, патрулирующие периметр котловины, заметили разрыв плазменной гранаты, но фактор внезапности еще работал на сталкеров.

– Вниз! Не останавливаться! – Макс мгновенно сориентировался в обстановке, понимая, что спасти группу сейчас может только скорость передвижения. Пока егеря поймут, что их укрепление атаковано, пройдет не меньше минуты. Предугадать их мысли несложно. Кто по доброй воле полезет в опасную котловину? Наверное, граната взорвалась случайно, или ушедшие в подземелья фанатики напакостили…

– Бегом! – Монгол схватил Тима за плечи, рывком поднял его на ноги. – Вниз! За Шелестом!

– Гонта! Где этот имбецил?

– Макс, он ушел!

– Как?!

– Молча! Вслед за броском гранаты!

– Нужно догнать его! Сволочь, подставил нас все-таки!

К этому моменту егеря пришли в себя от неожиданности. Нужно отдать им должное – недолго работал фактор внезапности. Среди боевиков нашлось немало опытных мнемотехников, способных произвести эффективное сканирование, несмотря на мощные помехи и тепловую засветку.

Тим и Шелест уже покинули изуродованную взрывом бетонную площадку, и теперь, не разбирая дороги, неслись вниз по зыбкому, ненадежному склону. Скользя и падая, цепляясь за автоны, они спускались все глубже, а вот Макс и Монгол, чуть задержавшись, попали под ураганный огонь.

По злосчастному выступу били как минимум два десятка стволов. Игольчатые пули импульсных «штормов» рвали бетон, очереди, будто адские швейные машинки, вспарывали поверхность накрененной плиты

пересекающимися строчками, им вторили два или три ИПК, чьи заряды выбивали всплески пламени, испаряя при соударении по нескольку кубических дециметров любого препятствия.

Сталкеры, огрызаясь очередями, заскочили внутрь укрытия. Его стены деформировало, вместо узких амбразур зияли оплавленные дыры, раскаленный потолок угрожающе потрескивал.

Позиция ненадежная, даже опасная, но под шквальным огнем выбирать не приходилось.

С обрывов продолжали бить импульсные пулеметы, десятка два егерей, рассыпавшись по ширине пологого оползня, начали спуск к бетонной площадке.

Максим на мгновенье выглянул, оценив обстановку.

Бронированная дверь, вырванная взрывом, врезалась в склон, перегородив узкую тропу, ведущую к укрепленной точке. Масса деформированного, размягченного металла тускло светилась.

– Автомат за спину! Бери мой ИПК! – Макс передал Монголу оружие. – Сдерживай их!

Сталкер не стал задавать лишних вопросов, схватил «карташ» и тут же открыл огонь по боевикам Ковчега, заставив их залечь.

Макс распечатал один из закрепленных на поясе контейнеров, какие обычно применяются для сбора артефактов, вытряхнул на ладонь с десяток н-капсул. От обычных плодов металлорастений они отличались размерами и формой.

Егеря отрыли ответный огонь. Стены поврежденного укрепления мелко вибрировали, принимая на себя град игольчатых пуль.

Монгол огрызался короткими прицельными очередями. Двое боевиков уже не шевелились, третий, вскрикнув, вскочил и тут же безвольно покатился вниз по склону, остальные, прячась за случайными укрытиями, продолжали вести огонь.

– Давай! Прижми их! – хрипло выкрикнул Макс.

Монголу не нужно было повторять дважды. Рядом с дверным проемом находилась уродливая дыра, выжженная плазменной вспышкой на месте узкой амбразуры. Резко переместившись, сталкер поставил ИПК на сошки, открыв неприцельный, подавляющий огонь. Длинная, непрерывная очередь с чудовищной скоростью расходовала боекомплект, но он не отпускал сенсора, плавно перемещая ствол. Крупнокалиберные пули перепахивали склон, не давая боевикам Ковчега поднять головы, – кинжальный огонь импульсного пулемета, бьющего с короткой дистанции, помимо прочего производил сильнейшее психологическое воздействие,

которого порой не выдерживали даже опытные, закаленные бойцы.

Фонтаны раскаленной грязи, дымящиеся камни, куски арматуры – всё смешивалось в пламени разрывов, создавая плотную оранжево-черную стену.

Макс, показавшись в дверном проеме, метнул в раскаленную, сорванную с креплений дверь приготовленную горсть н-капсул.

Они ударились об истекающий вишневым сиянием металл, тут же расползлись ртутными пузырящимися кляксами и вдруг… начали стремительно прорастать, выпрастывая тонкие, похожие на тончайшую проволоку побеги.

«Адский шиповник» – так среди сталкеров называли один из редких видов металлорастений. Заросли «пу́танки», иногда встречающиеся в Пустоши, опытные сталкеры старались обходить стороной. Плоды «Адского шиповника» отличались крайней агрессивностью роста, для стремительного развития им требовались наличие свободного, не захваченного другими скоргами металла и энергия.

В данном случае с избытком хватало и одного, и другого.

– Уходим! – Макс выскочил наружу, метнул через прущие во все стороны побеги два генератора помех и, не теряя ни секунды, начал спускаться вниз по склону.

Грохот ИПК стих, Монгол последовал за Максом, сверху в них продолжали стрелять засевшие по периметру обрыва егеря, но генераторы помех искажали показания имплантов, формируя ложные цели. Шальные пули с чавканьем тонули в грязи, некоторые чиркали по броне сталкеров, но это был неприцельный огонь.

Спустившись метров на тридцать, Макс на секунду остановился у границы желтоватого тумана, скрывавшего дно котловины, оглянулся назад.

– Держи! – Подоспевший Монгол протянул ему наполовину разряженный ИПК.

Метрах в пятидесяти выше по склону в тусклом свете пасмурного дня, извивались стремительно растущие нитевидные побеги «Адского шиповника», они скручивались в кольца, образуя непроходимые заросли. Теперь металлорастение наверняка захватит огромную площадь, сделав эту часть склона абсолютно непроходимой.

– Макс! – Монгол коснулся его плеча. – Уходим!

* * *

Спуск в преисподнюю.

Другого определения не подберешь. Как только сталкеры вошли в границы уцелевшего фрагмента подземной парковки, они оказались в совершенно ином мире.

Мрак. Потоки горячего воздуха, рвущиеся из-под земли через множество трещин, густая металлическая растительность, пластающаяся по стенам и потолку, лужицы фрича, пузырящиеся по полу, ртутные ручейки, вязко текущие по уклону бетонных плит, низвергающиеся в огнедышащие разломы серебристыми струйками.

Макс остановился.

Ощущать себя стоящим на пороге ада было непросто. Не факт, что путь назад вообще существует.

– Осторожно, – произнес он. – Тим, это касается прежде всего тебя. Фрич опасен не менее, чем лужи и ручейки расплава скоргов. Прежде чем поставить ногу, смотри, куда наступаешь. Остальным – не геройствовать. Теперь веду я. Шелест, ты отвечаешь за Тима. Монгол, на тебе – огневое прикрытие.

– Что делать с Гонтой, если нагоним?

– Нагоним, не сомневайся. Его мью-фон сканируется четко. Я подозревал, что он попытается нас «кинуть», и кое-что видоизменил в имплантах.

– Маячок?

– Типа того.

– И все же? Он не очень обрадуется, когда нас увидит.

– А ты не высовывайся. Пусть выведет нас к Светлому Тоннелю, а там я уж сам с ним решу все вопросы.

– Ладно, – пожал плечами Монгол.

– Макс, – раздался по связи голос Шелеста. – Ты не забыл о нашем уговоре? Сначала скоргиум!

– Я помню, – отрезал Максим. – Всем подключиться к каналу телеметрии с моего расширителя сознания. Приборы ночного видения здесь бесполезны. Сплошная тепловая засветка.

– Но Макс, – запротестовал Шелест, – данные с твоего расширителя дезориентируют нас!

– Я же не приказал выключать импланты. Сравнивай ощущения. Делай поправки. Мы сейчас на краю энергополя, но чем глубже будем входить в аномалию, тем больше сбоев станут выдавать ваши импланты. Наступит момент, когда в рабочем состоянии останется только мой расширитель сознания.

– Откуда ты знаешь?

– Хватит болтать, Шелест. Я наполовину сталтех, не забыл? В моем мозгу достаточно скоргов, чтобы ориентироваться.

– Всё, молчу.

– Тогда вперед!

* * *

Мощное бетонное основание нижнего подземного уровня парковки змеилось огнедышащими трещинами. Сумеречное, освещенное багряными отсветами пространство напоминало зловещий лес из жутких видений современных режиссеров-механореалистов: бетонные столбы, подпирающие просевшее перекрытие, были густо оплетены металлорастениями таких разновидностей, о существовании которых Макс даже не подозревал.

Все оттенки металла, от светло-сталистого до сочно-медного, играли причудливыми бликами, лианоподобные стволы автонов обвивали опоры, переплетались между собой, ветвились, цеплялись гибкими побегами за трещины в потолке, расправляли тонкие энергопоглощающие «листья» над источниками подземного огня.

Тишину нарушали поскрипывание и скрежет – мощные воздушные потоки раскачивали ветви металлорастений, срывали созревшие н-капсулы, и те падали на пол, растекаясь кляксами, с мягким, вкрадчивым, чавкающим звуком.

Двигались медленно. Толстые подошвы сталкерских ботинок, изготовленные из специального пластика, защищали от невидимых глазу скоргов. В том, что с вида «чистые» участки пола кишат нанороботами, сомневаться не приходилось.

«Вряд ли егеря рискнут идти за нами через металлический лес», – подумал Макс, пробираясь к единственному обнаруженному им выходу, располагавшемуся в дальней стене огромного помещения.

Пока что все складывалось успешно. На мелких насекомоподобных механоидов, кишащих в сплетении металлических ветвей, он просто не обращал внимания. Экипировка, разработанная в Ордене, позволяла не беспокоиться о таких мелочах. Ловушки, которыми изобиловал недостроенный паркинг, в основном были представлены «Магнитами», «Энергогейзерами», «Топями» и мелкими гравитационными аномалиями. Среди увитых автонами столбов изредка мелькали «Голубые экраны». Непонятно, на кого они тут охотились, кому морочили головы? Не механоидам же?

В принципе каждую серебристую кляксу, лужицу или ручеек,

текущий под уклон бетонной плиты, можно было воспринимать как ловушку. В сплетении металлических растений между небольшими механоидами шла постоянная борьба, то и дело под просевшим перекрытием мелькали отсветы энергетических разрядов, снопами били искры, вниз со звоном падали покалеченные корпуса микромехов, с поврежденных ветвей сыпалась окалина.

Макс сделал очередной шаг и замер.

Из уродливого пролома в стене, за которым начинался старый тоннель с арочным, выложенным из кирпича сводом, внезапно появился сгусток холодного зеленоватого пламени.

Химера!..

Рука Макса скользнула к поясу.

Пальцы сжали рукоять энергетической «Плети» – единственного оружия, способного нанести вред плазмоиду.

«Плеть» – рукотворный артефакт. Как и «Джампер», его изготавливают мастера-мнемотехники из различных (весьма редких) компонентов. За основу берется хищное металлорастение, питающееся скоргами. Для изготовления оружия подходит только полая часть стебля, где хищный автон хранит избыток пойманных скоргов. Снаружи срезанный фрагмент полого металлического ствола покрывают специальным пластиком. Затем внутрь помещают колонию наномашин, добытых из аномалии «Энергогейзер». К нижнему торцу полученной рукояти крепится «Сердце зверя», в верхней, боевой части устанавливается вариатор напряжения.

Пока «Сердце зверя» изолировано от заключенной внутри рукоятки колонии скоргов, «Плеть» неактивна. Но стоит лишь подать питание, как из торца появляются извивающиеся язычки энергетических щупалец. Артефакт готов к бою, но правильно применить его – задача не из легких. Энергетические щупальца при резком скачке питания мгновенно удлиняются, выхлестываясь на полтора метра. Сталкер должен действовать молниеносно и точно, чтобы поразить жертву и при этом не задеть себя.

Макс сам изготавливал личное оружие и прекрасно умел им пользоваться.

– Никому не двигаться! – Он активировал плеть, и короткие язычки жадных, ищущих добычу энергощупалец показались из боевого торца рукояти. – Химера! Я сам разберусь с ней!

Сгусток зеленоватого пламени размером с баскетбольный мяч плыл на высоте четырех метров, под самым потолком. Змеящиеся энергетические лапки ощупывали металлорастения, озаряя сплетение автонов призрачным

сиянием.

Говорят, у Химер есть подобие сознания. Макс в этом сомневался. Скорее он допускал наличие некоей программы, управляющей поведением плазмоидов. Будь у Химер зачатки разума или способность накапливать опыт, они стали бы настоящим бичом отчужденных пространств. Но, к счастью, энергетические формы появлялись редко, в основном перед пульсациями, и выполняли набор одних и тех же действий – биологические объекты они пытались уничтожить, механические – согнать в зону тамбура.

Зловещий ореол Химерам создали сами сталкеры. Стрелять в энергетический сгусток бесполезно, на фрич Химера не реагирует, от броска плазменной гранаты смертельных неудобств не испытывает. Вот и получается, что большинство обитателей отчужденных пространств попросту не могут противостоять плазмоидам.

Макс резко появился из-за укрытия.

Химера мгновенно заметила сталкера, ринулась на него, не понимая, что атакует сброшенную Максимом ловушку. Сталкер уронил ее к основанию оплетенного автонами столба, а сам отпрянул, разрывая дистанцию.

Треск, ослепительная вспышка, брызги расплавленного металла, искры, волны микроискажений, – столб разорвало пополам, автоны зашевелились, словно змеи, рассеченные Химерой металлические «лианы» извивались, плюясь дымом; с потолка шелестящим градом посыпались микромехи, парализованные искажением, плазмоид, пробив препятствие, на миг завис в воздухе, стабилизируя нарушенную в момент атаки форму.

Удар плети пришелся наискось, снизу вверх. Четыре энергетических щупальца, свитые спиралями, прошли сквозь Химеру, вызвав еще одну ослепительную вспышку, на миг озарившую огромное пространство. Длинные тени метнулись по сумеречному помещению, Тим вздрогнул, ожидая чудовищного взрыва, но… ничего не произошло. Плазмоид не превратился в потоки излучения, он лишь подернулся рябью, словно его сияющая оболочка с трудом сохранила стабильность.

Макс, уже не таясь, вышел из-за развороченного посередине столба.

Извивающиеся щупальца плети исчезли, словно растаяли в воздухе, а Химера продолжала левитировать в полутора метрах от пола, то вспыхивая с неистовой силой, то угасая.

– Пошли. – Макс сунул деактивированную рукоять плети в специальный чехол, закрепленный на левом предплечье бронескафандра.

– И все?.. – невольно вырвалось у Тима.

– Химеру невозможно разрушить. Удар плети лишь временно

парализует ее, – спокойно пояснил Макс. – А ты думал тут будет побоище? – усмехнулся он. – Главное – не суетиться.

Монгол, добравшись до пролома в стене, заглянул в древний тоннель.

– Жарко тут, – прокомментировал он показания имплантов. – Пятьдесят по Цельсию. Скорость ветра – три метра в секунду. Не аэродинамическая труба, но приятного мало.

– Шелест, что это за тоннель? – Макс первым шагнул в пролом, отметив, что старинный участок коммуникаций примыкает к подземному паркингу под углом. Видимо, строители снесли часть более давних ходов.

Шелест сверился с данными спутникового сканирования.

– Предназначение этого тоннеля неизвестно. Да и какая разница, Макс, для чего он построен и как использовался? Нам нужна подземная железнодорожная ветка. Она расположена ниже.

– На схеме есть какие-то переходы, колодцы?

– Только трещины, – лаконично ответил Шелест.

– А почему тут нет металлорастений? – Тим перенервничал в момент появления Химеры и теперь лез с вопросами, пытаясь хоть как-то выговориться.

– Тут старая кирпичная кладка. Она не армирована металлом, – охотно пояснил Шелест, подталкивая Тима вперед. – Ты шевели ногами.

Под сводами тоннеля было темно. Инфракрасные сканеры практически не работали из-за постоянно повышающейся температуры окружающей среды.

– Вперед на семьдесят метров. Там будет первый разлом и возможность спуститься в железнодорожный тоннель.

– Похоже, что Гонта уже воспользовался спуском. Его маркер впереди. Движется в нужном нам направлении.

– Замечательно, – зло откликнулся Монгол. – Прибью гада, когда догоним, – пообещал он.

– За что? – Тим никак не мог угомониться.

– Он нас егерям подставил! – огрызнулся сталкер.

– Вообще-то странно, – произнес Макс. – Я подозревал, что он постарается отколоться от группы, но не думал, что все произойдет так рано. Главные опасности еще впереди.

– Может, нервы не выдержали? – предположил Шелест.

– Может, и нервы… Вот только не пойму, как он с Химерой разминулся?

– Да, действительно, как? – озадачился Монгол.

– Мне эта Химера вообще показалась странной, – поделился

сомнением Макс. – Не должно ее тут быть.

– Почему? – встрепенулся Монгол.

– Ну, ты же знаешь, Химеры обычно в зоне тамбура барражируют. А до него несколько километров. И под землей их еще никто не встречал.

– Ты к чему клонишь? – поинтересовался Шелест.

– Так, мысли вслух, – хмыкнул Максим. – Думаю, впереди нас ждут сюрпризы. Здесь явная граница какой-то неизвестной нам аномалии.

– Почему ты так решил? У меня сканеры ничего не показывают. Разве что рост напряженности энергополя да повышение температуры воздуха.

– Трупов в тоннеле нет, – обратил его внимание Максим. – Посмотри, ни следов стрельбы, ни энергетических отметин, ни тел. Боевики секты явно прошли этим же путем. И тоже с Химерой не повстречались. Выходит, она появилась позже?

– Перед нашим появлением. Прямо взяла и возникла из воздуха, – нервно хохотнул Тим.

– Тим, заткнись наконец. Не из воздуха, а из энергополя. Боюсь, близится пульсация. Может, они как раз в таких, особенно мощных энергополях перед пульсацией Узла и формируются?

Максу никто не ответил. Впереди забрезжил багряный свет, истекающий из первого расположенного по пути их следования тектонического разлома.

Вопрос о природе появления Химеры так и остался открытым.

* * *

– Ну, вот и металлорастения. А ты переживал. – Макс остановился в нескольких шагах от широкого разлома, пересекающего систему старинных коммуникаций.

– Да не переживал я, просто спросил! – Тим поежился.

– Спускаемся. – Максим отсканировал автоны, убедился, что они не принадлежат к агрессивным видам металлической растительности, затем прошел к краю разлома, заглянул вниз.

Два обгоревших тела в экипировке Пламенного Креста он заметил сразу. Разлом пересекал расположенный ниже тоннель и уходил в глубины земной коры.

Монгол тем временем осмотрел края трещины.

– Интересно, а как фанатики вниз спускались? Не видно никаких следов от крепления тросов.

– «Джамперы», – пояснил Макс.

– Откуда знаешь?

– Внизу два тела. На них надеты артефактные устройства.

– А Гонта?

Максим указал на толстую металлическую лиану, вцепившуюся в неровную стену трещины.

– Я тоже спущусь по ней. Посмотрю, что убило фанатиков.

Семьдесят градусов по шкале Цельсия. В мутном воздухе смесь токсичных газов. Макс закинул ИПК за спину, резким подергиванием испытал металлическую лиану на прочность. «Гонта все же отчаянный, – подумалось ему. – Что же за цель он преследует? Или не стоит искать сложных объяснений? – Максим начал спуск. – Действительно хотел заработать денег, а когда импланты вплавило, у него остался единственный выход – еще раз пройти через Светлый Тоннель? Но почему он решился идти в одиночку? Испугался, что убьем его? Но какой смысл? Или он судит о других по себе?»

Спуск проходил медленно. Металлическое растение, вцепившееся в каменную стену разлома, угрожающе поскрипывало, едва выдерживая вес сталкера в экипировке.

Максим старался не смотреть вниз. Если сорвусь, уже ничто не поможет.

Наконец показался край железобетонного тюбинга, разломившегося при подвижке земной коры. Металлическая лиана здесь начинала ветвиться, срастаясь с прутьями разорванной арматуры.

Макс повис на руках.

Основной ствол лианы резко изгибался, пластаясь побегами по своду железнодорожного тоннеля.

Он включил дополнительные захваты-манипуляторы, впился ими в металлорастение, осторожно перехватился одной рукой, снова закрепился, оторвал вторую руку, продвинулся еще на полметра в глубь тоннеля, удаляясь от края трещины.

Висеть под сводом было страшновато – лиана могла не выдержать веса, оторваться от потолка, – но спрыгивать Макс не спешил. Он освободил правую руку, выхватил импульсный «страйк». Что-то таилось в багряной мгле.

Расширитель сознания медленно формировал картину окружающего. Без имплантов он бы не увидел ничего дальше полуметра. Обычное зрение демонстрировало лишь клубящуюся испарениями тьму да тусклые багряные отсветы.

Наконец изображение стабилизировалось, и тут Макс внутренне похолодел.

Стены железнодорожного тоннеля *шевелились*! Миллиарды тонких металлических ворсинок покрывали внутреннюю поверхность тюбингов, хищная колония скоргов разрослась до немыслимых размеров, раскинувшись на десятки метров по обе стороны от разлома.

Теперь понятно, как погибли боевики Пламенного Креста. Те двое, кого он увидел сверху, и еще один, только что замеченный Максом, не сумели распознать опасность и слишком рано отключили «Джамперы», приземлившись на захваченную скоргами поверхность. Судя по тонким металлизированным разводам, поблескивающим на экипировке погибших, безобидные на первый взгляд щетинки с легкостью пронзали броню…

Он поднял взгляд, осмотрел свод тоннеля.

Металлическая лиана отвоевала себе часть жизненного пространства. Удивительно, как быстро и беспощадно протекает эволюция скоргов. Они приспосабливаются к окружающей среде, видоизменяются, уничтожают друг друга, – трудно даже вообразить, что происходило в тоннеле, когда металлическое растение в неистребимой жажде роста вторглось в «жизненное пространство» хищной колонии наномашин.

Макс видел лишь последствия той схватки. Ноздреватые, как будто подтаявшие участки бетона, очищенные от ворсинок, носили явные следы воздействия концентрированной кислоты.

Лиана аккумулировала ядовитые испарения, внутри полых стеблей протекали химические процессы, и в результате молодые побеги – Макс различал их метрах в шести от себя – вытравливали кислотой новые участки для роста, уничтожая сплошной ковер тонких металлических ворсинок.

Так… Гонта двигался под сводом. Об этом свидетельствовали несколько оторванных от потолка побегов металлической лианы и пузырящиеся лужицы кислоты на полу. Повторять рискованный трюк Макс не собирался. Убрав «страйк», он вынул из подсумка фрич-гранату.

Раньше сталкеры использовали обыкновенные пластиковые емкости. Разбиваясь при ударе о препятствие, они разбрызгивали аномальную субстанцию, поражая ограниченный участок брони техномонстра или превращая в ломкое крошево непроходимые заросли металлокустарника.

С тех пор как был изобретен этот нехитрый способ использования фрича, конструкцию гранат удалось усовершенствовать. Внутрь пластиковой оболочки помещали капсулу со сжиженным газом. При ударе она разрушалась, и аномальную субстанцию распыляло в виде облака, что в разы увеличивало зону поражения.

«До пола метров шесть. Меня разрывом не достанет». – Макс разжал

пальцы, отпуская гранату в свободное падение.

В следующий миг он увидел, как на самом деле охотится колония скоргов.

Стоило гранате коснуться покрытого ворсинками пола, как тысячи тончайших серебристых нитей ударили от стены до стены, мгновенно превратив участок тоннеля в сплошную паутину из туго натянутых струн.

Облако фрича взметнулось ядовито-зеленым маревом, по полу и стенам тоннеля, по нитям мгновенно сотканной паутины тут же метнулись разводы изморози, превращая металл в пыль, разрывая связи между нанитами. Раздался шелестящий звук, паутина рассыпалась, со стен тоннеля белесой коростой отслаивались и тут же обращались в прах целые пласты уничтоженной ловушки.

– Макс, что там у тебя? – раздался по связи встревоженный вопрос Монгола.

– Секунду. – Максим напряженно ждал дальнейшего развития событий. Пространство по краю разлома расчистило фричем, но расположенная в глубине тоннеля часть колонии скоргов уцелела. Насколько быстро наномашины попытаются отвоевать утраченные позиции?

– О черт! – Макс разжал пальцы.

Впереди творилось нечто несусветное. Хищная колония скоргов была слишком примитивна, чтобы различать причину и следствие. Здесь, в раскаленном сумеречном подземелье, у «ворсинок» был только один исконный враг – лиана. Ее и атаковала хищная колония в отместку за нанесенный действием фрича урон.

Макс приземлился в центре расчищенного пространства.

– Монгол, трос, живо! Первым спускается Шелест! Следом Тим, ты последним! Всем приготовить фрич!

В нескольких метрах от края трещины разгоралась непримиримая борьба. Тысячи тонких нитей впивались в металлическое растение, хищная колония скоргов пошла в атаку, но лиана не думала сдаваться без боя. Ее молодые побеги, отцепившись от свода, повисли, раскачиваясь из стороны в сторону, разбрызгивая кислоту, сжигая серебристые нити, желтоватые клубы токсичных испарений в считаные мгновенья поглотили все свободное пространство, заполнив подземелье агрессивными химическими соединениями.

Вниз, разматываясь на лету, упала бухта троса. Макс поймал и закрепил ее.

Шелест спускался почти минуту. Наконец он встал рядом с

Максимом, потрясенно наблюдая за жуткой схваткой скоргов.

Горячий воздух, истекающий из разлома, устремлялся в глубины тоннеля, сминал удушливые, ядовитые клубы, открывая взгляду рваную картину происходящего: колония скоргов гибла под воздействием распыляемой лианой кислоты, скоротечная схватка уже практически завершилась – у металлорастения закончились запасы «химического оружия».

Как нередко случается в схватках между наномашинными комплексами, определить победителя было невозможно. Множество побегов металлической лианы, отсеченных ударами серебристых нитей, валялись на полу тоннеля, среди шипящих кислотных луж, но и «ворсинкам» досталось изрядно, их колония уже не выглядела сплошным шевелящимся ковром – кое-где на стенах виднелись лишь небольшие разрозненные участки ловушки, избежавшие воздействия кислоты.

– Боевая ничья, – прокомментировал Макс. – Думаю, что лиана вскоре расширит свои позиции. А нам нужно пройти опасный участок, пока противники выдохлись.

* * *

Мир подземелий разворачивался перед сталкерами сумеречным адом.

Сотни ловушек таились во тьме. Макс прокладывал путь, стараясь провести немногочисленную группу без потерь и чрезмерного расходования специфических боеприпасов. Конечно, можно было бы проложить себе путь плазменными гранатами, фричем, постоянным мнемотехническим прессингом на колонии скоргов, но к чему приведет такой яростный и прямолинейный напор?

Скорее всего, к гибели.

Они и так на протяжении получаса пробирались по трупам фанатиков Пламенного Креста. Макс насчитал девять истерзанных тел боевиков секты, угодивших в различные ловушки.

– Скоро мы их нагоним, – мрачновато предрек Монгол.

Датчики имплантов указывали, что сталкеры уже спустились на глубину ста метров. Просторный железнодорожный тоннель с высоким сводом вскоре должен был разветвиться. Основной путь уходил к точке вкрапления скоргиума, боковое ответвление вело к подземельям, расположенным под Зыбучим Холмом, к разлому, откуда брали начало лучевидные тектонические трещины.

Напряженность энергополя росла. Расширители сознания сталкеров работали со сбоями, реальность периодически искажалась, под сводом

подземелья стали появляться полосы холодного зеленоватого мерцания.

Макс, ощутив вибрацию, остановился.

Что-то двигалось по тоннелю. Он осмотрелся в поисках укрытия, но вокруг теснились ловушки, стены и свод заплетали металлорастения, их гибкие ветви тянулись к сталкерам, пружинисто гнулись под напором усилившегося ветра.

Там, где раньше располагались рельсовые пути, тек глубокий ручей вязкой серебристой субстанции. Среди плетения автонов кое-где проглядывали связки старых кабелей, еще сохранивших изоляцию и потому не сожранных скоргами.

– Макс, чувствуешь вибрацию? – в вопросе Шелеста прозвучали тревожные, если не сказать – панические, нотки.

– Чувствую. – Максим лихорадочно соображал, что делать.

Сфокусировав сканеры, он попытался дотянуться до вызывающего эту вибрацию объекта, но расширитель сознания показал лишь зловещий контур чего-то обтекаемого, массивного, стремительно приближающегося…

Единственным возможным укрытием являлась просторная техническая ниша в стене тоннеля, но доступ к ней перекрывали заросли весьма агрессивных автонов.

Действовать перчатками из фрича уже не оставалось времени, запас гранат, начиненных аномальной субстанцией, они израсходовали.

– Всем на пол! Монгол, видишь нишу?!

– Да!

– Сожги автоны! Плазмой!

Граница плазменного пятна при взрыве гранаты составляет примерно десять метров, до ниши – все пятнадцать, но применение высокоэнергетичных боеприпасов в замкнутом пространстве подземелья – это игра в поддавки со смертью.

Но что делать, если из глубин тоннеля приближается *нечто*?

– Макс, не вариант! – Монгол не подчинился полученному приказу.

Проклятье. Он прав!

– Лежать! – Макс схватил за плечо пытавшегося вскочить Тима. – Лежать!

Тоннель уже не вибрировал, он ходил ходуном.

Максим потянулся мысленным воздействием к заслонившим спасительное углубление автонам, и тут же его взгляд зацепил медленно переливающийся у потолка сполох зеленоватого мерцания.

Он действительно не знал предела своих возможностей. Часто Макс

действовал по наитию, особенно в минуты смертельной опасности. Вот и сейчас он внезапно изменил решение, его импланты через расширитель сознания мгновенно переподключились в иную конфигурацию, в гермоперчатках сработали специальные фильтры, давая возможность задействовать расположенные на кончиках пальцев микрогенераторы.

Обычно такими устройствами пользуются бойцы-энергики для формирования шаровых молний, но «шаровуха» в их ситуации не выход, взрыв энергетического сгустка повлечет тот же губительный эффект, что и бросок плазменной гранаты.

Макс использовал магнитное поле.

Тим сдавленно охнул, когда фигура сталкера вдруг выгнулась, черты его лица исказились, выдавая нечеловеческое напряжение, от пола тоннеля вверх вдруг начали подниматься какие-то ржавые железки, по металлорастениям пробежала волна, они со всех сторон потянулись к Максу, кое-где с лязгом отрываясь от стен, и вдруг сполох зеленоватого сияния, переливавшийся под сводом тоннеля, начал деформироваться, его сжимала незримая сила, придавая вид пульсирующей сферы.

Еще секунда, и сформированный Максимом сгусток зеленоватого пламени ослепительным росчерком наискось раскроил тьму, ударив в плотное сплетение металлической растительности.

Макс рухнул навзничь, одновременно со вспышкой ослепительного изумрудно-холодного пламени, и это спасло ему жизнь, как и остальным сталкерам, вжимавшимся в пол тоннеля.

Искажения реальности, аналогичные тем, что возникают при пульсациях Узла, пронеслись в метре над ними, ударили в противоположную стену, размягчая бетон, по своду тоннеля с жутким грохотом прыснули трещины, вниз сорвалось несколько угловатых глыб и… все стихло.

Больше не ощущалось вибрации и близящегося грохота, словно волна микропульсации, распространяясь по тоннелю, остановила неведомого техномонстра.

Максим приподнял голову, осмотрелся.

Автоны, заслонявшие вход в укрытие, немыслимым образом перекрутило, сплавило друг с другом, превратив в оплывший ком.

– Туда! – Макс вскочил, схватил Тима, помогая ему встать, подталкивая в нужном направлении.

В глубине тоннеля раздался ужасающий скрежет, словно там пришли в движение шестерни какого-то давно не используемого механизма.

Сталкеры успели вбежать в спасительную нишу, когда вибрация и

грохот возобновились с прежней силой.

– К стене! Присесть! Не смотреть!

Куда там…

Как это – не смотреть, когда из глубин приближается нечто невообразимое и жить, возможно, осталось всего пару секунд, не больше?

Пол тоннеля содрогался.

Из тьмы появились обтекаемые формы невиданного исчадия: огромный, похожий на червя металлический монстр несся, набирая скорость, раскачиваясь, цепляя сегментированным «туловищем» за стены тоннеля, сминая металлорастения, высекая снопы искр. Он приближался стремительно, но все же сталкеры успели рассмотреть затянутые металлом глазницы, когда-то бывшие лобовыми окнами в кабине машиниста скоростного поезда, заметить чудовищную деформацию, исказившую аэродинамику форм, а в следующий миг чудовище пронеслось мимо, расплескав ртутную массу из русла текущего по тоннелю металлического ручья.

– Проклятье! – заорал Монгол, стряхивая с брони влажные плевки серебристой субстанции. – Макс, ты видел?! У него нет колесных пар! Эта тварь движется по руслу ручья, не касаясь земли!

Максим ничего не ответил. Он сидел, бессильно прислонившись спиной к шероховатой, влажной бетонной стене, его взгляд сочился пустотой, словно разум и душа покинули тело, оставив лишь безвольную оболочку.

– Макс! – Шелест склонился над ним, концентрируя энергию, производя бионическое воздействие на организм, но даже ему, много повидавшему, не раз спасавшему истощенных непомерными усилиями сталкеров, в первый миг показалось, что все бесполезно, Максим попросту сжег себя в невероятном секундном напряжении.

– Монгол! Помоги! Поддерживай работу его метаболического импланта!

Прошла минута, другая, третья, прежде чем взгляд Макса начал постепенно приобретать осмысленное выражение. Он вздрогнул, несколько раз судорожно вдохнул, затем конвульсивно закашлялся.

Кружилась голова. Виски ломило от боли. Окружающий мир двоился перед глазами, расширитель сознания выдавал сигнал сбоя.

– Тебе нужно отдохнуть… – прорвался издалека голос Шелеста.

Макс не понимал, о чем говорит сталкер. Он как будто вынырнул из бездонного омута, ему не хватало воздуха, истощенный в одно мгновенье организм, как и полностью разряженное «Сердце зверя», требовали

энергии, и он машинально начал собирать ее, аккумулировать, – со всех сторон от ближайших, порванных недавним прохождением техномонстра зарослей металлорастений к Максиму потянулись тонкие изломанные пульсирующие ниточки энергетических разрядов.

Шелест и Монгол невольно отшатнулись.

Тим вообще с трудом понимал, что происходит, он так и сидел, разинув рот…

* * *

– Нормально… Можем двигаться дальше… – Макс с трудом встал на ноги, пошатнулся.

– Ты хоть понимаешь, что сделал?!

– Ну? – Максим исподлобья взглянул на Шелеста, не испытывая никакого желания обсуждать случившееся. Он все еще ощущал граничащую с потерей сознания слабость, даже разговаривать удавалось с трудом.

– Ты же ударил в автоны микропульсацией!

– Шелест, не заговаривайся… – осадил его Максим. – Никакой микропульсации не было и быть не могло. Не я создал сполох аномальной энергии. Я лишь сконцентрировал его и послал в нужном направлении.

Чтобы не вступать в бессмысленное сейчас обсуждение, он развернулся и молча направился в глубь тоннеля. Остальным волей-неволей пришлось поспешить за ним.

– Макс, подожди!

– Шевелите ногами, – огрызнулся Максим. – Нужно ловить момент, пока ловушки не перезарядились.

Монгол догнал его, зашагал рядом.

А ведь Макс прав. Этот металлический червь разрядил практически все активные аномалии, за исключением «Топей». Даже «Магниты», в изобилии разбросанные по подземелью, едва излучали.

Метров триста удалось пройти скорым шагом без происшествий, пока в ободранных прохождением «металлического червя» зарослях автонов они не увидели разорванный труп боевика секты.

Макс остановился, резко присел, дав знак остальным – рассредоточиться.

Монгол вскинул оружие. Труп фанатика ясно указывал, что они нагнали группу Молоха. Впереди, метрах в тридцати, если верить карте и сканерам, расположена развилка тоннелей. Сам собой напрашивался вопрос: сколько боевиков секты успели добежать до нее и укрыться от

подземного исчадия?

– Шелест, Тим, остаетесь тут. Монгол, пошли, проверим развилку.

Метров через пять им попались еще два изувеченных тела.

Времени после катастрофического появления техномонстра прошло немного, всего четверть часа.

– Макс, я думаю, они сразу за развилкой в боковом ответвлении, – произнес Монгол, осторожно двигаясь вдоль границы потрепанных, частично оторванных от стен ползучих металлорастений.

– К вкраплению уводит основной тоннель, – скупо возразил Максим.

– Фанатики не железные. У них тоже существует предел. И ужаса, и усталости. Сканеры сбоят, толком ничего не разглядеть, часть бойцов они потеряли, наверняка свернули, чтобы перевести дух в безопасном месте.

– Ты плохо знаешь Молоха.

Некоторое время они двигались, не разговаривая.

Вот и развилка.

Монгол, мысленно прикинув возможные последствия, достал плазменную гранату. Если метнуть поглубже в боковой тоннель…

Макс коснулся его руки, привлекая внимание, отрицательно качнул головой.

«Почему?» – беззвучно, одними губами спросил Монгол.

«Гонта. Светлый Тоннель», – так же артикуляцией губ ответил Макс, затем указал жестом – прикрой.

* * *

Развилка была пуста, если не считать еще одного изуродованного тела. Боевик секты лежал посреди тоннеля, наполовину погрузившись в ртутный ручей.

Осмотрев развилку, Макс покачал головой.

– Ушли прямо. Вернись, приведи Шелеста и Тима.

– Будем преследовать Молоха?

– Я не думаю, что они дойдут до вкрапления. Всё, что мы пережили, – цветочки. Температура растет, скоргов все больше, – скупо изложил свою точку зрения Макс.

Монгол кивнул, скрывшись во мраке, а он, используя временную передышку, присел, настороженно прислушиваясь к своим ощущениям.

Центр энергополя находился уже очень близко. Таких мощных эманаций аномальной энергии на поверхности ему не встречалось ни разу.

Мысль о скоргиуме почему-то уже не будоражила воображение. После последней схватки эмоции потускнели, выцвели, лишь образ Яны

постоянно появлялся в рассудке, вызывая щемящий отклик в душе.

«Найду ли я тебя?»

Он понимал, насколько мал шанс их встречи.

«Кто же ты? Призрак? Наивная сущность маленькой девочки, записанная на мертвый носитель, взрослеющая в мире грез, который в силу своих, неведомых людям целей создал для тебя технос?»

И все же эмоциональный срыв, внезапно захлестнувший рассудок сталкера, подтолкнувший его к участию в опаснейшей вылазке, не вызывал в нем протеста. Он еще и еще раз повторил бы пройденный путь.

Шелест был абсолютно прав в промелькнувших у него подозрениях: Макс шел не к скоргиуму, и даже не к Светлому Тоннелю. Одна мечта нанизывалась на другую, – наблюдение за Зыбучим Холмом внезапно подарило Максиму проблеск новой негаданной надежды.

Продавленное небо. Облака, что спускались так низко, кружили над верхними этажами полуразрушенного здания – не их ли видел Макс в пронзительных снах?

Он устал быть циничным и трезвомыслящим. Долгий путь – от опустившегося бродяги до сталкера-универсала, обладающего не познанными до конца возможностями, – закалил и одновременно ожесточил его.

Внезапная трансформация снов, подарившая ему образ Яны, перевернула душу, толкнула на безумные поступки.

Временами Максиму казалось, что он просто сошел с ума, поддался на жуткую провокацию и сейчас отыгрывает непонятную роль в сценарии, написанном и срежиссированном техносом.

Он скрипнул зубами.

«Выживу. Прорвусь. Даже если предчувствие встречи обернется злой насмешкой судьбы, пусть будет так, но я узнаю правду».

Макс встал, отгоняя тяжелые мысли, углубился на несколько шагов в боковое ответвление, старательно выискивая среди шелушащейся металлической коросты и скопившейся тут грязи свежие следы. Он хотел понять, добрался ли Гонта до развилки.

Импланты работали на пределе возможностей. Расширитель сознания транслировал в рассудок жуткие и фрагментарные образы: он ощущал присутствие сотен странных созданий, копошение миллиардов скоргов, что гнездились во мраке запутанного лабиринта огнедышащих трещин и древних подземных коммуникаций.

Если мир отчужденных пространств, где погибла природа и стремительно развивался технос, все же стал средой обитания для наиболее

отчаянных представителей рода человеческого, то тут мысленному взору Максима открывались фрагменты реальности, где сталкеру уже не выжить.

Маркер мью-фона Гонты он отыскал совершенно не там, где рассчитывал его обнаружить.

Да, ответвление тоннеля являлось частью маршрута, но Гонта ушел глубже, где-то поблизости существовал переход на другой уровень подземелий, а там – запутанный лабиринт разорванных Катастрофой коммуникаций. Обманул все же.

«А если никакого Светлого Тоннеля не существует? – обожгла Максима внезапная мысль. – Что, если Гонта спустился в подземелья с иной, известной только ему целью?

Нельзя было упускать его из виду. Даже на мгновенье…»

…Сзади послышался звук приближающихся шагов.

– Температура растет. – Шелест транслировал Максу показания приборного комплекса, закрепленного поверх брони его скафандра. – Если случится разгерметизация, даже метаболический имплант не поможет. Двести сорок градусов Цельсия, атмосфера – смесь ядовитых газов.

– Умеешь ты порадовать, – буркнул Монгол. – Макс, что делать будем? Тим едва ноги передвигает. Совсем сник парнишка.

– Я засек мью-фон Гонты. Он спустился на один уровень вниз. Думаю, находится у цели. Молох наверняка увел свою группу дальше по основному тоннелю. Они должны отыскать подходящую трещину, чтобы начать спуск к вкраплению.

– Что предлагаешь? – напрягся Шелест.

– Оставить Тима и Монгола тут, на развилке. Это относительно безопасно. Мы с тобой пойдем по следам фанатиков. Спустимся вслед за ними, возьмем образец скоргиума и вернемся сюда.

– А если не вернетесь? – Монгол явно был недоволен отведенной ему ролью няньки.

– Если не вернемся в течение часа, идите к точке, где сейчас фиксируется маркер Гонты. Там уже сами сориентируетесь, как действовать. Я думаю, что аппаратура Светлого Тоннеля включается автоматически. Врал он про коды доступа. Если сигнал его мью-фона вдруг исчезнет, значит, он прошел. Тогда не ждите, двигайте туда. Мы с Шелестом сами выберемся.

– Макс, мне это не нравится! – категорично заявил Монгол. – Шли вместе, зачем сейчас разделяться?

– Тим не выдержит спуска к вкраплению. Там ад, – ответил Максим. – Да и ты вроде не за скоргиумом шел, верно?

Монгол некоторое время молчал, взвешивая «за» и «против», затем нехотя кивнул.

– Ладно. А может, мне спуститься, потолковать с Гонтой?

– Разве только понаблюдать за ним, – подумав, ответил Макс. – Чтобы не напакостил напоследок. Хотя вряд ли он сумеет испортить аппаратуру Тоннеля.

– Это почему?

– Ты на показания датчиков давно смотрел? В таких условиях сохранить функциональность могут лишь очень хорошо защищенные устройства.

– Ага, либо переделанные скоргами на свой лад… – Монгол внезапно осекся, не завершив начатой фразы. – Проклятье!.. Там что-то движется! – Он вскинул автомат. – Макс, это…

В глубине бокового ответвления внезапно полыхнул разрыв плазменной гранаты.

Огненный вал пронесся по тоннелю. Ударная волна сбила сталкеров с ног, разметала их, как игрушечных солдатиков.

Макса с силой ударило спиной о стену.

Бронескафандр выдержал, к счастью, лианоподобные автоны смягчили удар, пружинисто отбросив его навстречу объятым пламенем фигурам.

* * *

Тим был измотан до такой степени, что утратил всякий интерес к происходящему. Пока трое сталкеров спорили, как поступить, он отыскал более или менее свободный от металлической растительности участок, присел подле мощного выступа стены, безучастно глядя в одну точку.

Его физические и моральные силы иссякли. Он уже не верил, что в этом сумеречном аду существует путь к мифическому спасению.

Когда в глубине тоннеля грянул внезапный взрыв, его защитил выступ стены, о который Тим опирался спиной. Он даже не успел испугаться. Вал всепожирающего пламени пронесся в теснине подземелья, автоны, густо оплетавшие противоположную стену, мгновенно сожгло, ударная волна с ревом крошила бетон, дымящиеся обломки конструкций несло, словно снаряды, во мраке тоннелей всклубились пыль, дым и копоть, сканирующий комплекс дал сбой и ушел в перезагрузку, а когда на проекционное забрало шлема вновь начали поступать данные окружающей обстановки, Тим заорал от ужаса.

Расплавленные автоны стекали со стен вязкой багряной массой. Среди

дыма сканеры фиксировали стремительные силуэты исчадий техноса и фигуры людей.

Его крик перешел в сдавленный стон.

«Что делать? Куда бежать, где спрятаться?»

Через мгновенье он увидел, как на расстоянии вытянутой руки вдруг возник силуэт сталкера. Тяжелая броня с символикой Пламенного Креста – этот знак Тим запомнил на всю жизнь – местами расплавилась, покрылась коркой окалины, отлетавшей при каждом движении: боевик секты вел огонь во тьму, сполохи статики злобными язычками плясали на срезе электромагнитного компенсатора тяжелого импульсного пулемета, очереди рвали мрак, а вместе с ним и жуткие фигуры насекомоподобных порождений техноса, похожих на огромных металлических пауков.

Несколько тварей рухнули, покатились по полу, боевик медленно отступал, не прекращая огня, пока со спины к нему не метнулась гротескная тень. Тим отчетливо увидел блеснувший отраженным светом, мутный росчерк ударившего наискось манипулятора, услышал отвратительный хруст проломленного гермошлема, затем в голове у него помутилось, – огромная механическая тварь, разделавшись со сталкером, начала поворачиваться к нему…

Тим оцепенел, но паралич мышц длился всего лишь мгновенье: судорожно всхлипнув, он вскинул оружие и, не целясь, что было сил сдавил гашетку импульсного «шторма».

Весь боезапас вылетел в длинной, не контролируемой стрелком очереди. Руки Тима дрожали, но с такой дистанции промахнуться было попросту невозможно. Игольчатые пули, высекая искры, перерубали манипуляторы твари, впивались в корпус, выжигали дыры в металле, терзали уже обезображенный остов, пока электромагнитный затвор не щелкнул вхолостую.

Тим с ужасом отшвырнул бесполезный теперь автомат, попытался сориентироваться.

Десятки исчадий приближались со всех сторон.

Кто-то стрелял, длинные очереди бились пульсирующими трассами, вокруг грохотали взрывы, осколки и пули с воем метались среди стен, и Тим не выдержал – он побежал, не разбирая дороги, уже не понимая, что делает. Он несся среди разрывов, спотыкался, падал, вскакивал, снова бежал, пока клокочущий ад подземной схватки не остался позади.

Сердце рвалось наружу. Он задыхался, но остановить его надрывный бег могла сейчас только смерть – ужас гнал Тима в полную неизвестность…

Он полностью потерял чувство направления. Бежал, пока пол под ногами внезапно не раздался в стороны, открывая черную пасть бездонного провала.

Сердце замерло, внутренности ошпарило холодом; падая, он потерял сознание от ужаса.

* * *

Макс с трудом поднялся на ноги.

Удар о стену вышиб воздух из легких, в первое мгновенье он грешным делом подумал: всё, конец… но злые вспышки автоматной очереди, разорвавшие тьму в нескольких метрах правее, быстро привели его в чувство.

Стрелял Монгол.

На частотах связи царил хаос.

Из бокового тоннеля, отстреливаясь на ходу, появились десятка полтора боевиков секты, а через секунду их захлестнула волна механической нежити – паукообразные твари атаковали всех без разбора, их становилось все больше, в глубине ответвления тоже шел бой, и Макс, судорожно вдохнув, нашарил рукой оброненный в момент падения ИПК.

– Монгол, Шелест, Тим – отходите! – закричал он по связи.

Никто не откликнулся. Справа продолжал огрызаться «калашников», – экономные, расчетливые очереди в два патрона били по исчадиям подземелий, останавливая их бешеный атакующий порыв. Пули, начиненные фричем, наносили больше урона, чем беспорядочный захлебывающийся огонь импульсных автоматов, которыми были вооружены боевики Пламенного Креста.

Почему они не пошли ко вкраплению скоргиума, а сунулись в боковой тоннель, оставалось неясным, но думать сейчас о мотивах поступков Молоха было попросту некогда.

Трое боевиков внезапно отделились от группы, рывком преодолели развилку подземных коммуникаций и тут же скрылись во мраке основного тоннеля.

Остальные продолжали отбиваться от наседающих механических тварей.

Макс не любил фанатиков за их тупую кровожадность, но в этом подземном аду люди оставались на стороне людей. Он поддержал Монгола огнем из ИПК, стараясь выбирать цели, отсекать прущих из глубин подземелья механических тварей от человеческих фигур, некоторое время ему удавалось вести избирательный огонь, но затем колышущаяся масса

механических тел полностью поглотила развилку.

На частоте мью-фонной связи раздался полный ужаса и отчаянья крик, в глубине бокового тоннеля несколько секунд бушевал шквальный автоматический огонь, затем вдруг все стихло.

– Прикрой, перезаряжаю! – раздался крик Монгола.

Всё. Боевики секты полегли. Макс с колена резанул длинной очередью, целясь в шевелящуюся массу механических тварей. Заряды ИПК пробивали плохо бронированные корпуса, рвали их клочьями жести, манипуляторы со звоном разлетались по сторонам, высекая из стен снопы искр.

Сдерживать напор атакующих исчадий становилось все труднее. Двух сталкеров, практически прижатых к густо оплетенной автонами стене, спасало лишь отсутствие у обитателей подземелья каких-либо видов стрелкового оружия. Несколько механических пауков попытались ударить шаровыми молниями, но сгустки энергии лишь добавили хаоса, взорвавшись среди нагромождений искалеченных, громоздящихся баррикадами остовов их погибших сородичей.

У Макса все плыло перед глазами. Расширитель сознания «тормозил» от обилия ложных целей. Большинство искалеченных и уже не представлявших реальной угрозы «пауков» все еще излучали энергетические матрицы, мозг сталкера не справлялся с теми объемами информации, что пытались прокачать через него импланты, а механическое паучье всё перло и перло, карабкаясь по баррикадам развороченных тел.

Смолк автомат Монгола.

От Шелеста и Тима никаких сигналов, где они, живы ли – неизвестно.

ИПК Макса захлебнулся и смолк – закончился боезапас.

Он привычным движением ударил по сбрасывателю, пустой магазин полетел на пол, Макс потянулся за новым, но не успел – сразу десяток механических тварей ринулись на него с трех сторон.

Вот так, в кромешном мраке подземелья, чуть-чуть не дотянувшись до согревшей душу мечты, ему предстояло погибнуть, быть разорванным на части…

Аффект.

Тиски самоконтроля, удерживающие рассудок, разлетелись вдребезги.

Всё, чего так боялся Макс, не выпуская на волю, сознательно подавляя свои нечеловеческие способности, сейчас, за миг до смерти, получило шанс.

Что-то надломилось в его рассудке, чип мью-фона автоматически переключился на другой диапазон связи. Макс пошатнулся, его лицо

посерело, осунулось в доли секунд, он сам не осознавал, что творит, но первую волну тварей, прыгнувших на него, вдруг встретили острые, стремительно выхлестнувшиеся из-за спины сталкера побеги металлических лиан.

Визгливый скрежет стыл в раскаленном воздухе.

Острые пружинистые плети били, как змеи в атакующем броске, корпуса механических тварей нанизывало на них, но лианы продолжали извиваться, расти, они врезались в нагромождения дымящихся, простреленных, замороженных фричем обитателей подземелий, пронзали их и вновь пружинисто распрямлялись, встречая новые волны исчадий.

Макс медленно опустился на колени.

Он не ощущал себя ни живым, ни мертвым. Пограничное состояние рассудка длилось несколько минут, затем он захрипел и повалился на пол.

Ртутный ручей, текущий по тоннелю, стремительно растворял корпуса изуродованных обитателей подземелий. Металлические лианы изогнулись над ним ажурными арками, закрепились на другом берегу, продолжая угрожающе свиваться в пружинистые кольца, затем и они успокоились, сплелись воедино, дотянулись до свода тоннеля, закрепляя за собой новое жизненное пространство.

Макс открыл глаза.

Он необратимо изменился за прожитые минуты схватки.

Но выжил ли?

Пугающая пустота в душе и рассудке. Ни мыслей, ни чувств, только холодная созерцательная отрешенность.

Поиск.

Сканирование доступных сетевых подключений.

Монгол. Он мгновенно увидел сталкера – тот стоял, задрав голову, и потрясенно смотрел на ажурные арочные конструкции, созданные побегами металлических лиан, перекинувшимися через ртутный ручей.

Щелест. Макс зафиксировал слабое движение под грудой изувеченных механических корпусов, затем мысленное зрение выделило руку, выпроставшуюся из-под завала. Жив…

Тим. Тим? Тим!

Глухая, вязкая тишина.

Нет отклика…

Гонта. Смутное движение в багряном сумраке. Поворот. Еще поворот. Огнедышащая трещина. Прыжок. Тупик.

– Макс!

С трудом возвращалось нормальное человеческое зрение.

Злое взбудораженное лицо Монгола было радостно видеть. Именно в этот миг, испытав простое человеческое чувство, ставшее внезапной, неоспоримой драгоценностью, Макс понял: он все еще жив, и его контакт с общим информационным полем техноса хоть и не прошел бесследно, но и не превратил его в одно из исчадий. Скорги, таящиеся в его организме, честно отработали дарованный шанс и угомонились.

– Живой я… Шелесту помоги… – слабо прошептал Максим.

* * *

– Гонта блуждает по подземельям. Надолго ли его хватит, не знаю. – Макс скупо обрисовывал обстановку. – Трое фанатиков ускользнули во время боя. Ушли по главному тоннелю. Тим исчез. Его мью-фон не сканируется. Труп мы не обнаружили, значит, еще не все потеряно.

– Не все потеряно – это как?

– Он мог испугаться, побежать, заблудиться. Вариантов множество.

Монгол пнул изрешеченный пулями корпус паукообразного механизма.

– Как фанатики оказались в боковом тоннеле? Зачем они вообще туда полезли?

– Думаю, они устроили привал здесь, на развилке, после встречи с металлическим червем. А Гонта попытался прорваться или проскользнуть мимо, в нужном ему направлении, но неудачно. Боевики погнались за ним, а в результате нарвались на логово механических пауков. Теперь они мертвы, а Гонта, отрываясь от преследования, похоже, заблудился.

– Трое фанатиков ушли, ты сам сказал, – напомнил Шелест.

– Да, и среди них Молох.

– Почему ты так решил?

– Они бросили своих, не пытаясь кого-то спасти. Просто оставили погибать, а сами ускользнули. Кто способен так поступить, кроме Молоха и его личных телохранителей? – криво усмехнулся Макс.

– Надо искать Тима! – заявил Шелест.

– Нет, – твердо ответил Макс. – Идем ко вкраплению скоргиума. Тима будем искать на всем пути следования. Я возьму это на себя. Затем возвращаемся и, продолжая поиски Тима, движемся на пеленг мью-фона Гонты. Либо он к тому времени найдет Светлый Тоннель, либо мы нагоним его в лабиринте разрушенных коммуникаций.

Наступила тишина.

– Я согласен, – произнес Монгол. – Чем быстрее, Шелест, мы покончим с твоим заданием, тем больше шансов выбраться отсюда

живыми. У меня осталось полтора рожка патронов. Макс уже на себя не похож. Долго мы не выдержим в таком темпе.

Шелест, сделав над собой усилие, кивнул. Он понимал – без отклика мью-фона искать Тима бессмысленно.

– Макс, ты сможешь идти?

– Смогу. Только прошу, не расспрашивай меня ни о чем. Я еще сам не разобрался в том, как воздействовал на металлическую лиану.

– Да я и не собирался…

* * *

Через сотню метров основной тоннель пересекала широкая трещина.

Макс осторожно подошел к краю, заглянул вниз.

Миллиарды скоргов гнездились тут. По дну разлома тек ручей вязкой лавы, из стен сочились капли серебристой субстанции, температура «за бортом» мгновенно подскочила до семисот градусов.

Антискорговое пластиковое покрытие не выдерживало жара, по экипировке сталкеров метались язычки голубоватого пламени.

Импланты сбоили.

– Трупов не видно, – произнес Макс. – Видимо, Молох все же спустился вниз.

Максим остался единственным, кто хоть как-то ориентировался в этом аду. Сканеры экипировки вырубились, но колония скоргов, угнездившаяся в мозгу, ставшая его частью, сросшаяся с нервными тканями, продолжала функционировать. Он, подобно Яне, воспринимал мир в несвойственных человеку диапазонах. Покрытый копотью визор гермошлема не давал Максиму никакой информации, но взгляд сталкера проникал через покоробленный температурой материал, различая контуры стен. Разлом уводил в сторону от тоннеля, он был коротким, каких-то двадцать – двадцать пять метров, а за ним начиналась огромная пещера.

– Дальше пойду сам, – принял решение Максим. – Шелест, дай контейнер для скоргиума.

Мощность энергополя возросла до немыслимых величин. Сполохи искажений, похожие на микропульсации, с удручающей периодичностью возникали в разломе, заставляя его стены «течь», меняя форму рельефа.

– Макс, у тебя же нет артефакта для левитации!

– Давай контейнер! – рявкнул Максим. – Ждите здесь.

Он подошел к плавно деформированному, покрытому рябью застывших «волн» краю разорванного подземными толчками тюбинга, остановился, глядя в глубь тектонического разлома.

Трещина уходила не только вглубь, но и ввысь, постепенно сужаясь где-то наверху.

Волны микропульсаций, исторгаемые вкраплением скоргиума, захватывали лишь определенный объем – они искажали стены до высоты шести-семи метров, если считать от дна трещины, по которому тек огненный ручей.

Макс застыл на краю.

Казалось, он окаменел, прошла минута, другая, Шелест с Монголом уже начали переглядываться, как вдруг сверху, оттуда, где смыкались стены разлома, посыпались мелкие камешки, они падали в лавовый ручей и медленно растворялись в нем, превращаясь в частицы огненного расплава.

– Что он делает? – сдавленно спросил Шелест.

– Не знаю… Заткнись.

Камнепад продолжался недолго, вслед за стуком падения камней раздался треск, и вдруг застывшие в напряженном ожидании сталкеры смутно различили, как сверху вниз по стенам прыснули серебристые узоры – тонкие прожилки металла пронзали камень и бетон, затем появились более крупные ростки металлических растений, они отделились от стен, жадно потянулись друг к другу, накрепко переплетаясь между собой.

Макс внезапно оттолкнулся и прыгнул.

Ухватившись за переплетение тугоплавких металлокустарников, он повис над огненным ручьем, затем начал быстро перебирать руками, двигаясь ко входу в пещеру.

Сполохи микропульсаций били с интервалом в семь-десять секунд.

Волны зеленоватого света едва не касались ног Максима, но он упорно продвигался к цели.

Подошвы его ботинок дымились. Пластик, разработанный для экстремальных условий аномальных пространств, размягчался, не выдерживая адской температуры.

Теперь ему предстояло войти в искажение.

Ни одна экипировка не могла защитить от холодного света микропульсации. По крайней мере так считалось до сих пор.

Макс не был самоубийцей. После всего пережитого ему меньше всего хотелось стать частью стены или рухнуть в огненный ручей.

Никаких импровизаций. Теперь он знал, что делает. За несколько минут, пока он стоял на краю трещины, проводя мнемотехническое воздействие, формируя из прилепившихся к стенам колоний скоргов полноценные металлорастения, Максим успел подумать о многом. В том числе о том, как войти в пещеру и вернуться обратно.

Воздух вокруг Макса внезапно задрожал, переливаясь искажениями.

– Что он делает?! – вскрикнул Шелест.

– Похоже на энергетический пузырь! – потрясенно ответил Монгол.

Действительно, Макс формировал вокруг себя кокон энергетической защиты. На эту мысль его натолкнуло давнее воспоминание: однажды во время пульсации он заметил странное явление – волны зеленоватого сияния, свободно проходящие через любые материальные тела, в одном месте вдруг начинали деформироваться, будто обтекали невидимое глазу препятствие.

Явление заинтересовало его, и позже Максим вернулся на то место, где заметил аномалию.

Он нашел искаженные останки механической твари, внутри которой четко сканировалось совершенно не пострадавшее при прохождении вала аномальной энергии «Сердце зверя».

Ну конечно! Он еще тогда подумал, что ни разу не видел *искаженного* артефактного энергоблока. После пульсации в обломках механоидов часто находили разряженные элементы питания, и все они восстанавливали работоспособность, нужно было лишь доставить их в границы ближайшего энергополя!

В ту пору Макс не осознавал, насколько важное наблюдение он сделал.

Теперь, имея за плечами огромный практический опыт, познав множество разнообразных явлений, он понимал, что «Сердце зверя» защищено от воздействия пульсации накопленным в нем зарядом аномальной энергии.

Спасаясь от металлического червя, он получил новый навык, понял, как и при помощи чего можно воздействовать на аномальную энергию. Если он сумел сформировать сгусток, то почему не создать «пузырь»?

Макс решился на обдуманный риск. Он не был уверен, что энергии двух «Сердец» – одного имплантированного и второго – интегрированного в бронескафандр, – будет достаточно для формирования и поддержания силового кокона.

Если волны искажений «омывают» родственную энергетическую аномалию, не затрагивая ее, значит, накопители будут отрезаны от внешней подзарядки. Он заранее подумал об этом и теперь действовал не по слепому наитию.

По-прежнему держась за автоны, Макс усилием воли переконфигурировал гнездящихся в его организме скоргов. Он создал мощный генератор, способный некоторое время поддерживать

энергетическую защиту.

Воздух вокруг фигуры Максима начал струиться искажениями. Металлорастения, за которые он держался, вдруг раскалились и лопнули, он потерял опору, сорвался вниз, но не разбился и не сгорел, – вязкая лава огненного ручья выплеснулась на стены, очередная волна искажения плавно обогнула созданный им силовой кокон, Макс попробовал шагнуть, и у него получилось – поле сместилось вместе с ним, раскаляя камень, расширяя вход в пещеру.

Ступни ног пощипывало.

Силы стремительно таяли. Он использовал имеющиеся накопители для поддержания защиты, все остальные имплантированные системы теперь питались от жизненной энергии организма.

Шаг.

Еще один шаг.

Голова начала кружиться, но внезапно открывшееся взгляду зрелище мгновенно вернуло ясность рассудка.

Пещера была огромна. Она имела сферическую форму, скорее всего такой ее сформировал взрыв, мгновенно испаривший тысячи кубометров земной коры в момент вкрапления аномального элемента.

Вот она – точка разлома, от которой во всех направлениях уходят многокилометровые трещины.

Стены, пол, потолок подземного «пузыря» сплошь покрывала текущая в разных направлениях, закручивающаяся локальными завихрениями серебристая субстанция. Сколько колоний скоргов обитает в пещере, сложно даже вообразить. Они смешивались между собой, куда-то стремились, вспухали волдырями, лопались, срывались тягучими каплями из-под свода, и снова вопреки законам физики текли вверх, следуя изгибу стен.

В центре сферического пространства полыхал холодный изумрудный свет.

Скопление массы кристаллов являлось центром энергополя и источником постоянных микропульсаций.

Макс несколько секунд зачарованно смотрел на полупрозрачную глыбу скоргиума. Ничего более жуткого, прекрасного, невероятного, завораживающего он еще никогда не видел.

Подле глыбы еще угадывались мягкие очертания трех человеческих тел, распластавшихся на полу, погребенных под ртутной субстанцией, постепенно растворяющихся в ней.

Молох и еще двое боевиков секты.

Они все же добрались сюда, но у них не было шанса на возвращение. Они даже не смогли приблизиться к источнику изумрудного света.

Макс сделал шаг, пошатнулся, собрал всю свою волю, чтобы двигаться быстрее.

Серебристая жижа под ногами дымилась, расплескивалась по сторонам.

Он подошел к многотонной глыбе, открыл контейнер, протянул руку, попробовал расшатать один из кристаллов, и тот с неожиданной легкостью отломился.

Ударила слепящая вспышка.

Что-то мгновенно нарушилось, исказилось в энергетической ткани окружающего пространства. Макс захлопнул контейнер, развернулся и, уже не оглядываясь, побежал назад, к выходу.

Кристаллическая масса за его спиной угрожающе запульсировала, словно в центре исполинской пещеры билось холодное изумрудное сердце, билось все чаще и чаще, готовое вот-вот взорваться.

Глава 6

Подземелья под Зыбучим Холмом…

– Держи… – Макс выбрался из разлома, без сил повалился на пол тоннеля, затем слабым движением протянул Шелесту контейнер со скоргиумом. – Надеюсь, оно того стоило…

Шелест не без дрожи принял драгоценный груз, поместил контейнер с образцом скоргиума в специальную камеру, смонтированную в структуре его бронескафандра. Внутри ячейки постоянно поддерживалось давление и температура, предохраняющие аномальный элемент от самораспада. Для этой цели в экипировку Шелеста были интегрированы дополнительные системы и пять резервных источников питания.

Отдышавшись, Макс переконфигурировал импланты, давая накопителям возможность самостоятельной подзарядки.

– Уходим отсюда… – сипло выдавил он.

Монгол помог ему встать.

– Чип Гонты больше не перемещается. – Макс, несмотря на истощение и слабость, уже включился в работу, сканируя подземелья. Он по-прежнему оставался единственным из группы, кто мог вести активную разведку.

– А Тим?

– Его пока не обнаружил, – ответил Макс. – Идем на пеленг сигнала Гонты. Будем искать наикратчайший путь.

* * *

Тим очнулся в кромешной тьме.

Со стоном привстав, он попытался осмотреться.

«Наверное, я умер…» – подумалось ему.

Вязкая тьма окружала сознание. Дышалось тяжело. Во рту пересохло, все мышцы болели.

Он с трудом сел, машинально провел рукой по забралу шлема, стирая копоть и грязь.

Сканеры экипировки ушли в сбой и не сумели перезагрузиться, но тем не менее он увидел свет.

Точно, умер…

Свет в конце тоннеля виднелся мутным расплывчатым пятном, и Тим, не в силах вынести неопределенность своего положения, нашел силы,

чтобы встать, и, придерживаясь одной рукой за шероховатую стену, побрел к источнику холодного сияния.

…

Макс остановился, поднял руку.

– Что? – Монгол мгновенно изготовился для стрельбы.

– Чип мью-фона. Это Тим! Он жив! Находится уровнем ниже, неподалеку от сигнала Гонты.

– Можешь с ним связаться?

– Сейчас попробую на резервной частоте. Не хотелось бы, чтоб Гонта слышал наш разговор.

…

Источник холодного света становился все ярче, все ближе.

Тим двигался медленно, его рассудок вновь погрузился в полубессознательное состояние – слишком велика была степень усталости.

В голове постоянно слышались какие-то непонятные голоса.

Он не хотел к ним прислушиваться, понимая, что начинает бредить, галлюцинировать, но один из голосов оказался настойчивым, требовательным:

– Тим! Тим, это Макс! Ответь! Ты же меня слышишь, я знаю!

– Слышу, – бесцветным голосом ответил Тим.

– Тимоха, очнись! Это не бред! Остановись, выслушай меня!

Он машинально подчинился. До пролома в стене, откуда изливалось холодное сияние, оставалось пройти несколько шагов.

– Макс?! – Он вздрогнул, приходя в себя.

– Да, Тим, это я!

– Макс, я заблудился. Провалился в какую-то дыру, потерял сознание.

– Опиши, что ты видишь?

Тим осмотрелся.

– Похоже на широкую трещину. Стены обрывистые. Свода не видно. Недалеко пролом. В нем свет. Холодный и белый.

– Так, только соблюдай осторожность! Не наделай глупостей! Недалеко от тебя сканируется чип Гонты!

– О, блин… – Тим невольно присел. – Он убьет меня, если увидит!

– Выключи сканеры бронескафандра.

– Они и так не работают.

– Все равно выключи. Сядь и не шевелись. Замри. Мы идем к тебе. Только не подходи к пролому, если Гонта тебя заметит, будет плохо.

Тим шумно вздохнул, обессиленно присел.

– Вы скоро до меня доберетесь?

– Не знаю. Ищем наикратчайший путь. Минут пятнадцать, не меньше.

…

Некоторое время Тим сидел, не шевелясь.

Страх постепенно отпустил, все пережитое казалось сейчас кошмарным сном. «Вот уж никогда не думал, что так обрадуюсь, услышав голос Макса… А что же со Светлым Тоннелем?» – обожгла внезапная мысль.

Свет струился из пролома в стене.

Что там делает Гонта? Вдруг он успеет избавиться от имплантов и уйдет, предварительно что-нибудь сломав? Да и вообще, что же представляет собой этот загадочный Светлый Тоннель?

Конечно, мысли Тима не были такими последовательными, они путались, возникали обрывками, но осознав, что жив и находится всего в нескольких шагах от места, где, по словам Макса, его ждет избавление от скоргов, он испытал острое чувство любопытства, сгубившее многих опытных сталкеров.

Сидеть и ждать становилось все невыносимее, и Тим, стараясь не шуметь, осторожно подкрался к разлому в стене, лег на живот, подтянулся к краю неровного отверстия и заглянул внутрь.

«Мамочка…»

Он находился на высоте двух с лишним метров. Перед потрясенным взглядом Тима открылось огромное помещение, ярко освещенное холодным люминесцентным светом, наполненное различной аппаратурой.

– Я вижу Гонту… – сипло прошептал он.

* * *

– Тим, что ты сказал?!

– Я вижу Гонту… – сдавленно повторил Тим.

– Тебе же сказали – сиди и не высовывайся!

– Макс, извини… Я не удержался…

– Ладно. Говори, что ты видишь?

– Огромный зал. Действительно похож на тоннель или ангар. Очень много разной аппаратуры.

– Скорги? Металлорастения?

– Да нет ничего такого! Все… выглядит нетронутым!

– Что делает Гонта?

– Включает аппаратуру. Вводит какие-то команды с консолей. Мне отсюда не видно.

– Еще что-нибудь заметил?

– Он странно себя ведет. Постоянно сам с собой разговаривает.

– Сам с собой? – не поверил Макс. На секунду задумавшись, он произнес: – Тим, слушай меня внимательно! В твой бронескафандр встроен сканер частот М-связи. Сенсор расположен на внутреннем ободе проекционного забрала. Зеленая пиктограмма с изображением испускающей радиоволны антенны.

– Вижу, – тихо ответил Тим.

– Дотянись до сенсора, активируй его!

– Чем дотянуться? Я же не могу поднять забрало!

– Языком дотянись, дурень!

– Понял.

Некоторое время на частотах мью-фонной связи царила тишина, затем вдруг раздался сиплый голос Гонты:

– …восемнадцать процентов, генерал. Работы еще примерно на четверть часа. Но вы не ответили на предыдущий вопрос. Я ведь могу и загрустить без внятного ответа.

– Лейтенант, сейчас не время! – ответил резкий незнакомый голос.

– Время. Как раз самое время для исповеди, господин генерал. Иначе я просто вырублю тут все на хрен! – резко добавил он.

– Гонта, не дури!

– Я хочу знать правду! Вы использовали меня вслепую! Почему меня уверяли, что внешние импланты безопасны? Что теперь станет со мной? Их «вплавило» в мою плоть, это, надеюсь, понятно?!

– Успокойся. Комплекс, где ты находишься, рассчитан на противодействие гораздо более серьезным проблемам! Внешние импланты или внутренние – нет разницы, поверь! Их нейтрализует!

– Вырвет с мясом?

– Нет. Колонии распадутся, наномашины будут некоторое время «выдавливаться» через кожные покровы. Ты даже не почувствуешь боли.

– Хотелось бы верить. Но над моими имплантами поработал Макс!

– Плевать на его вмешательство. Как ни сконфигурируй скоргов, они все равно останутся сбойными наномашинными комплексами. Аппаратура «Стража» их нейтрализует!

– Ой ли? Макс создал полезные для выживания системы. Они несколько раз спасали мне жизнь. Может быть, ваш хваленый «Страж» решит, что со мной все нормально?!

– Скорги используют аномальный источник энергии. Это критерий сбоя, который не сможет проигнорировать аппаратура.

Гонта ввел очередную команду.

– А почему я? Ничем не примечательный «летеха». Ни спецподготовки, ни особых талантов. Почему послали именно меня? Сейчас-то можно узнать правду?

– Комплекс «Стража» создал твой брат. После входа в автономный режим аппаратура автоматически сменила коды доступа, определив, что находится в блокаде. Сработала программа защиты.

– И?

– У тебя и у майора Вячеслава Гонты совпадающий геном. Только ты способен осуществить аварийную перезагрузку. Как видишь, аппаратура систем безопасности принимает твою ДНК!

– Вы говорили, что я смогу спасти Славу. Где он? Где группа поддержки? Я рисковал жизнью, но не вижу обещанного!

– Всему свое время. Майора Гонту доставят на вертолете, как только со сталкерами и техносом будет покончено.

На секунду наступила пауза.

– То есть?!

– Не прикидывайся, что ничего не понимал! Мы ведь беседовали с тобой перед заданием! Ты согласился, что сталкеры и технос – это зло!

– Может быть, я ошибался? Получал от вас искаженную информацию?

– Саша, мы создавали наномашины не для того, чтобы они калечили людей и уродовали технику! Произошел сбой. Катастрофа! А теперь технос ищет пути полного уничтожения людей! Он обрел самостоятельность. Эволюция, будь она проклята! Ты понимаешь, что ждет нас через несколько лет? Корпорации добудут этот долбаный скоргиум, и планете наступит… – генерал выматерился.

– Ладно. Не спорю. Отчужденные пространства и технос – это действительно зло. О сталкерах судить не возьмусь, повидал их мало, разобраться толком не успел. Что произойдет, когда комплекс заработает?

– Всё это проклятье сгинет раз и навсегда. Будут задействованы аварийные системы М-связи. Они передадут коды, отключающие все наномашинные комплексы. Технос погибнет в одно мгновенье: мьюфонный сигнал будет поглощен Узлом и распространен повсеместно.

– И почему же этого не сделали раньше?

– Мы надеялись обуздать технос. Но наномашины начали эволюцию, а в недрах пространственно-временной аномалии обнаружил себя искусственный интеллект. Угроза стала слишком высока.

– Какая-то нелепость, генерал. Если разделаться с техносом так просто, почему не подать командную последовательность с оборудования

военных баз?

– Потому что мы ее не знаем.

– То есть как? Не сохранили резервной копии? – в голосе Гонты прозвучали недоверчивые язвительные нотки.

– Хорошо. Я скажу тебе правду. Мы не знаем кода, потому что все наши наработки, сделанные до Катастрофы, не действуют на скоргов!

– Тогда я ничего не понимаю!

– Ты находишься в уникальном комплексе. Мы думали, что он разрушен. И только слухи о Светлом Тоннеле, циркулирующие среди сталкеров, заставили нас начать его поиски. Система, управляющая комплексом, адаптивна. Я уже сказал, – твой брат создал гениальную разработку! Ядро системы адаптируется к изменяющимся условиям. Все эти годы комплекс подбирал нужную комбинацию команд, способную уничтожить заполонившие все окружающее пространство сбойные наномашины. Твой брат пытался добраться до своего детища, но эти ковчеговские сволочи едва не убили его. Нам удалось вырвать майора из лап Хистера ценой огромных потерь. С тех пор он инфицирован скоргами и медленно умирает. Да ты сам все видел!

– Хорошо, генерал. Вы меня убедили. Часть сталкеров погибнет, те, кто инфицирован давно. Я понимаю, без потерь не обойтись. Идет война. Но сгенерирован ли комплексом нужный код?

– А ты проверь. По данным орбитального сканирования, рядом с тобой прячется сталкер. Передаю координаты. Захвати его и помести в тестовую зону!

* * *

– Тим, беги!

Ответа не последовало.

Канал мью-фонной связи внезапно оборвался.

– Проклятье! Меня опять использовали!

– Макс, заткнись!

– Что?!

– Нужно выручать Тима! И остановить этого придурка – Гонту!

– Не успеем!

– Должны успеть. – Шелест с трудом разговаривал на бегу, но слова буквально рвались из него, несмотря на одышку. – Все равно у них ничего не выйдет!.. – кричал он. – Сигнал вызовет сбой… часть колоний скоргов временно отключится, но они не погибнут!.. Военные лгут!.. Чтобы действительно уничтожить наномашины, сигнала на отключение

недостаточно!.. – Они добежали до развилки тоннелей, свернули в боковое ответвление. – Скорги эволюционировали… они научились выживать в любых мыслимых условиях!.. – продолжал сипло орать Шелест. – Наномашины адаптивны в не меньшей степени, чем этот «Страж»!.. Не забывай, Макс, у техноса общее информационное пространство!.. Разрушение коснется только части колоний скоргов, остальные извлекут мгновенный урок… и заблокируют исполнение переданных программ!.. У них давно выработался инстинкт самосохранения!.. Разрушению подвергнутся лишь стабилизированные колонии!..

– То есть импланты сталкеров?!.. – ужаснулся Монгол.

– Да!.. Импланты сталкеров, некоторые детали механоидов!.. Но технос выживет!.. А мы – нет!.. Чтобы нейтрализовать скоргов… и вывести их из организма… необходимо все пораженные объекты… поместить под воздействие специальной аппаратуры!..

– Шелест, уймись наконец! – Макс уже оторвался на приличное расстояние. – Потом объяснишь!.. – Он остановился перед провалом, ведущим на низлежащий уровень подземелий.

Сигнал Гонты уже был совсем рядом.

– Тут провал! Я иду вниз! Догоняйте!

Он спрыгнул с четырехметровой высоты, не дожидаясь ответа от бегущих следом сталкеров.

* * *

Широкая трещина уводила к светлому пятну холодного сияния.

Макс рванулся вперед, добежал до пролома.

Вот он – заветный Светлый Тоннель.

Он вскинул ИПК и… замер.

Длинное помещение заливал ослепительный свет. Метрах в двадцати от пролома, в конусе сияния, источаемого двумя огромными агрегатами, застыл Тим. Импланты Макса мгновенно взяли увеличение, неестественная поза парня насторожила его.

Невероятно…

Тестовая аппаратура «Стража» *работала!*

Тим застыл, широко расставив ноги, воздев руки к потолку, запрокинув голову в немом крике, его экипировка валялась поодаль, а из-под кожи медленно выступали пылинки наночастиц. Конечно, даже усиленному имплантами зрению были видны не сами наномашины, а частички разрушенной колонии диаметром чуть меньше миллиметра. Они выходили через поры, отделялись от плоти и поднимались вверх, к конусу

специального улавливателя.

Процесс протекал бескровно.

Макс на мгновенье растерялся. Он еще не определил, где нашел укрытие Гонта, не понимал, нужно ли спешить на помощь Тиму, не убьет ли он парнишку своим грубым, несвоевременным вмешательством, но все решила Судьба.

Он спрыгнул вниз, оказавшись в широком проходе. По бокам возвышались работающие комплексы аппаратуры, аналогов которой Макс еще не встречал.

В помещении «Стража» царила стерильная чистота, тут поддерживалось избыточное давление воздуха, состав и температура которого были вполне пригодны для человека.

– Гонта!

Вспышку и звук выстрела зафиксировали импланты, мышцы рефлекторно отработали раньше, чем пришло осознание случившегося, пуля, выпущенная в голову Макса, вдребезги разнесла один из приборов в нескольких сантиметрах от виска.

Пригибаясь, Макс пробежал несколько метров, выпрямился и наконец увидел Гонту, встающего из-за низкого дугообразного пульта управления. В руках лейтенант сжимал ИПК, и намерения у него были далеко не мирные.

– Гонта, прекрати! Тебя обманули! Включение «Стража» убьет тысячи сталкеров, но ничем не навредит техносу!

«Загрузка модулей глобальной стерилизации 75 %», – пылала на центральном информационном экране надпись, отражающая статус готовности к нанесению удара установкой «Страж».

В этот миг Тим дернулся, обмяк, словно его отпустили незримые захваты, затем вдруг пошатнулся, упал и рефлекторно пополз, не разбирая направления, не понимая, что движется, к дальней, тупиковой стене огромного помещения, в которой не было даже намека на шлюз или дверь.

Макс остро почувствовал опасность. Что-то происходило с реальностью! Она видоизменялась, в границах комплекса внезапно и необъяснимо нарушилось течение физических процессов.

Но «Страж» еще не включился!

Макс не понимал, что происходит, ощущения были схожи с теми, что он однажды испытал, попав под удар Пульсации, но сейчас они находились под землей, куда обычно не доходят волны искажений реальности!

Воспользовавшись его замешательством, Гонта открыл огонь, но вспышки на срезе электромагнитного компенсатора показались Максу медленными, тягучими, едва ли не застывшими – вот первая пуля

оторвалась от края ствола и начала пробивать сгустившийся воздух, оставляя за собой мутный, медленно вытягивающийся инверсионный след… Гонта что-то орал, смещаясь вбок, в направлении тестовой установки, его палец продолжал давить на сенсор огня, и импульсный пулемет нехотя вздрагивал, лениво сплевывая пули.

– Неннаввиижжуу вваасс ввссеехх! – долетали до слуха Макса его растянутые, едва понятные из-за искажений слова.

Реальность мутнела, воздух превращался в прозрачное зеленоватое бутылочное стекло, и первая из выпущенных пуль теперь крошила его, оставляя за собой уже не белесый след, а трещины.

Что происходит?!

У дальней стены, где находился Тим, возникла ослепительная изумрудная воронка.

Контур человеческого тела вдруг подернулся рябью и начал исчезать.

Светлый Тоннель работал!

Легенда не лгала. По крайней мере одна из установок комплекса «Страж» действовала адекватно задаче: она уничтожила единение скоргов, раздробила колонию на отдельные частицы, бескровно извлекала их из тела сталкера, а «очищенного» человека отправила…

Куда?

Пуля, продравшись сквозь зеленую толщу, ударила в компьютерный блок над головой Макса, разбивая его на куски, и сталкер, мгновенно очнувшись от ступора, наконец начал действовать – кто бы ни искажал реальность, он принял вызов невидимого врага, нанес встречный удар, пробивая в мутнеющем стекле проход, похожий на сумеречный тоннель.

Еще секунда, и Макс отчетливо, болезненно остро понял, что стоит перед *выбором*.

Тестовая установка все еще работала. Стабилизированная им реальность вела к освещенному ослепительным излучением участку пола, где минуту (или вечность) тому назад находился Тим.

Гонта завяз, он продолжал бессмысленно стрелять, выпущенные им пули тянули за собой мутные лучи, расходясь веером, кроша аппаратуру. Гонта превратился в заложника собственного страха перед отчужденными пространствами, в пленника ненависти к сталкерам и техносу.

Он ничего не добьется.

Не спасет брата, не вырвется сам.

А Макс успевал. Судьба подарила ему шанс. Нужно всего лишь рвануться вперед через участок стабилизированной реальности, войти в ослепительный свет, очиститься от скоргов и…

«Статус готовности комплекса «Страж» – 97 %», – пылала на центральном информационном экране строка отчета.

Счастье для одного.

Смерть для всех.

Вот выбор, который предложила Максиму Судьба.

* * *

Не для себя…

Он поверил в мечту и потянулся к ней, изо всех сил, надрывая жилы, непомерно рискуя, но… он искал Светлый Тоннель ДЛЯ ВСЕХ…

Для всех, кто прошел через ад отчужденных пространств, кого сейчас хотели убить одним касанием сенсора, убить, дав возможность восторжествовать техносу, убрать с его дороги тех немногих, кто реально способен выжить в отчужденных пространствах и сопротивляться экспансии машин.

Остался один процент.

Макс понятия не имел, сработает ли программа, созданная искусственным интеллектом комплекса «Страж», а голосок, оставшийся от того прежнего, трусоватого, живущего одним днем «мотылька» Макса шептал: «Да плюнь ты на всё, пусть эта реальность исчезнет, потонет в хаосе, станет вотчиной техноса, ты заслужил свободу, прошел свой путь, испил до дна чашу мучений».

«Заткнись!..»

Он промедлил секунду, но этого хватило, чтобы пули, выпущенные Гонтой, достигли компьютерных блоков, разнося их вдребезги.

Лейтенант неистово рванулся вперед, не замечая, как на информационном экране, вместо цифры «99» появилась надпись «Критический сбой системы».

Он думал, что все уже свершилось, свершилось правильно и беспощадно.

Гонта хотел уйти.

Он рухнул в круг света, и вдруг нечеловеческий вопль разорвал гробовую тишину.

Невидимая сила воздействовал на Гонту, она отработала мощно, но грубо, не разобщив микрочастицы, не разорвав связи между нанитами, а выдрав импланты с плотью.

Свет не угас.

Он продолжал манить, и Макс, преодолевая сопротивление видоизмененной реальности, сделал шаг вперед. Понимание пришло к

нему оглушающим рассудок ударом, очнувшаяся душа сталкера, закаленная, битая, но живая и несломленная, встрепенулась, глухо, больно и мощно, словно в груди заворочалось, приноравливаясь к ритму ударов, второе сердце.

Изменился ли он за мгновенье внезапного прозрения?

Нет.

Мгновенно случается только беда. Молниеносной бывает вспышка злобы, ненависти.

Другие чувства вызревают в душе и рассудке, медленно, они копятся, *взрослеют*, чтобы однажды полыхнуть пронзительно и навсегда.

Ненависть к врагам никуда не исчезла, он ничего не забыл, лишь остро, отчаянно понял: есть и другой смысл.

Образ Яны появился перед глазами, когда он сделал еще один шаг навстречу ослепительному сиянию. Макс снова стал «мотыльком», он шел на свет, готов был сгореть, но не для себя, не из глупости, безрассудства или наивности.

«Тим – не показатель. Его пятнышко стабилизированной колонии скоргов слишком мало, чтобы исцеление можно было признать *результатом*. Гонта – дурак, – лихорадочно думал Максим. – Нужно входить постепенно, дать аппаратуре адаптироваться, сканировать количество скоргов в организме, выбрать наилучший алгоритм воздействия».

Макс понимал, как сильно рискует. Наглядный пример Гонты не оставлял лазейки для иллюзий.

«Если пройду я, пройдет и она, пройдут другие сталкеры».

Простые, но недоступные раньше образы вторгались в рассудок. Свет обжег его, объял, резко, до мгновенной потери сознания, закружилась голова, и он рухнул на колени.

Он чувствовал руку Яны в своей руке. Он грезил тем, как вдвоем они идут навстречу ослепительному, очищающему сиянию, но в мыслях уже не звучало «я».

«Я вырвусь, я отмщу, я заработаю, я, я, я…»

Он думал о ней, осознавая открывшуюся вдруг, неведомую ранее, удивительную ипостась понятия «счастье».

Счастье не выносит одиночества. Одиноким бывает успех, удачная сделка, точный выстрел, свершившаяся месть.

Свет омывал Макса, обжигал его, но сталкер не чувствовал боли, как и не замечал, что свет из ослепительно-белого превратился в холодный, зеленоватый, зловещий.

Счастье – это глубина ее глаз, дрожащие пальцы, ее несбыточные мечты, которые вдруг станут явью. Макс видел две фигуры, уходящие в ослепительное сияние, его душа грезила лишь одним: как выйдут они из проклятых земель, и она увидит то, о чем могла лишь горько вспоминать. Бескрайний, пряный луг, капельки росы, искрящиеся на лепестках бесхитростных полевых цветов, щебет птиц, чистое бездонное голубое небо…

Он упал.

Вокруг искажалась реальность, взрывались блоки аппаратуры, били фонтаны искр, конвульсиями выгибались дуговые разряды высокого напряжения.

Неистовый свет, поглотивший Тима и убивший Гонту, начал затухать.

Светлый Тоннель заполняла тьма.

* * *

Первым смысл происходящего понял Шелест.

– Монгол! Это скоргиум! Проклятье, он излучает все сильнее!

Помещение Светлого Тоннеля, куда несколько минут назад спрыгнул Макс, вдруг начало искажаться.

Они ничего не могли сделать. Время не отмотаешь вспять, ни на минуту. Реальность изменялась, всплеск аномальной энергии, излучаемой образцом скоргиума, вторгся в работу комплекса «Страж».

– Назад! – заорал Монгол, но его крик поглотила ватная тишина.

От входа было отчетливо видно, как внутри помещения густеет воздух, как Тим упал, отполз к стене, и его вдруг поглотила зеленоватая вспышка, как Гонта вскочил из-за укрытия, открыв огонь по Максу, как тот уклонился от пуль, почему-то не стреляя в ответ, как взрывались приборы, гас свет, рушилась целостность сложнейшего комплекса, как Гонта ворвался в круг ослепительного света и заорал, разрываемый на части, когда импланты выдрало из его тела… с мясом.

– Господи… – Шелест чувствовал, еще секунда – и он свихнется.

Внутри комплекса теперь полыхали взрывы, там зародилось зеленоватое сияние пульсации.

– Макс! Уходим! – дико заорал Монгол, но Максим не слышал его. Он упал на колени, затем с неимоверным усилием поднялся и вдруг шагнул навстречу сиянию.

Еще секунда, и свет пульсации полыхнул, сметая все на своем пути.

Новосибирская зона отчужденных пространств.

Спустя час после пульсации…

Шелест открыл глаза.

Попасть под удар пульсации и выжить удавалось немногим из сталкеров.

Он сел. Корка окалины, покрывающая бронескафандр, посыпалась на землю.

Импланты по-прежнему сбоили.

Со стоном перевернувшись на бок, он увидел серое, клубящееся небо, показавшееся ему до боли родным, а панорама заросших металлокустарниками руин, над которыми царили древовидные автоны, – мирным ландшафтом.

Он сел, ощупал контейнер со скоргиумом. Всё на месте.

В раскидистых кронах металлических деревьев зияла огромная прореха. Часть ветвей была оплавлена и все еще источала жар.

Только сейчас Шелест обратил внимание, что очнулся на скате внушительной воронки, в центре которой возвышалась остекленевшая, утратившая угловатые формы глыба бетона.

Чуть поодаль лицом вниз лежал сталкер, в такой же, как у него, оплавленной, покрытой окалиной боевой броне.

Кто – Монгол или Макс? – Шелест собрал все силы, встал, с трудом удержав равновесие. Сервомускулатура бронескафандра едва работала, большинство приводов были повреждены.

Ему пришлось затратить немало усилий и времени на преодоление смехотворно малого расстояния, отделявшего его от лежащей вниз лицом фигуры.

Наконец он добрался до сталкера, перевернул его, отстегнул покоробленный визор гермошлема.

Монгол!

Шелест склонился над бесчувственным телом. Неужели мертв?!

Забыв обо всем, он сконцентрировался на бионическом воздействии.

Прошло минут двадцать, прежде чем Монгол начал приходить в сознание. Его веки дрогнули, черты лица исказились – возвращение в мир живых было мучительным.

– Шелест… – слабо прошептал он, едва шевельнув пересохшими губами. – Где… Макс?

– Не знаю. Молчи, тебе сейчас нельзя напрягаться.

– Где… мы?.. – Монгол был упрям, едва придя в сознание, он попытался сесть.

– Думаю, в Новосибирской зоне, – ответил Шелест, помогая ему

приподняться. – Вот так. Сиди и не шевелись пока что.

– Почему… Новосибирск?.. – Монгол с трудом обвел взглядом металлический лес.

– Я зафиксировал переговоры двух патрулей Ковчега, – скупо пояснил Шелест.

– И что будем делать? Надо искать Макса… И Тим куда-то пропал… – Монгол попытался встать, но тщетно, сочленения его брони оплавило, руки и ноги не гнулись, да и сил не было.

– Куда ты рвешься в таком состоянии?

Сталкер прекратил тщетные попытки.

– Шелест, что произошло? Подземная пульсация?

– Монгол, веришь, я понятия не имею. Все из-за образца скоргиума, – подумав, добавил он. – Или из-за того, что мы потревожили вкрапление, дестабилизировали энергополе. Понимаешь, нужно снять показания…

– Ладно. Проехали… – осадил его Монгол. Он пошарил взглядом вокруг себя, негромко выругался. – Автомат потерял… Как до тамбура будем добираться?

– Никуда мы не пойдем, – ответил Шелест. – Место здесь глухое. Энергополя далеко, так что механоиды досаждать не будут. Мне Хантер особый чип связи выдал. Сейчас запрошу группу эвакуации из Ордена.

– Думаешь, они придут?

– Придут. Можешь не сомневаться.

Монгол вновь попытался пошевелиться, но лишь вскрикнул от засевшей внутри боли.

– Вызывай… Несколько часов продержимся… Может, Макс или Тим за это время на связь выйдут… Как думаешь, они живы?

* * *

Макс очнулся в кромешной тьме.

Его мечта рухнула.

Тим, Монгол, Шелест? Он мысленно звал их, пытаясь получить отклик на частотах М-связи.

Бесполезно. Сталкерская сеть недоступна. Не сканируется ни одного активного сигнала. Как будто он остался один, замурованный в глухом склепе.

Макс помнил, как Тима объяли языки зеленоватого мерцания, унося в неизвестность. Где выбросит его Узел, оставалось лишь гадать, судьба Монгола и Шелеста вообще неизвестна.

Импланты медленно восстанавливали работоспособность после

глобального сбоя. Постепенно в рассудке Максима начали появляться контуры окружавших его предметов.

Он вздрогнул.

Это не подземелье и не разгромленный комплекс «Стража».

Перед мысленным взором Макса формировалась совершенно нереальная картина, будто его отбросило назад во времени, в ту жизнь, что была до Катастрофы.

Он лежал на полу сравнительно небольшой, со вкусом меблированной комнаты.

Расширитель сознания фиксировал наличие смежных помещений, лестничной клетки, шахты лифта.

«Я внутри сохранившегося здания?»

Он попытался расширить сферу эффективного сканирования, но внезапно натолкнулся на неодолимую преграду. Стены многоэтажного дома, погребенного под конической горой обломков, просматривались смутно, а за ними, кроме нагромождения бетонных глыб, не ощущалось ничего. Пустота.

«Или энергетическая аномалия, наподобие той, что законсервировала Зыбучий Холм», – подумалось ему.

Надо что-то делать, как-то выбираться отсюда.

Он пошевелился и тут же непроизвольно зажмурился от яркого, вспыхнувшего под потолком света.

Через некоторое время Макс осторожно приоткрыл глаза.

Расширитель сознания не обманывал. Он сел, понимая, что находится в гостиной просторной четырехкомнатной квартиры, явно относящейся к разряду элитного жилья.

Удивительным было другое – здесь ничего не пострадало в момент Катастрофы. Внезапно заработавшее освещение говорило о полной исправности бытового комплекса аппаратуры. Детектор движения включил не только декорированную «под старину» люстру, но и другие приборы.

Он осмотрелся. Возникло ощущение, что хозяева отлучились на минуту и сейчас вернутся. Настенные экраны, заменившие в новостройках окна, работали, на столе лежала раскрытая книга – имитация древнего бумажного издания, исполненная в нетленном пластике, – даже газированный напиток в высоком, играющем на свету бокале не испарился, будто был налит только что.

Макс еще ни разу не сталкивался с консервирующими свойствами энергополя, но интуитивно догадался, что первозданный вид квартиры, идеальная сохранность предметов, работающие электроприборы и

застывшая в бокале жидкость напрямую связаны с мощным и равномерным потоком энергии, проходящей сквозь здание.

«А может, это и есть аномалия Холма? – обожгла его внезапная мысль. – Но как я сюда попал?!»

Стоило лишь сконцентрироваться, как память взорвалась брызгами событий.

«Свет.

Я шел к нему. Но что случилось потом?»

Зеленоватое пламя пульсации. Зрачки Макса расширились, стало тяжело дышать, он не успел ничего предпринять, но искажение обошло его, омывая со всех сторон, а затем истаяло, оставив в темном помещении дымящиеся обломки Мечты…

Светлый Тоннель превратился в мрачный склеп.

…Макс с трудом вернулся в реальность, взглянул на свои руки. Оплавленная броня. Въевшиеся в материал бронекостюма вкрапления диких колоний скоргов.

Он смутно припоминал, как шел по раскаленным тоннелям, карабкался вверх, то теряя сознание, то вновь приходя в себя. Последнее, что удалось вспомнить, была массивная дверь в каком-то подвале, за которой он увидел неповрежденный лестничный марш.

«Как я нашел дорогу?»

Макс отстегнул треснувшее проекционное забрало боевого шлема, затем, прилагая немалые усилия, расстегнул оплавленные крепления, содрал с себя ставший тяжкой обузой бронекостюм.

Оплавленные элементы брони, разбросанные по комнате, смотрелись на фоне уютной обстановки зловеще, словно мифическое чудовище сбросило тут с себя обгоревшую шкуру.

В стереообъеме настенных экранов простирались нереально красивые пейзажи. С одной стороны горы, с другой – кромка прибоя, фрагмент песчаного пляжа, с третьей – цветущая степь.

Он подошел к столу, коснулся книги, перевернул ее.

На обложке была изображена мертвая, потрескавшаяся земля. На заднем плане, придавленные свинцово-серыми небесами, виднелись руины. Большую часть пространства застилал зловещий гриб ядерного взрыва.

«Постапокалипсис. Сага Выживших», – прочел он название книги.

Макс стоял, не понимая: потерял он мечту или обрел ее вновь?

Наверное, ему нужно было побывать тут, оказаться среди нетронутого интерьера, принадлежащего к прошлой жизни, чтобы окончательно понять, насколько сильно отчужденные пространства изменили его. Да, он

сломался после Катастрофы, превратился в бродягу, потерял всякое уважение к себе и окружающим, жил инстинктами, будто зверь. Потом изнывал от ужаса, попав сюда, в жуткий мир внутри мира. Максим переродился, с него живьем содрали шкуру, превратили в нечто, попытались отнять рассудок, раздавить, превратить в куклу…

Но не вышло ведь? Не вышло?!

Горькая гримаса исказила его черты. «Я выжил. Научился ценить вкус глотка чистой воды. Я знаю цену каждому своему вдоху. Меня раздавили, но я встал. Куда я хотел уйти? Во Внешний Мир, где самый ужасающий из бестселлеров – лишь бледная тень по сравнению с одним прожитым тут днем?»

Он еще раз обвел взглядом уютную комнату.

Дверь в прошлое закрылась. Он понял, что предел его стремлений уже давно не ограничивается мягким диваном, банкой пива и страшненькой сказкой на ночь.

* * *

Ступени уводили вверх.

Несколько сумеречных лестничных маршей, каждый шаг – в такт глухим, неровным ударам сердца, пока стены внезапно не начали изламываться трещинами, серый свет ударил косыми столбами сквозь проломы, и Максим, поднявшись по искаженным пульсацией ступеням, внезапно вышел на уровень верхнего из уцелевших этажей.

Огрызки оплавленных стен разбегались в стороны, замыкая в своеобразный периметр жуткий, тщательно ухоженный садик из сросшихся с арматурой металлорастений.

Сердце Макса билось все чаще и глуше.

Седые облака текли по кругу, омывая фрагменты стен.

Небеса искажались, опускаясь так низко, что до них легко было дотянуться рукой.

Никого…

Он в смятении осмотрелся.

Все в точности повторяло видение из его снов: в углублении просевшего перекрытия ртутно поблескивал металлический прудик, в стороне, чуть правее, пузырились лужицы фрича, на небольшой полянке в окружении «Титановых Лоз», растрепанной «путанки», «Адского шиповника» и еще нескольких неизвестных Максу металлорастений стоял стол, на нем в хрупкой, тонкой, высокой фарфоровой вазе серебрились веточки с созревшими н-капсулами, рядом лежали две плазменные гранаты,

раскрытая на середине книга, пустая чашка…

Он замер.

В душе Максима царило смятение.

Он внезапно понял – это она вывела его из гиблых подземелий, указывая путь, заставляя вставать и идти, когда уже не оставалось сил…

Она изгибалась над его головой атакующими плетями металлических лиан, она закрыла его от удара микропульсации в момент, когда рушился комплекс «Стража».

Она любила его, горько, отчаянно, беззаветно, с того рокового момента, как их души случайно соприкоснулись в едином информационном поле техноса…

Но что я скажу ей?

Что потерял друзей, пережил очередное предательство, не смог, не успел дотянуться до единственной адекватной установки «Стража», которая и была Светлым Тоннелем? Что нам никогда не покинуть отчужденных пространств и последняя мечта рухнула?

– Макс…

Он вздрогнул, медленно повернулся.

Яна стояла в двух шагах от него.

Ветер трепал ее легкое платье, ерошил волосы, по лицу скользили едва уловимые металлизированные пятнышки.

– Макс. – Она первой шагнула к нему, коснулась его лица дрожащими пальцами. – Я хочу уйти отсюда.

– Зачем? Чтобы погибнуть? Убивать других? – глухо и напряженно спросил он. – Искать несуществующий смысл в этом хаосе механической эволюции?

– Нет. Это наш мир, – тихо произнесла Яна. – И в нем больше смысла, чем ты думаешь. Холм – клетка. А я хочу жить. Жить… как ты.

Ее пальцы коснулись застывших, изуродовавших лицо Максима металлических стяжек, и те вдруг размягчились, превращаясь в пятна, затем как будто впитались в кожу, разглаживая, восстанавливая его черты, возвращая способность к мимике.

Глаза Яны лучились счастьем.

Обыкновенным человеческим счастьем, оттого, что он тут, рядом, живой, напряженный, растерянный, прошедший через ад. Макс из ее отчаянных снов, единственный, кто поверил в ее существование и очертя голову, бросив все, пошел на свет ускользающей, безнадежной и практически нереальной надежды.

Их взгляды встретились, пальцы сплелись.

Низкие облака скользили по кругу, темнея, пытаясь замкнуть в непроницаемый кокон две человеческие фигуры, аномалия Зыбучего Холма змеилась искажениями, как будто кто-то в недрах таинственного Узла с удивлением и страхом осознал в этот миг: есть нечто, не поддающееся оцифровке, – последний рубеж обороны человеческих душ, чувство, неподвластное логике, не имеющее аналогов в мире машин.

Чувство, определяющее, что ты все еще человек.

Эпилог

Неизвестная точка пространства…

Я прошел… Прошел… Прошел…

Спасительная мысль билась в рассудке Тима, не позволяя ему отчаяться. Свет погас, ослепительное искажение, пронесшееся по теснине подземного уровня, исчезло, он упал, затем вскочил, побежал, двигаясь наугад, спотыкаясь, падая и снова вставая.

Ужас и надежда толкали Тима вперед.

Он не понимал, где оказался, похоже, что пульсация выбросила его в ином уровне подземелий. Гонта заставил Тима снять бронескафандр, и сейчас на нем осталась лишь легкая сталкерская экипировка, оснащенная дыхательной маской и слабенькими сканерами, но именно они, передавая на чип мью-фона смазанную нечеткую картинку в зеленовато-серых тонах, позволили ему сориентироваться.

Длинный, теряющийся во мраке железнодорожный тоннель.

Огромные полуразрушенные ворота, расположенные через равные интервалы. Два рельсовых пути. Похоже на заброшенную ветку метро или какой-то военный объект.

Главное, что обнадеживало, это отсутствие металлических растений.

Тим верил, что найдет выход, и действительно – мрак постепенно начал редеть, далеко впереди появилось смутное светлое пятно.

Свет. Свет в конце тоннеля!..

Тима пошатывало от усталости, силы были на исходе, ужас от пережитого все еще стыл в груди, но он снова и снова вставал, цепляясь за потрескавшиеся стены, заставляя себя идти.

Светлое пятно постепенно приближалось. Тоннель шел с явным уклоном вверх, створы утративших герметичность шлюзов, причудливо деформированные энергией пульсации, не препятствовали продвижению – огромные ворота в буквальном смысле были размазаны по стенам.

«Я вырвусь…»

Тим отчаянно верил в легенду. Макс говорил, что Светлый Тоннель не только очищает организм от скоргов, но и переносит сталкеров за границы аномальных пространств.

Окружающая обстановка лишь подтверждала неистовую надежду Тима. Чем ближе становился источник неяркого света, тем меньше повреждений и деформаций встречалось на пути, словно поток энергии,

прокатившийся по тоннелю, постепенно иссякал, терял мощность.

Он многому научился и многое узнал. Шелест рассказывал, что энергия пульсаций всегда направлена от центра аномального пространства к периферии. Она доходит до Барьера и затухает в его границах, заставляя светиться купол уплотненного гравитацией воздуха.

Деформаций становилось все меньше. Очередной шлюз, попавшийся на пути, выглядел исправным. Огромные, герметично смыкающиеся створы были открыты, бледное пятно света стало еще ближе, оно имело неровные, расплывчатые очертания.

Тим позволил себе короткую передышку.

Привалившись к стене, он осмотрелся. Нигде не видно следов металлорастений, а ведь в разрушенном лабиринте коммуникаций бункерной зоны они были повсюду!

«Значит, не врет легенда. Я за границей Барьера. Еще немного!..»

Тим, собрав остаток сил, медленно побрел к источнику неяркого света.

Тоннель обрывался тупиком.

Он остановился, задрал голову. Шаткая проржавевшая металлическая лестница упиралась в осыпь камней и растрескавшихся бетонных блоков.

У Тима кружилась голова. Пятно света расплывалось перед глазами. Оно находилось на высоте пяти-шести метров, добраться к нему можно только по ненадежной металлической конструкции.

«У меня нет другого выхода», – мысленно подстегнул себя Тим.

* * *

Свет изливался из пролома в бетонной стене.

Узкое пространство едва позволило Тиму вползти в тесный лаз, пригодились навыки диггера, и он, преодолев теснину, растолкал руками несколько угловатых бетонных обломков, расширяя выход на поверхность.

Камни покатились вниз, видимо, выход из подземелий располагался на склоне холма.

Последнее усилие – и Тим выбрался.

Ноги отказывались держать его, каждый мускул ныл от непомерных физических усилий, он выполз на склон и замер, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание.

Лежа на спине, он раскинул руки.

По щекам текли слезы. Над головой простиралось бескрайнее небо, затянутое густой облачностью.

Никаких признаков купола Барьера! «Я жив… Я вырвался!..»

* * *

Нужно встать. Встать и идти…

Тим с трудом приподнялся, сел, озираясь вокруг, сердце глухо и неровно ударило в груди, болезненно замерло, перед глазами всё помутилось.

Нет… Такого не может быть!

Он сморгнул, но видение не исчезло. Сделав судорожный вдох, Тим плотно зажмурился, мысленно сосчитал до десяти и снова открыл глаза.

Низкие облака плыли над пепельно-серой землей.

По правую руку, у горизонта, к небесам вздымался мутный, опоясанный сполохами энергетических разрядов вихрь. Если верить показаниям сканеров, до него километров пятьдесят, не меньше.

«Куда же в таком случае подевался Барьер?»

Тим повернул голову.

Поверить своим глазам означало признать, что сошел с ума.

Над унылой, исковерканной равниной царили рощи исполинских металлических деревьев.

В нескольких километрах от холма от горизонта до горизонта протянулось невысокое дугообразное сооружение из серого материала, похожее на низкую дамбу, за ним виднелись устремленные ввысь постройки необычных стреловидных, ажурных форм.

Обескураженный, растерянный взгляд Тима зацепился за огромный щит, прикрепленный к одной из ажурных конструкций, и сканеры экипировки автоматически взяли увеличение:

«Корпорация «Сибирь». Щахта добычи скоргиума № 5. Основана в 2104 году».

В груди Тима медленно разливался холод. Губы мелко дрожали. Рассудок отказывался верить увиденному, все происходящее казалось бредом.

Он привстал, опираясь на руку, пошатнулся, выпрямился.

Ажурные сооружения, защищенные невысокой, протянувшейся на десятки километров дугообразной отливкой, выполненной из похожего на бетон материала, возвышались над металлическими деревьями.

«Несколько шахт по добыче скоргиума?!»

Тима начало трясти.

«Этого не может быть… – растерзанные обрывки мыслей бессильно бились в рассудке. – *Я не верю… Я не мог попасть в будущее, и само будущее не может быть таким!..»*

Взгляд скользил по окрестностям.

Исковерканная земля, опаленная, изрезанная сетью полуразрушенных укреплений, усеянная ржавеющими остовами исчадий техноса. Мертвая равнина от горизонта до горизонта. Никаких признаков жизни.

Под сенью металлических деревьев, соединенные с ними толстыми жгутами, свитыми из побегов металлических лиан, застыли приземистые обтекаемые конструкции. Тим невольно заострил внимание на странных, вызывающе поблескивающих сооружениях, и сканеры снова взяли увеличение, показывая всё новые и новые подробности.

Все «объекты», застывшие на выровненных площадках, под сенью металлических деревьев, имели одинаковую форму и размеры, но находились в разной стадии готовности. Одни состояли из сложных сетчатых каркасов, другие уже имели внутренние перегородки, разделявшие их на «отсеки», третьи были частично обшиты сегментами бронеплит.

Подле одной из площадок он заметил покосившийся рекламный щит.

«Мы выращиваем космические корабли, чтобы Вы могли покинуть умирающую планету. Корпорация «Сибирь-скоргиум» – лидер гипертоннельных перевозок».

Тим судорожно всхлипнул.

Он все еще отказывался верить в происходящее, но взгляд уже бессознательно искал ответ на вопрос: куда подевались люди?

Очередную металлическую плиту с выдавленной на ней предупреждающей надписью он заметил на серой полоске изгибающейся дугой «дамбы».

«Внимание! Запретная зона! Граница пространственно-временной аномалии! Выход за пределы защитного периметра запрещен!»

«Пространственно-временная аномалия…

Значит, тоннель ведет не на свободу? Он уходит в будущее?!

Уму непостижимо…»

Он снова взглянул на конус гигантского торнадо, ясно различимый там, где небо сливалось с землей линией горизонта.

Барьеров нет. Они исчезли…

Тим сел. Ноги не держали его. Под руку попался какой-то овальный предмет, он машинально сжал его в пальцах, затем, вздрогнув, взглянул: что же это такое?

Овальный жетон из серебристого металла, с несколькими вкрапленными микрочипами. В нижней части лаконичная надпись:

«Убежище шахты № 5. Пропуск сотрудника корпорации «Сибирь-

скоргиум».

Тим несколько секунд смотрел на странный жетон, затем сжал его в кулаке, отчаянно подумав: «*Все… Теперь я точно пропал…*»

* * *

Совершенно один в изменившемся до полной неузнаваемости мире.

Тим просто не смог вынести такого внезапного, вмиг уничтожившего все надежды оборота событий.

Он сидел на склоне холма в полной прострации, вновь и вновь смаргивая, в тщетной надежде, что жуткое наваждение исчезнет, сгинет, но всё оставалось на своих местах.

Ажурные шахты по добыче скоргиума возвышались над лесом металлических деревьев.

На выровненных площадках застыли частично *выращенные* из каких-то особых автонов космические корабли.

Следы глобальной битвы между людьми и техносом виднелись повсюду.

Озираясь, Тим терял последние капли надежды.

Ему было страшно, он понятия не имел, что делать теперь.

Ни людей, ни механоидов, ни единой живой души вокруг, да и чип мью-фона глухо молчал, не получая сигналов ни на одной из частот.

Внезапно у горизонта, там, где вздымался к небесам исполинский мутный смерч, зародилась вспышка зеленоватого сияния.

Пульсация!

«Только ее мне сейчас не хватало!» Тим вскочил. Надо бежать, прятаться, но куда?

Тоннель! Назад, в тоннель под землю!

Он без труда отыскал отверстие в склоне холма, ведь он отошел от него всего лишь на несколько шагов.

Сердце бешено билось в груди. После пережитого шока сознание утратило четкость, он запаниковал и застрял в узкой расселине, ведущей к шаткой металлической лесенке.

Вал пульсации, постепенно затухая, катился к дугообразному сооружению, на котором была закреплена та самая предупреждающая об опасности табличка:

«Граница пространственно-временной аномалии»!

Изумрудное сияние волной окатило холм. Тим извивался, отчаянно пытаясь пролезть через теснину расселины, когда вдруг ощутил странное покалывание во всем теле и, потеряв опору, полетел вниз, в темноту.

Удара о землю он не почувствовал.

* * *

Сознание вернулось к Тиму резко и болезненно.

Боль пульсировала в боку. Каждый вдох давался с трудом. Перед глазами плавал красноватый сумрак.

Упал. Наверное, сломал ребра…

Почему меня покачивает? Откуда этот красноватый свет? Что за тени вокруг?!

Внезапно одна из теней склонилась над ним. Он сжался, ожидая чего-то ужасного, и вдруг… увидел расплывшееся в улыбке, веснушчатое лицо за прозрачным забралом боевого шлема.

– Очнулся, везунчик? – Сержант присел рядом с носилками. Теперь Тим отчетливо рассмотрел знаки различия Российских изоляционных сил Барьерной Армии.

– Где я?.. – слабо прошептал он.

– Да все нормально. Под завал ты попал. Случайно на тебя наткнулись. Куда же вы, экстремалы, всё лезете? Жизнь вам не дорога? Ну что там, в полуразрушенной подземке, интересного? Или ты за Барьер в Новосибирскую зону хотел пробраться?

У Тима вновь все помутилось в голове.

– Барьер?.. На месте?.. – с трудом выдавил он.

– А где же ему быть? На месте, конечно, – усмехнулся сержант. – Ты, наверное, головой здорово стукнулся, парень. Звать-то тебя как? Откуда сам?

– Тимофей… Из Питера я…

– Ого. Так что ж тебя в Сибирь-то понесло? В Питере, что ли, руин не хватает? Или в Сосновом Бору уже неинтересно?

Тим промолчал.

– Ладно. Отдыхай, горемыка. Капитану нашему все расскажешь. Если не врешь, домой к маме с папой отправим. Хотя подозрительный ты. Экипировка сталкерская. Но поражения скоргами нет, мы тебя отсканировали.

«Господи… – Тим вспомнил жуткие картины будущего, что пригрезились ему. – Это был бред… Как хорошо, что это был бред!.. Я в своем времени, я прошел через Светлый Тоннель, меня подобрали военные… Они сказали что скоргов не обнаружили… Значит, все удалось!.. Я вырвался!..»

В этот момент бронемашина остановилась.

– Выгружаемся! – скомандовал сержант. – Парнишке помогите!

* * *

Мутный купол Барьера отсекал горизонт. Мертвенное свечение заливало окрестности.

– Стой здесь. – Сержант кивнул караульному. – Присмотри за ним, я схожу ротному доложу.

Тим озирался вокруг, как будто впервые видел небо, землю, деревья…

– Этот, что ли? – раздался над ухом незнакомый басовитый голос.

– Да. Засыпало его в старом тоннеле. Наверное, несколько суток без сознания провалялся. Случайно на него наткнулись, детектор жизненных форм сработал, так откопали, вытащили.

– Ну, давай, веди его в штаб. Там выяснят, что к чему.

Вокруг шелестели ветвями сосны. Облака разогнало ветром, и в черном небе искрились звезды.

Тим едва не заплакал от счастья, уже не вспоминая свое жуткое бредовое видение.

Он вернулся…

На подступах к Новосибирской зоне отчужденных пространств

– Ну что, Терехов, как там наш везунчик?

– Да все в порядке с ним. Истощен, пережил сильный стресс. В другой раз будет знать, как по старым бункерам лазить.

– Личность установили? С родителями связались?

– Да, Тимофей Шагалов. Странная с ним история. Пропал он больше месяца назад, друзья говорят, он и еще двое пацанов собирались в руины Соснового Бора.

– А как же он тут оказался?

– Ну, дурное дело нехитрое. Ты же знаешь, капитан, что у пацанов в голове? Ветер, страсть к приключениям. Родители чуть с ума не сошли, думали, погиб, а он тут, видишь, объявился. Сегодня вечером за ним прилетят.

– А что с экипировкой? Проверил?

– Да обыкновенная сталкерская, порядком истрепанная. Наверное, на черном рынке купил. Чип мью-фона нерабочий у него изъяли.

– И всё?

– Всё, – хитро сощурился сержант.

– Ну ладно. Меня в штаб вызывают. Опять добровольцем за Барьер агитировать будут.

Сержант Терехов проводил офицера взглядом, затем разжал ладонь, посмотрел на странный, конфискованный среди вещей Тима предмет.

Овальный жетон с несколькими микрочипами и выдавленной по нижнему краю надписью:

«Убежище шахты № 5. Пропуск сотрудника корпорации «Сибирь-скоргиум».

Ну надо же… Чего только пацаны не придумают. Слово-то откуда такое взяли – «скоргиум»?

Сержант не сомневался, что перед ним забавный сувенир – такие подделки под различные артефакты в окрестностях отчужденных пространств штампуют тысячами, чтобы продавать незадачливым туристам.

Терехов не мог и предположить, что овальный жетон в его ладони – фрагмент будущего.

notes

Примечания

1

Теоретически скорги способны преодолеть границу Барьера и некоторое время просуществовать вне отчужденных пространств.

2

Фрич – аномальная вязкая субстанция ядовито-зеленого цвета. Образуется в отчужденных пространствах. Нейтральна по отношению к органике, на неорганические соединения действует агрессивно, вызывая эффект, сравнимый с воздействием жидкого азота.

3

Подробнее об этих событиях в романах Вячеслава Шалыгина «Противостояние», «Свинцовый шквал».

4

«ОРП» – охранный робот периметра. Выпускаются в трех модификациях, на шагающем, колесном и гусеничном приводах. Попадая в границы отчужденных пространств, быстро становятся добычей скоргов. Среди сталкеров известны как «ЭРЗы» – эволюционировавшие роботы зоны, относящиеся к классу «примитивов».

5

Дьякон – основатель секты «Пламенный Крест», отряда хорошо организованных воинствующих фанатиков, поставивших себе целью истребление научных групп, занимающихся изучением отчужденных пространств.

6

ИПК – импульсный пулемет системы Карташова. В просторечье «карташ».

7

СВК – снайперская винтовка системы Карташова.

8

«Мотылек» – на жаргоне обитателей отчужденных пространств, неимплантированный сталкер. Выживание «мотыльков» целиком зависит от состояния экипировки с замкнутыми циклами жизнеобеспечения.

9

«Жестянка» – заросли металлорастений. Сленговое название, возникшее по аналогии со словом «зеленка».

10

Армган – сленговое название лазерного излучателя.

11

ЭРЗ – эволюционировавший робот зоны.

12

«Карташ» – сленговое название импульсного пулемета системы Карташова.

13

«Мегера» – импульсный дробовик. Эффективен на малых расстояниях.

14

«Джинн» – человек, переживший формирование отчужденных пространств, находившийся непосредственно в зоне катаклизма. Иначе – «жженые сталкеры», обладающие сверхспособностями в силу того, что их стандартные импланты (вживленные еще до Катастрофы) подверглись изменениям в момент первой пульсации.

15

События романа «Сталтех».

16

Время адаптации – период, когда организм и импланты сталкера «приходят в себя» после гиперпространственной транспортировки. У неподготовленных сталкеров состояние беспомощности может продолжаться от нескольких минут до получаса.

17

На самом деле «луч» импульсного лазера – это серия разрядов, воспринимаемая человеческим глазом как непрерывный поток.

18

Металлорастение «Титановая Лоза» является одним из основных компонентов сборного артефактного устройства «Джампер», которое имеет вид пояса и позволяет надевшему его сталкеру совершать огромные прыжки либо левитировать.

19

«Шаровуха» (*жаргонное*) – временно стабилизированный заряд, основное оружие сталкеров специализации «энергик».